

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИНСТИТУТ МАГИСТРАТУРЫ

К 95-летию СПбГЭУ

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ:
УСКОРЕННАЯ АДАПТАЦИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Коллективная монография

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2025**

УДК 339.97
ББК 65.59

Р76 **Российская экономика в условиях международных ограничений: ускоренная адаптация и перспективы развития : коллективная монография.** – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2025. – 163 с.

ISBN 978-5-7310-6927-4

Коллективная монография посвящена проблемам развития российской экономики в условиях международных ограничений. Анализируются процессы адаптации российской экономики к условиям международных ограничений и связанные с ними структурные изменения. Рассматриваются меры экономической политики, трансформация внешнеэкономических связей и развитие механизмов импортозамещения. Оцениваются перспективы экономического роста, ключевые риски и потенциальные точки развития в средне- и долгосрочной перспективе.

Монография может представлять интерес для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, а также учёных, специалистов-практиков, интересующихся вопросами развития российской экономики в условиях международных ограничений.

УДК 339.97
ББК 65.59

Коллектив авторов: Боркова Е.А., Ватлина Л.В., Еловская М.А., Миэринь Л.А., Мосияш А.Э., Петров М.А., Русина Н.Э., Селищева Т.А., Семенихин А.Л., Славецкая Н.С., Сыроватская О.Ю., Тумарова Т.Г., Якшибаева Г.В.

Рецензенты: д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета **И.М. Алиев** заведующий кафедрой философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета канд. экон. наук, доцент **К.А. Прозоровская**

ISBN 978-5-7310-6927-4

© СПбГЭУ, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Петров М.А.)	4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ.....	7
1.1. Адаптация российской экономики к современным реалиям: механизмы, перспективы и прогнозы (Мосияш А.Э., Петров М.А.)	7
1.2. Инновационная трансформация производства в цифровой экономике (Селищева Т.А.)	28
1.3. Обеспечение экономической безопасности национальной экономики в условиях ускоренной цифровизации (Еловская М.А.)	38
1.4. Мониторинг системы государственного управления по внедрению повестки устойчивого развития (Боркова Е.А.)	45
1.5. Эволюция и вызовы национальных проектов: путь России к устойчивому развитию (Ватлина Л.В.)	55
1.6. Целеполагание финансового состояния промышленных предприятий как инструмент устойчивого развития (Сыроватская О.Ю.)	64
ГЛАВА 2. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ.....	70
2.1. Социально-экономические последствия ускоренной адаптации в условиях международных санкций и ограничений (Петров М.А.) ...	70
2.2. Рыночные и плановые регуляторы трудовой миграции в условиях санкционного давления на экономику России (Якшибаева Г.В.)	91
2.3. Трансформация платёжных инструментов на современном этапе (Семенихин А.Л.)	101
2.4. Вектор развития российской энергетики в условиях вызовов энергоперехода (Миэринь Л.А., Русина Н.Э.)	119
2.5. Перспективы развития российско-иранско-турецких отношений в энергетической сфере в условиях санкционных ограничений (Тумарова Т.Г., Славецкая Н.С.)	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Петров М.А.)	144
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	148

ВВЕДЕНИЕ

Петров Максим Александрович

кандидат социологических наук, доцент

кафедра социологии и управления персоналом

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: petrov_maxim@rambler.ru

Современный этап развития мировой экономики характеризуется нарастанием геоэкономической фрагментации, усилением протекционистских тенденций и расширением практики применения международных экономических ограничений как инструмента внешнеполитического и экономического воздействия. В этих условиях национальные экономики сталкиваются с необходимостью ускоренной адаптации к изменяющейся конфигурации глобальных рынков, трансформации внешнеэкономических связей и пересмотра сложившихся моделей экономического роста. Российская экономика в полной мере испытывает влияние данных процессов, что обуславливает высокую актуальность комплексного научного анализа происходящих структурных и институциональных изменений.

Введение международных ограничений в отношении Российской Федерации стало одним из наиболее значимых внешних шоков для национальной экономической системы за последние десятилетия. Их воздействие затронуло ключевые сферы экономической деятельности, включая внешнюю торговлю, финансовые рынки, инвестиционные процессы, технологическое развитие и логистическую инфраструктуру. В то же время данные ограничения выступили фактором, стимулирующим формирование новых механизмов экономической адаптации, переориентацию внешнеэкономических связей, развитие внутреннего производства и активизацию роли государства в регулировании социально-экономических процессов.

Несмотря на масштабность и многоуровневый характер внешних вызовов, российская экономика продемонстрировала способность к относительно быстрой стабилизации и адаптации. Это проявилось в сохранении макроэкономической устойчивости, перестройке торговых потоков, формировании альтернативных финансовых и расчётных механизмов, а также в развитии процессов импортозамещения и технологической кооперации с новыми партнёрами. Вместе с тем ускоренная адаптация не устраняет системных ограничений и долгосрочных рисков, связанных с инвестиционным климатом, технологической зависимостью, демографическими факторами и структурными диспропорциями.

В этих условиях возрастает значение научных исследований, направленных на выявление закономерностей и механизмов адаптации экономики к международным ограничениям, оценку эффективности реализуемых мер экономической политики, а также анализ перспектив социально-экономического развития в условиях продолжающейся трансформации мировой экономической системы. Особую актуальность приобретает комплексный междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать экономические процессы во взаимосвязи с институциональными, политическими и социальными факторами.

Целью настоящей монографии является всесторонний анализ трансформации российской экономики в условиях международных ограничений, выявление ключевых направлений и механизмов ускоренной адаптации, а также оценка перспектив её развития в средне- и долгосрочной перспективе. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: анализируется воздействие международных ограничений на основные макроэкономические параметры и отраслевую структуру экономики; исследуются изменения в системе внешнеэкономических связей и финансовых механизмов; рассматриваются институциональные меры государственной экономической политики; оценивается потенциал структурных преобразований и формирования новых точек экономического роста.

Объектом исследования в монографии является российская экономика как целостная социально-экономическая система в условиях внешних ограничений. Предметом исследования выступают экономические отношения, механизмы и инструменты адаптации, формирующиеся в процессе трансформации хозяйственной системы под воздействием международных ограничений и изменений мировой экономической среды.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы экономического анализа, включая системный и структурно-функциональный подходы, методы макроэкономического и институционального анализа, сравнительный и динамический анализ, а также элементы экономического прогнозирования. В работе используются официальные статистические данные, материалы органов государственной власти, аналитические отчёты научных и экспертных центров, а также результаты современных отечественных и зарубежных исследований.

Научная новизна монографии заключается в комплексном рассмотрении процессов ускоренной адаптации российской экономики в условиях международных ограничений с учётом их многоуровневого и долгосрочного характера. В работе предпринята попытка не только зафикс-

сировать последствия внешних шоков, но и выявить формирующиеся новые модели экономического развития, институциональные изменения и потенциальные направления структурного роста. Особое внимание уделяется оценке устойчивости адаптационных механизмов и их способности обеспечить долгосрочное развитие экономики.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных выводов и рекомендаций в деятельности органов государственного управления, при разработке стратегий социально-экономического развития, а также в научно-образовательном процессе. Материалы монографии могут быть использованы при подготовке учебных курсов, аналитических докладов и экспертных оценок, посвящённых проблемам современной российской экономики и глобальных экономических трансформаций.

Структура монографии обусловлена логикой исследования и поставленными задачами. В первой главе рассматриваются теоретические и методологические основы анализа экономической адаптации в условиях международных ограничений. Во второй главе анализируются ключевые направления трансформации российской экономики и реализуемые меры экономической политики. В третьей главе оцениваются перспективы развития, основные риски и потенциальные точки роста в условиях продолжающихся структурных изменений мировой экономики.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

1.1. Адаптация российской экономики к современным реалиям: механизмы, перспективы и прогнозы

Мосияш Алжанат Эльдеркадиевна
доктор экономических наук, профессор
кафедра прикладной экономики
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет («ЛЭТИ»)
e-mail: saljanat@mail.ru

Петров Максим Александрович
кандидат социологических наук, доцент
кафедра социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
e-mail: petrov_maxim@rambler.ru

Адаптация российской экономики к современным реалиям стала определяющим направлением государственного и корпоративного развития в посткризисный период 2022-2025 годов. Внешнеполитическая турбулентность, ограничение доступа к международным финансовым рынкам, а также масштабные технологические санкции поставили перед национальной экономикой задачу не просто стабилизации, но глубокой структурной перестройки. При этом ключевым результатом стало не разрушение прежних моделей, а их качественное преобразование – формирование устойчивых институтов, способных обеспечивать развитие в условиях длительной внешней изоляции. Российская экономика продемонстрировала уникальную способность к институциональному и технологическому самообновлению, что позволяет говорить о формировании модели «адаптивного роста», основанной на внутреннем спросе, диверсификации промышленного потенциала и укреплении экономического суверенитета [1].

С началом 2022 года резкое сокращение импорта, остановка ряда производственных цепочек и уход значительной части иностранных компаний с российского рынка вызвали краткосрочное замедление экономической активности. Тем не менее, уже к концу 2023 года макроэкономические показатели стабилизировались: спад ВВП, по данным Росстата, составил лишь 2,1%, тогда как первоначальные прогнозы предполагали

снижение на 8-10%. Эта динамика объясняется эффективной комбинацией жёсткой денежно-кредитной политики и гибкого бюджетного стимулирования, направленного на поддержку ключевых отраслей и внутреннего потребительского спроса [2].

Одним из центральных факторов адаптации стала промышленность. Сектор обрабатывающих производств, оказавшийся наиболее уязвимым перед разрывом внешних связей, одновременно стал площадкой для импортозамещения и технологической локализации. В 2023-2024 годах индекс промышленного производства вырос на 3,8%, при этом доля отечественных комплектующих в машиностроении достигла 65%, а в химической промышленности – 72%. Государственная поддержка сыграла здесь системообразующую роль: льготные кредиты, налоговые преференции и субсидирование закупок отечественного оборудования позволили предприятиям ускорить перестройку производственных цепочек. Программа технологической независимости, запущенная в 2022 году, предусматривает локализацию критических компонентов в 218 приоритетных направлениях – от станкоинструментальной базы до микроэлектроники [3].

Энергетический комплекс, на протяжении десятилетий служивший фундаментом экспортных доходов, прошёл масштабную переориентацию. Потеря части европейского рынка привела к активизации поставок в страны Азии: экспорт нефти в Китай, Индию и Турцию увеличился на 35% по сравнению с 2021 годом, а объём газовых поставок по маршрутам «Сила Сибири» и «Турецкий поток» вырос на 28%. Несмотря на внешние ограничения, общий уровень добычи нефти удерживается на уровне 515-520 млн тонн в год, что подтверждает устойчивость отрасли [4]. При этом внутренняя переработка сырья стала стратегическим приоритетом – строительство и модернизация нефтехимических комплексов в Нижегородской, Омской и Ленинградской областях позволили увеличить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью на 22%.

Роль военно-промышленного комплекса в адаптационном процессе оказалась двойственной. С одной стороны, рост государственного оборонного заказа (на 30% в 2023 году) обеспечил загрузку машиностроительных, приборостроительных и металлургических предприятий. С другой – именно ВПК стал площадкой для технологического рывка, который впоследствии распространился на гражданские отрасли. В частности, разработки в области микроэлектроники, робототехники и искусственного интеллекта, реализуемые в рамках оборонных программ, нашли применение в производстве гражданской техники, навигационных систем и беспилотного транспорта [5]. Таким образом, оборонный сектор

не только компенсировал технологические разрывы, но и стал катализатором формирования внутренней инновационной среды.

Важнейшей опорой внутренней стабильности стало сельское хозяйство, которое к 2024 году превратилось из дотационного сектора в источник устойчивого экспортного дохода. По данным Минсельхоза, совокупный объём производства сельхозпродукции в 2023 году вырос на 4,2%, а экспорт зерна достиг 47 млн тонн, что составляет около 20% мирового рынка пшеницы. Благодаря программам государственной поддержки, объём инвестиций в аграрный сектор увеличился на 18%, а внутренняя продовольственная обеспеченность по основным категориям превысила 90%. Россия закрепила за собой статус одного из ведущих поставщиков продовольствия на рынки Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии, что существенно усилило её геоэкономические позиции [6].

Параллельно происходила цифровизация сельского хозяйства: внедрение технологий точного земледелия, дронов и систем спутникового мониторинга позволило повысить эффективность использования земель и снизить издержки. Применение искусственного интеллекта для прогнозирования урожайности и автоматизации логистических процессов стало стандартом крупных агрохолдингов, что вывело российский АПК на качественно новый уровень технологического развития [7].

Особое значение в процессе адаптации приобрёл транспортно-логистический сектор, поскольку именно он обеспечил физическую возможность переориентации экспортных потоков и внутреннего снабжения. После 2022 года Россия оказалась перед необходимостью перестроить основные маршруты поставок, ранее проходившие через европейские хабы. В течение двух лет была создана новая география внешней торговли: доля восточных направлений (через Приморье, Казахстан и Китай) превысила 70% всех грузопотоков, тогда как ещё в 2021 году этот показатель не достигал и 40% [8]. Развитие транспортной инфраструктуры стало неотъемлемой частью стратегии экономической устойчивости. Модернизация Байкало-Амурской магистрали и Транссиба, расширение портовых мощностей Владивостока и Находки, строительство новых терминалов в Астрахани и Махачкале обеспечили диверсификацию логистических маршрутов.

Формирование международного транспортного коридора «Север–Юг» к 2024 году стало символом успешной адаптации инфраструктуры к новой реальности. Грузооборот по этому направлению вырос более чем в два раза, достигнув 22 млн тонн, а прогноз к 2030 году составляет не менее 50 млн тонн ежегодно. Это направление связывает порты Мурманска и Санкт-Петербурга с Ираном, Индией и странами Персидского за-

лива, формируя новый контур евразийской торговли. В результате Россия фактически стала ключевым транзитным узлом между Европой, Азией и Ближним Востоком, что не только компенсировало потери от сокращения западных перевозок, но и укрепило позиции страны как глобального логистического центра [9].

Развитие транспортной системы сопровождалось масштабной локализацией производства подвижного состава и судостроительных мощностей. Российские предприятия «Трансмашхолдинг» и «Уралвагонзавод» запустили собственные линии по выпуску современных локомотивов и вагонов, доля отечественных компонентов в которых превысила 80%. В судостроении активно развиваются компетенции в области ледокольного флота и контейнерных судов. Программы импортозамещения в транспортном машиностроении позволили не только сохранить занятость, но и сформировать новые точки роста в регионах Севера и Дальнего Востока [9].

Информационно-технологическая сфера стала, пожалуй, самым динамичным направлением адаптации. Уход иностранных поставщиков программных решений и облачных сервисов в 2022 году стимулировал активное развитие отечественных платформ. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» получила ускорение, а государственная политика цифрового суверенитета стала неотъемлемым элементом экономической стратегии. Уже к 2025 году доля отечественного программного обеспечения в корпоративных системах достигла 75%, а общий объём российского ИТ-рынка превысил 2,6 трлн рублей [9].

Главными центрами технологического роста стали Сбер, Ростелеком, Яндекс, VK и десятки новых инновационных компаний, формирующих экосистему отечественного софта и цифровых решений. Активно развиваются направления искусственного интеллекта, кибербезопасности, облачных вычислений и обработки больших данных. В 2024 году экспорт ИТ-услуг вырос на 15% по сравнению с 2021 годом, а доля высокотехнологичного экспорта в структуре ВВП превысила 4%. Эти процессы свидетельствуют о становлении новой модели экономики, где цифровой сектор становится драйвером не только инноваций, но и макроэкономической стабильности [9].

Рост значимости ИТ-индустрии тесно связан с цифровизацией государственного управления. Программы «Цифровое государство» и «ГосТех» обеспечили внедрение отечественных платформ в систему госуслуг, налогового администрирования и документооборота. Это не только повысило эффективность взаимодействия между государством и бизнесом, но и укрепило кибербезопасность, минимизировав зависи-

мость от иностранных решений. Как отмечает С.Д. Бодрунов, «цифровой суверенитет сегодня является неотъемлемым элементом национального суверенитета в целом, а способность государства контролировать собственные информационные потоки становится показателем экономической зрелости» [6].

В макроэкономическом измерении 2022–2025 годы показали устойчивость ключевых параметров российской экономики. После шокового периода начала 2022 года экономика стабилизировалась: уже в 2023 году рост ВВП составил 3,6%, а в 2024 году – 2,5%. Инфляция, достигшая пика в 13,8% в 2022 году, была снижена до 5% к концу 2024 года благодаря жёсткой, но сбалансированной политике Центрального банка. Курс рубля, сохраняя гибкость, выполнял функцию амортизатора внешних шоков, что позволило избежать масштабных валютных кризисов [2]. Уровень безработицы, напротив, снизился до исторического минимума – 3%, а реальная заработная плата выросла в среднем на 2,3% ежегодно.

Инвестиционная активность стала одним из ключевых индикаторов адаптационного успеха. Инвестиции в основной капитал выросли на 5,6% в 2023 году и на 4,2% в 2024-м, что отражает восстановление доверия бизнеса и расширение внутреннего рынка. Основными источниками инвестиций стали собственные средства предприятий (около 60% общего объёма), средства Фонда национального благосостояния и банковское кредитование. Важную роль сыграли государственные программы субсидирования процентных ставок и гарантирования инвестиций для малого и среднего бизнеса. Наблюдается постепенный сдвиг инвестиционной активности в регионы, особенно в Приволжский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, где формируются новые промышленные кластеры [10].

Внешнеэкономическая политика России в 2022-2025 годах претерпела системную перестройку, приведшую к формированию новых центров международного взаимодействия. Если до 2022 года структура внешней торговли ориентировалась преимущественно на страны Европейского союза, то уже к 2025 году около 75% экспортно-импортных операций осуществлялось со странами Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. Эта переориентация не только компенсировала утрату западных рынков, но и открыла новые возможности для расширения производственных и финансовых цепочек [11].

Интеграция в формат БРИКС и его расширение до БРИКС+ стали важнейшими элементами новой стратегии международного позиционирования России. В рамках объединения активно развиваются направления валютно-финансового сотрудничества, совместных инвести-

ций, энергетического взаимодействия и технологических обменов. Создание системы расчётов в национальных валютах и переход к взаимным клиринговым схемам позволили сократить зависимость от долларовой и евровой инфраструктуры. Уже к 2024 году доля взаимных расчётов между странами БРИКС в нацвалютах превысила 35%, а к 2030 году прогнозируется рост этого показателя до 60% [12].

Одним из важнейших шагов стало развитие механизмов кредитования и страхования экспортных операций в юанях, рупиях и реалах, что позволило России участвовать в формировании новой мировой валютно-финансовой архитектуры. Инициатива по созданию единой расчётной платформы БРИКС, поддержанная в 2025 году, направлена на формирование альтернативной инфраструктуры международных платежей. Она предполагает использование цифровых валют центральных банков и может стать базой для долгосрочной финансовой интеграции Глобального Юга [12].

Параллельно усилилось экономическое взаимодействие России с Китаем, Индией и странами Юго-Восточной Азии. В 2023 году товарооборот между Россией и Китаем превысил 240 млрд долларов США, а доля национальных валют в расчётах достигла 90%. С Индией за тот же период объём взаимной торговли вырос в 2,7 раза, достигнув 65 млрд долларов, причём львиная доля сделок также осуществлялась в рупиях и рублях. Эти процессы отражают тенденцию к формированию многополярной модели мировой торговли, где Россия выступает ключевым поставщиком энергоресурсов, продовольствия и технологий для развивающихся стран [13].

Важным направлением адаптации стало углубление энергетического сотрудничества в рамках БРИКС+. Россия активно участвует в проектах по созданию энергетических хабов в Азии и Африке, а также в строительстве новых транспортных коридоров для поставок нефти, газа и угля. Одновременно развиваются инициативы по передаче технологий в области возобновляемой энергетики и водородного топлива. Таким образом, энергетическая дипломатия становится не только инструментом торговли, но и фактором технологического партнёрства, способного укрепить позиции России как ведущего поставщика энергии и технологий в Глобальном Юге [14].

Долгосрочный прогноз до 2030 года предполагает сохранение устойчивой динамики роста российской экономики при постепенном изменении её структуры. Согласно базовому сценарию Минэкономразвития, ВВП России будет расти в среднем на 2,2-2,5% в год, а инфляция удержится в пределах 4-5%. Инвестиции в основной капитал увеличатся

на 4% ежегодно, при этом доля частных инвестиций возрастет за счёт стимулирования предпринимательской активности и расширения внутренних рынков. В оптимистичном сценарии, основанном на ускоренной технологической модернизации и эффективной интеграции в международные финансовые механизмы БРИКС+, темпы роста ВВП могут достичь 3-3,2% в год, что обеспечит России устойчивое место в пятёрке крупнейших экономик мира [15].

Стрессовый сценарий, напротив, предполагает сохранение внешнего давления и ограниченного доступа к зарубежным технологиям, что может снизить темпы роста до 1-1,3%. Однако даже при этом экономика, обладая накопленным потенциалом адаптации, сохраняет внутреннюю устойчивость. Роль государства как стратегического инвестора и гаранта стабильности бюджета становится определяющей. Как подчёркивает А.Г. Аганбегян, «государственная инвестиционная политика сегодня выполняет функцию экономического якоря, стабилизируя воспроизводственный цикл в условиях внешней неопределённости» [16].

Долгосрочные тенденции указывают на рост значимости регионального развития. В 2025-2030 годах приоритетным направлением становится формирование промышленных и инновационных кластеров в регионах Сибири, Поволжья и Дальнего Востока. Эти территории становятся площадками для новых производственных и логистических цепочек, связывающих Россию с азиатскими рынками. Инвестиции в инфраструктуру, транспорт и энергетические сети формируют основу для внутреннего мультипликативного эффекта, когда каждый вложенный рубль в инфраструктурные проекты создаёт до 1,6 рубля дополнительного ВВП [8].

Особую роль играет развитие человеческого капитала. Демографические тенденции требуют стимулирования занятости и повышения квалификации работников, особенно в сфере инженерии, ИТ и промышленного производства. Программы переобучения и профессиональной мобильности, реализуемые при поддержке государства, направлены на сокращение кадрового дефицита и укрепление инновационного потенциала. К 2030 году ожидается, что уровень занятости в высокотехнологичных секторах вырастет на 15-18%, а доля работников с высшим техническим образованием превысит 45% [17].

Важным индикатором устойчивого развития становится постепенное восстановление реальных доходов населения. С 2025 года прогнозируется ежегодный рост заработной платы на 2-2,5%, что позволит поддерживать внутренний спрос и стимулировать малый и средний бизнес. Таким образом, внутреннее потребление остаётся основным драйвером

роста, обеспечивая стабильность экономики даже при внешних шоках. Совокупное влияние структурных реформ, цифровизации и международной кооперации формирует новую траекторию развития, которую можно охарактеризовать как «экономику адаптивного роста» – систему, способную реагировать на вызовы внешней среды без потери динамики и стратегической устойчивости [18].

Одним из ключевых направлений структурного развития до 2030 года становится технологическая модернизация промышленности. Эволюция производственных систем после 2022 года привела к тому, что Россия начала формировать собственный инновационный цикл, основанный на национальных технологиях и научных разработках. В рамках программы «Технологический суверенитет – 2030» реализуются более 150 проектов в области микроэлектроники, материаловедения, робототехники и искусственного интеллекта. Эти направления не только обеспечивают импортнезависимость, но и формируют экспортный потенциал, который становится новым источником валютных поступлений.

Особое внимание уделяется формированию внутренней технологической базы. Государственная корпорация «Ростех» и ряд ведущих университетов запустили комплексные программы по развитию отечественного производства микропроцессоров, сенсоров и промышленных контроллеров. К 2025 году на долю российских решений в сегменте промышленной автоматизации приходится более 60%, а объём рынка отечественной микроэлектроники вырос в 2,5 раза по сравнению с 2021 годом [15]. Эти данные подтверждают устойчивость процесса реиндустриализации, которая становится ключевым направлением экономической политики.

Важным элементом модернизации выступает развитие инновационной инфраструктуры. Создаются технопарки, инжиниринговые центры и отраслевые консорциумы, объединяющие научные учреждения, бизнес и государственные корпорации. Такая модель взаимодействия позволяет ускорить трансфер технологий и повысить эффективность внедрения инноваций. В 2024 году на долю инновационно активных предприятий приходилось уже 14,8% всех промышленных компаний, что соответствует уровню ведущих развивающихся экономик [15].

Государство сохраняет ведущую роль в стимулировании инновационного развития. Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) выросли с 1,1% ВВП в 2021 году до 1,6% в 2024 году, а к 2030 году планируется довести этот показатель до 2%. Приоритет отдан отраслям, имеющим высокую степень мультипликативного влияния: машиностроению, авиации, энергетике, химической про-

мышленности, а также информационным технологиям. Государственная поддержка реализуется через гранты, налоговые льготы и субсидирование инновационных проектов, что способствует привлечению частного капитала в высокотехнологичные сегменты [19].

Наряду с технологическим развитием формируется новая финансовая модель экономики. Центральный банк России выстроил стратегию жёстко сбалансированной монетарной политики, направленной на сохранение низкой инфляции и устойчивости банковской системы. Несмотря на ограничения внешнего финансирования, внутренняя ликвидность обеспечивается механизмами рефинансирования и использованием национальных инструментов фондового рынка. Рост активов банковской системы за 2023-2024 годы составил 14%, а кредитование реального сектора увеличилось на 9%, что свидетельствует о восстановлении инвестиционного цикла [20].

Развитие финансовых технологий становится ещё одним инструментом адаптации. Расширение использования системы быстрых платежей, внедрение цифрового рубля и развитие инфраструктуры отечественных платёжных систем укрепляют финансовую автономию государства. Цифровой рубль, официально запущенный Банком России в 2024 году, стал важным элементом новой финансовой архитектуры: он обеспечивает прямые расчёты между предприятиями без участия посредников и снижает издержки бизнеса. В долгосрочной перспективе этот инструмент позволит интегрировать российскую финансовую систему с партнёрами по БРИКС через совместные платформы цифровых валют центральных банков [21].

Фискальная политика в рассматриваемый период сочетает принципы сбалансированности и стимулирования. Бюджетное послание на 2025 год предусматривает сохранение уровня государственного долга ниже 20% ВВП, что обеспечивает устойчивость бюджетной системы и её способность финансировать стратегические проекты. Расходы на инфраструктуру и промышленную политику составляют 5,2% ВВП, а на социальную сферу – около 14%, что соответствует модели сбалансированного роста. При этом сохраняется положительное сальдо торгового баланса, а валютные резервы превышают 600 млрд долларов в эквиваленте, несмотря на перераспределение активов в азиатские валюты [19].

Социальная устойчивость выступает важнейшим фактором долгосрочного развития. Демографические риски, связанные со снижением численности трудоспособного населения, компенсируются мерами по стимулированию рождаемости, развитию инфраструктуры здравоохранения и поддержке региональных программ занятости. Ключевым

направлением становится развитие человеческого капитала: повышение качества образования, особенно технического и инженерного, а также формирование системы непрерывного обучения. В 2025 году доля расходов на образование и науку достигла 5,5% ВВП, что соответствует уровню стран с развитыми инновационными системами [19].

Важную роль играет повышение социальной мобильности и вовлечение молодёжи в инновационные отрасли. Реализуются программы поддержки стартапов и грантовые конкурсы для молодых инженеров и исследователей, что способствует формированию «поколения технологического оптимизма». Этот феномен отражает переход от адаптационной модели выживания к *модели проактивного развития*, где внутренние стимулы роста становятся более значимыми, чем внешние ограничения [10].

Немаловажным компонентом социально-экономической устойчивости остаётся территориальное развитие. Усиление роли регионов в управлении инвестиционными и промышленными проектами привело к повышению эффективности использования ресурсов. Реализуемые в 2024–2025 годах национальные проекты «Развитие Сибири» и «Дальний Восток 2030» направлены на создание инфраструктурных узлов, промышленных кластеров и технополисов. Это способствует формированию равномерного экономического пространства и снижает уровень межрегиональной дифференциации. Как отмечает В.А. Мау, «структурная устойчивость современной экономики во многом определяется не только макроэкономическими параметрами, но и способностью регионов к самостоятельному развитию» [22].

Комплексное сочетание технологической модернизации, фискальной устойчивости и социальной сбалансированности формирует основу для нового этапа экономического развития России. К 2030 году ожидается завершение цикла адаптации и переход к *модели устойчивого инновационного роста*, где ключевыми ресурсами становятся знания, человеческий капитал и цифровая инфраструктура. Это означает, что российская экономика окончательно преодолевает зависимость от сырьевых факторов и формирует собственные драйверы развития, основанные на внутренних возможностях и научно-технологическом потенциале [9].

Одной из наиболее заметных особенностей адаптационного периода стала активизация инновационных центров, формирующих основу новой экономической модели. К 2025 году в России функционирует более 200 научно-технологических парков и инжиниринговых кластеров, объединяющих свыше 12 тысяч предприятий и исследовательских орга-

низаций. Среди них особое значение приобрели центры в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и Казани, где сконцентрированы ключевые компетенции в области микроэлектроники, авиационного и космического машиностроения, фармацевтики, биотехнологий и искусственного интеллекта [23]. Эти центры формируют не только внутренние инновационные экосистемы, но и становятся элементами международных цепочек знаний и технологий.

Инновационные парки выполняют функцию «точек притяжения» для инвестиций и кадров. Они способствуют сокращению дистанции между научными разработками и коммерциализацией технологий. Так, по данным Минобрнауки, доля предприятий, внедривших результаты НИОКР в производство, выросла с 9% в 2021 году до 15,3% в 2024 году. Экспорт высокотехнологичной продукции увеличился на 27%, при этом лидерами по темпам роста стали фармацевтика, ИТ и приборостроение [9]. Формируется национальная модель инновационного рынка, способная интегрироваться в глобальную систему при сохранении технологического суверенитета.

Международное сотрудничество в сфере науки и технологий стало одним из приоритетов внешней политики. Россия укрепляет партнёрские отношения с Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки. Совместные исследовательские проекты в области энергетики, медицины, сельского хозяйства и космоса формируют новый формат международной интеграции – «научно-технологическую дипломатическую платформу» [24]. При этом взаимодействие строится на принципах взаимной выгоды, обмена знаниями и равноправного участия. В рамках БРИКС+ и ШОС создаются совместные исследовательские фонды, а также образовательные программы, направленные на подготовку кадров для инновационных отраслей.

Трансформация модели развития сопровождается углублением промышленной кооперации. Россия становится центром притяжения производственных инвестиций из дружественных стран, прежде всего Китая, Индии, Ирана и Турции. К 2024 году в стране реализовано более 120 совместных проектов в сфере машиностроения, нефтехимии, фармацевтики и сельского хозяйства. Эти инвестиции не только компенсируют отток западного капитала, но и создают новые технологические платформы, способные обеспечить независимость в критических отраслях [24]. Как отмечает экономист А. Кудрин, «вектор адаптации российской экономики смещается от оборонительного к созидательному: внутренние институты и внешние партнёрства формируют устойчивую среду долгосрочного роста» [9].

Важным компонентом адаптационной стратегии стала энергетическая диверсификация. Россия активно инвестирует в развитие альтернативных источников энергии – солнечной, ветровой и водородной. Несмотря на сохраняющуюся роль традиционных ресурсов, доля возобновляемых источников в энергетическом балансе увеличилась с 1,5% в 2021 году до 4,8% в 2025 году, а по прогнозам может достичь 10% к 2030 году [10]. Эти изменения свидетельствуют о стремлении к технологической независимости и экологической устойчивости, что соответствует глобальным трендам «зелёной трансформации».

Долгосрочные сценарии развития российской экономики строятся на сочетании двух тенденций: адаптации к внешним вызовам и формирования внутреннего потенциала инновационного роста. Базовый сценарий, который можно охарактеризовать как «мягкий модернизационный», предполагает умеренный рост ВВП на уровне 2,5–3% в год при стабильных макроэкономических параметрах. Оптимистичный сценарий, опирающийся на ускоренное внедрение технологий и расширение экспорта высокотехнологичных товаров, допускает рост экономики до 3,5–4% ежегодно [8].

Существует также стратегический сценарий – переход к экономике знаний. Его реализация возможна при условии повышения доли НИОКР до 3% ВВП, развития цифровой инфраструктуры и систем образования, соответствующих потребностям индустрии 4.0. В этом случае Россия способна к 2030 году стать одним из ведущих центров технологического развития Евразии, что обеспечит качественное изменение структуры экономики и устойчивый рост производительности труда [25].

Особое внимание в прогнозах уделяется роли государства. Государственное планирование постепенно приобретает элементы стратегического менеджмента, где приоритеты определяются не только по секторам, но и по технологическим траекториям. Появляется понятие «национальных проектов нового поколения», направленных на достижение конкретных экономических эффектов – от развития искусственного интеллекта до импортонезависимых медицинских технологий. Эти проекты финансируются из бюджета развития, средства которого формируются за счёт профицита бюджета и доходов от экспорта энергоресурсов [26].

Итогом адаптационного цикла становится переход к качественно новой модели роста. Экономика России всё более ориентируется на внутренние источники развития, при этом государство выполняет роль координирующего центра, обеспечивающего баланс интересов бизнеса, науки и общества. Взаимосвязь макроэкономической устойчиво-

сти, технологической модернизации и социальной сбалансированности формирует основу для устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Таким образом, адаптация к внешним вызовам становится не реакцией на кризис, а формой эволюционного обновления национальной модели, способной обеспечивать рост даже в условиях глобальной нестабильности [27].

Влияние международных ограничений на российскую экономику стало одним из ключевых факторов, определивших её адаптационную динамику. Масштаб санкций, введённых против России в 2022-2023 годах, не имеет аналогов в современной истории: ограничения затронули более 13 тысяч физических и юридических лиц, свыше 80% внешнеэкономических операций и около 50% критически важных технологий [10]. Однако последствия этих мер оказались существенно мягче, чем прогнозировали зарубежные аналитики. Российская экономика продемонстрировала феноменальную устойчивость за счёт сочетания институциональной гибкости, адаптации финансовой системы и мобилизационного потенциала промышленности.

Первоначальный эффект санкций выразился в кратковременном росте инфляции и ослаблении рубля, однако в течение нескольких месяцев экономическая система выработала компенсаторные механизмы. Одним из таких инструментов стала валютная переориентация – отказ от доллара и евро в пользу юаня, дирхама, рупии и рубля в трансграничных расчётах. Уже в 2023 году доля «дружественных валют» в международных платежах России превысила 75%, а доля юаня в валютных резервах составила около 40%. Это позволило стабилизировать курс рубля и снизить уязвимость финансовой системы [10].

В промышленности санкции сыграли парадоксально позитивную роль – они стимулировали импортозамещение и формирование национальных производственных цепочек. Так, в машиностроении, ранее зависимом от импорта комплектующих на 60–70%, уже к 2024 году доля отечественных компонентов достигла 65%. В химической промышленности наблюдается рост внутреннего производства удобрений и полимеров на 8% ежегодно, что позволяет не только обеспечивать внутренний спрос, но и сохранять экспортные позиции. Авиационная отрасль, пострадавшая от санкций наиболее сильно, перешла к масштабной программе локализации: с 2023 года серийное производство самолётов SSJ-New и MC-21 оснащается полностью отечественными двигателями и авионикой [9].

Энергетический сектор также прошёл процесс структурной адаптации. После введения потолка цен на нефть и эмбарго на поставки энер-

гоносителей в Европу Россия переориентировала экспортные потоки на восток. Объем поставок нефти в Китай, Индию и Турцию вырос более чем на треть, а доля азиатских направлений в структуре экспорта превысила 70%. При этом доходы федерального бюджета от нефтегазового сектора сохранялись на уровне 10–11 трлн рублей ежегодно, что позволило компенсировать часть потерь от снижения мировых цен [19].

Развитие внутреннего энергетического рынка стало ещё одним фактором устойчивости. В 2023 году внутреннее потребление газа выросло на 4,5%, а программы газификации регионов охватили более 1,5 млн домохозяйств. Одновременно происходило активное развитие возобновляемой энергетики: ввод в эксплуатацию новых ветропарков в Адыгее, Калмыкии и Мурманской области, а также солнечных электростанций на Юге России способствовал росту «зелёной» генерации. Эти процессы позволяют говорить о постепенном переходе от экспортно-сырьевой модели к модели внутреннего энергообеспечения и технологической диверсификации [28].

Институциональные изменения стали фундаментом долгосрочной устойчивости. Государство активно перестраивает систему управления экономикой, повышая роль стратегического планирования. Созданы новые институты развития – Корпорация МСП, Фонд индустриальных инициатив (ФИИ), Российский фонд технологического развития – которые обеспечивают целевое финансирование инноваций, малого и среднего бизнеса и промышленных кластеров. Возрождение элементов индикативного планирования позволяет координировать инвестиционную политику и добиваться синергии между регионами и секторами.

Значительную роль играет совершенствование регуляторной среды. Принята концепция «регуляторной гильотины 2.0», направленная на сокращение административных барьеров и цифровизацию контроля. К 2025 году более 60% разрешительных процедур переведены в электронную форму, что позволило сократить сроки согласования проектов и снизить издержки бизнеса. Внедрение «регуляторных песочниц» в инновационных отраслях обеспечивает гибкое тестирование новых технологий и бизнес-моделей без риска санкций за формальное несоответствие действующим нормам [1].

В финансовой политике сохраняется ориентация на устойчивость и минимизацию внешних рисков. Россия продолжает сокращать долю внешнего долга, которая к 2024 году снизилась до 14% ВВП – одного из самых низких показателей среди крупных экономик. В то же время происходит дедолларизация финансовых потоков: более 80% межбанковских расчётов осуществляется в национальной валюте. Это не только

снижает риски санкционного давления, но и способствует формированию национального финансового центра, независимого от западных клиринговых систем [2].

В долгосрочной перспективе санкции стали своеобразным катализатором институционального обновления. В условиях внешнего давления Россия сформировала собственную систему экономического управления, основанную на сочетании рыночных и плановых механизмов. Как отмечает академик С.Ю. Глазьев, «внешние ограничения стимулировали внутренние резервы развития, вынудив экономику перейти от догоняющей модели к созидательной, ориентированной на внутренние ресурсы и инновации» [29]. Этот переход отражает глубинные изменения в логике развития – от ориентации на внешние заимствования и импорт технологий к модели самовоспроизводства, где ключевым ресурсом становятся знания и организационные компетенции.

Таким образом, санкционное воздействие, изначально воспринимавшееся как угроза, стало фактором структурного укрепления. Экономика России прошла этап мобилизационной адаптации и вступила в фазу устойчивого роста, основанного на национальных источниках финансирования, внутренних технологических разработках и расширяющемся внутреннем рынке. Совокупный эффект адаптационных мер позволяет утверждать, что к 2030 году Россия сформирует новую модель экономического развития, сочетающую технологическую независимость, финансовую устойчивость и социальную стабильность [10].

Совокупность факторов, определивших адаптацию российской экономики в 2022-2025 годах, позволяет рассматривать этот период как рубежный в постсоветской экономической истории. За короткий временной промежуток страна прошла путь от кризисной стабилизации к устойчивому росту, основанному на внутренних механизмах воспроизводства. Данный процесс не сводится к компенсаторной реакции на внешние вызовы – напротив, он отражает переход к новой фазе системной эволюции, в рамках которой формируется качественно иная модель экономического управления, сочетающая рыночные стимулы и стратегическое государственное планирование.

Важнейшей характеристикой новой модели является институциональная синергия. Если в 1990–2010-е годы экономическая система развивалась преимущественно экстравертно, с опорой на внешние инвестиции и импорт технологий, то начиная с 2022 года логика развития сместилась внутрь – к формированию внутренних источников роста, национальных центров компетенций и собственных технологических платформ. Этот переход знаменует собой возникновение феномена «инсти-

туционального самообеспечения», когда внутренняя инновационная экосистема воспроизводит ресурсы, ранее импортировавшиеся извне. Такая модель не является авторитарной или автаркической: она базируется на гибридных принципах открытого суверенитета, предполагающего интеграцию с внешним миром на условиях равноправного обмена и технологической кооперации [29].

Экономические итоги первых лет адаптации подтверждают правильность стратегического курса. Рост ВВП на уровне 3,5% в 2023 году и 2,5% в 2024 году при сохранении низкого уровня безработицы и инфляции демонстрирует, что внутренние источники роста начинают доминировать над экспортно-сырьевыми. Доля несырьевого экспорта в структуре внешней торговли увеличилась с 36% в 2021 году до 47% в 2025-м, что свидетельствует о формировании нового технологического ядра экономики. Одновременно растёт инвестиционная активность: в 2024 году общий объём инвестиций в основной капитал достиг 26,7 трлн рублей, что на 6% выше уровня предыдущего года [9].

Эти тенденции подтверждают, что российская экономика не только адаптировалась к санкционным ограничениям, но и смогла выстроить устойчивые механизмы развития. К числу ключевых адаптационных инструментов относятся государственные программы поддержки промышленности, переход на расчёты в национальных валютах, цифровизация государственного управления и формирование внутреннего рынка капитала. Именно сочетание этих факторов позволило смягчить внешние шоки и стабилизировать социально-экономическую динамику. В результате Россия избежала масштабных спадов и деиндустриализации, характерных для экономик, находящихся под длительным внешним давлением.

Отдельного внимания заслуживает влияние структурных реформ на макроэкономическую устойчивость. Переход к новой системе распределения инвестиций – от отраслевой к проектной – обеспечил более эффективное использование бюджетных средств. Национальные проекты в области транспорта, энергетики, науки и образования создают мультипликативный эффект, оцениваемый экспертами Института народнохозяйственного прогнозирования РАН в диапазоне от 1,4 до 1,8 рубля дополнительного ВВП на каждый вложенный рубль [30]. Тем самым экономика постепенно переходит от экстенсивного типа роста к интенсивному, где производительность труда и инновации становятся основным фактором развития.

Долгосрочный прогноз до 2030 года указывает на сохранение устойчивых темпов роста при условии продолжения технологической

модернизации и повышения инвестиционной активности. Базовый сценарий предполагает ежегодный рост ВВП на уровне 2,3–2,7%, оптимистичный – 3,0–3,4%, при этом инфляция будет удерживаться в диапазоне 4–5%, а уровень безработицы – не выше 3,5%. Реальные доходы населения к 2030 году должны увеличиться на 15–18%, а производительность труда – на 20 %. Эти параметры соответствуют целям социально-экономического развития, обозначенным в Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации до 2030 года [30].

Существенную роль в будущем сыграет интеграция национальной экономики в формирующуюся многополярную систему мирового хозяйства. Развитие институциональных связей в рамках БРИКС+, ЕАЭС и ШОС создаёт основу для участия России в новых глобальных цепочках добавленной стоимости. В этих процессах Россия выступает не только как поставщик ресурсов, но и как производитель технологий, знаний и промышленной продукции. При этом международное сотрудничество приобретает более сбалансированный характер: Россия экспортирует не только сырьё, но и комплексные технологические решения в области энергетики, сельского хозяйства, ИТ и транспортного машиностроения [17].

Следствием интеграционных процессов становится постепенное формирование новой финансовой архитектуры, ориентированной на использование национальных валют и цифровых инструментов. В перспективе до 2030 года ожидается, что доля расчётов в национальных валютах с партнёрами по БРИКС и ЕАЭС превысит 70%, а использование цифрового рубля в трансграничных операциях станет повсеместным. Это позволит снизить транзакционные издержки и создать альтернативную мировую систему расчётов, независимую от западных финансовых институтов. Таким образом, Россия становится активным субъектом в формировании новой экономической глобализации, в которой центры роста смещаются в Азию, Африку и Латинскую Америку [31].

Социальные аспекты адаптационной модели также демонстрируют положительную динамику. Программа национальных проектов, реализуемая в 2023–2025 годах, позволила повысить качество жизни населения: уровень бедности снизился до 9%, а реальная заработная плата выросла на 6% относительно 2021 года. Развитие региональных рынков труда, цифровизация социальных услуг и поддержка семей с детьми способствуют укреплению социальной сплочённости. Таким образом, экономическая адаптация дополняется социальной консолидацией, что является важнейшим условием долгосрочной устойчивости [10].

В совокупности адаптационные механизмы, задействованные российской экономикой после 2022 года, образуют целостную систему, которую можно охарактеризовать как модель ускоренного структурного обновления. Эта модель сочетает черты классической индустриальной экономики и постиндустриальной инновационной системы, где основными драйверами выступают технологическая независимость, инвестиционная самодостаточность и цифровизация государственного управления. Сформировавшиеся институты не только обеспечили краткосрочную устойчивость, но и создали фундамент для долгосрочного роста, основанного на внутренних источниках развития.

Ключевой особенностью адаптационного цикла является его нелинейный характер. Переход к устойчивости происходил не в результате одномоментного кризисного скачка, а через последовательную институциональную настройку – от стабилизации финансовых потоков до формирования новых технологических контуров. Этот процесс можно рассматривать как переход от реактивной к проактивной модели развития, где государственная политика не просто отвечает на внешние вызовы, но формирует собственные приоритеты. Как отмечает академик РАН А.А. Дынкин, «вызовы глобализации и санкционного давления способствовали ренессансу стратегического мышления в российской экономике, где ключевыми категориями становятся устойчивость, предсказуемость и национальная компетенция» [17].

На уровне макроэкономических индикаторов устойчивость проявляется в постепенном восстановлении инвестиционного цикла, росте производительности труда и укреплении финансовой стабильности. За период 2022–2025 годов объём инвестиций в основной капитал вырос на 12%, производительность труда – на 8%, а совокупная рентабельность промышленности повысилась с 8,5 до 11%. Положительная динамика поддерживается высокими ценами на экспортные товары, ростом несырьевого сектора и увеличением внутреннего потребления. Эти факторы обеспечивают устойчивость даже в условиях внешнего давления и сохраняющейся волатильности мировых рынков [8].

Одновременно усиливается роль государства как координирующего и стратегического субъекта. Государственные институты развития, такие как ВЭБ.РФ, Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), Фонд развития промышленности (ФРП) и Фонд развития цифровой экономики (ФРЦЭ), играют ключевую роль в управлении инвестиционными потоками и поддержке инновационных проектов. Такой подход соответствует концепции неоиндустриального государственного капитализма, при котором государство выполняет функции инвестора, гаранта и моде-

ратора структурных изменений, не подменяя при этом рыночные механизмы. Это позволяет сохранить гибкость экономической системы и при этом направлять ресурсы в приоритетные отрасли.

Финансовая система России к 2025 году продемонстрировала способность к автономному функционированию. После ухода западных банков и инвестиционных фондов в 2022 году внутренние финансовые институты заняли освободившееся пространство. Национальный банковский сектор расширил кредитование промышленности и малого бизнеса, а рынок облигаций стал ключевым инструментом привлечения инвестиций. За два года объём корпоративных облигаций на внутреннем рынке вырос на 40%, а доля рублёвых активов в портфелях институциональных инвесторов достигла 85%. Эти процессы способствуют дедолларизации экономики и укрепляют рубль как региональную резервную валюту [20].

В области внешнеэкономических отношений адаптация проявилась в создании альтернативных логистических и финансовых маршрутов. Россия не только переориентировала экспортно-импортные потоки, но и сформировала новые форматы сотрудничества – от энергетических союзов до валютных соглашений в рамках БРИКС и ЕАЭС. К 2025 году объём торговли со странами «дружественного блока» превысил 65% от общего товарооборота, а география экспорта охватила более 180 стран. Это свидетельствует о качественном изменении внешнеэкономической архитектуры и постепенном формировании многополярной системы мирового хозяйства [29]. Долгосрочные прогнозы до 2030 года указывают на сохранение тенденции устойчивого роста. Структурные преобразования в промышленности и энергетике, а также развитие инновационного сектора будут определять экономическую динамику следующего десятилетия. В сценарии умеренного роста доля несырьевого экспорта достигнет 55%, доля высокотехнологичных отраслей в ВВП – 22%, а доля расходов на НИОКР – 2,5% ВВП. При этом сохраняются низкие показатели безработицы и инфляции, а бюджетная система останется сбалансированной при долговой нагрузке менее 25% ВВП [27].

Одновременно прогнозируется усиление влияния человеческого капитала как стратегического ресурса. Повышение уровня образования, развитие профессиональной мобильности и вовлечение молодёжи в научно-техническое творчество становятся факторами долгосрочного конкурентного преимущества. Государственная политика в этой сфере направлена на формирование «экономики компетенций», где знание, инновация и креативность становятся основой национального богатства. Этот подход обеспечивает преемственность адаптационной модели, превращая временный кризис в долговременное развитие [32].

В заключении можно отметить, что российская экономика не только прошла этап адаптации, но и вступила в фазу саморазвивающегося устойчивого роста. Сформированные в 2022–2025 годах институциональные, финансовые и технологические механизмы создают фундамент для будущего десятилетия. Основные векторы этого роста – цифровизация, индустриальная модернизация, развитие человеческого капитала и интеграция в новые глобальные рынки. Тем самым формируется модель экономики, где устойчивость не является статическим состоянием, а выступает динамическим процессом, основанным на способности системы к постоянному обновлению. Как справедливо подчёркивает академик РАН В.В. Ивантер, «адаптация современной экономики – это не временная реакция на внешнее давление, а переход к принципиально иной парадигме развития, в которой главным ресурсом становится не капитал, а организация знаний и институтов» [18].

Завершая рассмотрение адаптационного периода, можно утверждать, что российская экономика прошла один из наиболее сложных, но в то же время продуктивных этапов своей новейшей истории. За три года страна продемонстрировала способность не только к стабилизации, но и к институциональному и технологическому обновлению, превратив внешние ограничения в стимул для внутреннего роста. Совокупность мер государственной политики, направленных на поддержку промышленности, развитие науки и цифровизацию, обеспечила формирование новой модели воспроизводства, в которой внутренние ресурсы стали доминирующими.

Главным итогом адаптации стало формирование многоконтурной экономической системы, способной функционировать в условиях постоянной турбулентности. Эта система сочетает централизованное стратегическое планирование и рыночную инициативу, создавая баланс между государственным регулированием и предпринимательской активностью. Именно этот баланс стал ключевым фактором выживаемости экономики, позволив смягчить последствия санкционного давления и обеспечить устойчивость финансовой системы.

Развитие адаптивных институтов привело к изменению парадигмы управления. Государственная политика, ранее преимущественно реактивная, приобрела проактивный характер: планирование стало стратегическим, управление – проектным, а развитие – инновационно ориентированным. Появились новые формы экономического регулирования, основанные на цифровом контроле, прогнозировании и гибком распределении ресурсов. Это свидетельствует о переходе к модели управления в реальном времени, где государство выступает не только в роли арбитра, но и модератора экономических процессов.

В результате российская экономика обрела признаки системной устойчивости. Экономический рост, основанный на внутренних инвестициях и инновациях, постепенно заменяет прежнюю экспортно-сырьевую зависимость. При этом сохраняется важнейшее качество – способность адаптироваться к внешним шокам без разрушения внутренних структур. Этот феномен можно охарактеризовать как «устойчивость через обновление»: экономика остаётся гибкой, но при этом не теряет внутреннего равновесия.

Прогноз до 2030 года предполагает сохранение тренда на консолидацию экономики вокруг внутренних центров роста. Основными приоритетами государственной политики станут развитие инфраструктуры, технологическое импортозамещение, повышение производительности труда и расширение экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Государственные инвестиции будут сосредоточены в стратегических отраслях – энергетике, машиностроении, ИТ и биотехнологиях [33]. При этом на смену простому количественному росту приходит качество экономического развития, выражающееся в технологическом и институциональном совершенствовании.

В социальной сфере прогнозируется дальнейшее укрепление человеческого капитала: рост реальных доходов, снижение бедности до уровня менее 8%, а также развитие системы образования, ориентированной на потребности цифровой и инженерной экономики. Совокупный эффект этих процессов приведёт к формированию устойчивого внутреннего спроса и консолидации среднего класса как базового слоя модернизационной экономики.

С макроэкономической точки зрения модель адаптации 2022-2025 годов может рассматриваться как начало нового цикла российской экономической модернизации. Этот цикл характеризуется одновременным развитием индустриальных, цифровых и финансовых институтов, а также формированием стратегического партнёрства между государством, наукой и бизнесом. Именно синергия этих трёх элементов обеспечивает долгосрочную устойчивость, превращая краткосрочные вызовы в факторы внутреннего укрепления. Итоговый вывод заключается в том, что современная российская экономика демонстрирует переход от модели зависимости к модели субъектности. Внешние ограничения, ставшие катализатором кризиса, превратились в инструмент структурного роста. Возникла уникальная конфигурация – «экономика суверенного развития», где национальная безопасность, инновации и социальная устойчивость объединены в единую систему стратегического планирования. Таким образом, адаптация перестаёт быть ответом на угрозу и становится новой формой экономического самосознания.

1.2. Инновационная трансформация производства в цифровой экономике

Селищева Тамара Алексеевна

*доктор экономических наук, профессор
кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
e-mail: selishcheva@list.ru*

В цифровой экономике трансформируется процесс воспроизводства, рассматриваемый как постоянно повторяющееся последовательное прохождение стадий производства, распределения, обмена и потребления. Цифровая трансформация существенно влияет на процесс воспроизводства в экономике страны: меняется характер производимого продукта, технологический базис; модифицируются формы функционирующего капитала, рынок труда, сам механизм рынка; идет трансформация основных стадий процесса воспроизводства, отношений собственности, эффективности системы управления экономикой; усиливается цифровая глобализация экономики. Это изменяет хозяйственную систему, структуру национальной экономики и процесс воспроизводства в целом.

В условиях цифровой экономики происходит изменение технологического базиса по следующим направлениям: развитие сетей, web-сайтов, аддитивных технологий и технологий цифровых двойников; роботизация производства; появление Интернета вещей (IoT), промышленного интернета (IIoT), цифровых платформ; технология 3D-печати; использование искусственного интеллекта (ИИ), био- и нейротехнологий, Нейронет; организация комплексных систем управления киберфизическими системами жизненного цикла изделия PLM-систем (Product Lifecycle Management) и др. Четвертая промышленная революция характеризуется развитием технологий, стирающих грань между физической, цифровой и биологической сферами, а также меняющими традиционный уклад практически всех отраслей хозяйства во всех странах.

Большое влияние на процесс воспроизводства оказывает информационная (цифровая) глобализация. Благодаря цифровой глобализации растет виртуализация сферы функционирования капитала, ускоряется мобильность капитала. В современных условиях происходит переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени, выходящее

за границы одного предприятия, с перспективой объединения в глобальную промышленную сеть. Цифровая глобализация фактически привела к преодолению функционирования воспроизводственных систем в национально-локализованных формах, к расширению границ протекания воспроизводственных процессов, усилению интеграции стран.

Рисунок 1.1 – Модификация процесса воспроизводства в условиях цифровой экономики

Происходит трансформация промышленного капитала, наряду с денежной, производительной и товарной формами капитала формируется специфический цифровой капитал; расширяется виртуальная сфера функционирования капитала. Цифровой капитал уже накоплен большинством компаний и составляет около 25% совокупных активов компаний [34], а у компаний-лидеров цифровизации эта доля еще выше.

Наличие информационной и экономической глобализации обостряет конкуренцию между производителями, что требует непрерывного

совершенствования и обновления продукта, жизненный цикл которого постоянно сокращается; растет наукоёмкость производимых продуктов и услуг; повышаются требования к научному потенциалу производства, к объему средств, необходимому для НИОКР, растут инновационные риски; ускоряется дифференциация и обновляемость продукции.

Цифровизация модифицирует рыночный механизм: меняются методы конкуренции, механизм ценообразования; усиливается виртуализация сферы функционирования капитала, растет гиперконкуренция; меняется соотношение рынка и госрегулирования; появляется информационный рынок; растет монополия платформ. Национальная конкурентоспособность все больше начинает зависеть от конкурентоспособности цифровых платформ.

Рынок труда также трансформируется в условиях цифровизации: он глобализируется и переходит национальные границы, возрастает мобильность рабочей силы; расширяется удаленная занятость, частичная занятость, платформенная занятость; появляются гибкие формы занятости, новые цифровые профессии и другое. Видоизменяются формы собственности: идет виртуализация отношений собственности в Интернете, растет шеринговая экономика, приобретает специфику управление цифровой платформенной экономикой. Современная цифровая экономика все больше превращается в платформенную экономику.

Платформа – это сложная информационная система, обеспечивающая выполнение функций взаимосвязи между участниками рынков, открытая для использования клиентами и партнерами, разработчиками приложений, поставщиками услуг и агентами [35]. Платформенные компании обладают способностью интегрировать факторы и эффективно распределять ресурсы, которой нет у традиционных компаний. Многосторонняя платформа (*managed service provider (MSP)*) обеспечивают прямое взаимодействие между группами пользователей и является, по мнению американских исследователей Х. Оверби и Я.А. Одестада, «одной из самых прибыльных инноваций цифровой экономики» [36, с. 70]. Ряд крупнейших компаний цифровой экономики строят свой бизнес, используя модель MSP: Google, Facebook, eBay. Существует два основных типа MSP: цифровые и материальные. Цифровые платформы выступают посредниками в обмене цифровыми товарами и услугами (Facebook и MasterCard), а материальные – в обмене материальными товарами и нецифровыми услугами (например, Uber, Avito).

Для интернет-платформы объем транзакций цифровых товаров и услуг, которые проходят через нее, являются конечным продуктом, что

значительно повышает скорость обращения капитала. Владельцы современной платформенной компании на первом этапе функционирования капитала приобретают аппаратные средства, необходимые для интернет-платформы, и рабочую силу, которая поддерживает бизнес интернет-платформы. На стадии производства капитал платформенной компании непосредственно не принимает участия в производстве товаров и услуг; это делают многочисленные пользователи платформы на своих предприятиях. Однако на стадии производства капитал платформенной компании не прерывается и не застаивается, поддерживая занятость рабочей силы платформенной компании. На стадии реализации готовой продукции производителями через платформу, платформенные компании, обладая монопольной властью, получают избыточную прибавочную стоимость в форме монопольной ренты и наращивают свой денежный капитал. Китайский экономист Чен Эньфу делает вывод, что «особенности обращения капитала платформенных компаний не способствуют инновационному развитию реальной экономики, повышению благосостояния потребителей, балансу спроса и предложения для общественного воспроизводства и беспрепятственной внутренней циркуляции» [37, с. 216]. Традиционные предприятия и фирмы производят вполне конкретные частные продукты, а платформенные компании предоставляют такие им услуги, как информационные технологии и управленческий надзор. В настоящее время конкурентоспособность экономики отдельной страны все больше зависит от конкурентоспособности национальных платформ, на которых базируются обычные предприятия [37, с. 217–218].

Платформы обладают огромной монопольной властью, владеют большими данными для получения сверхприбылей, поэтому обязательно нуждаются в государственном регулировании, но в капиталистической экономике это регулирование подчинено олигархической экономике и олигархии и не может изменить большое неравенство в богатстве и доходах. Целью капиталистического производства является получение прибыли. В России присутствуют цифровые платформы-монополисты. Так, в 2024 году ФАС заявил, что платформы Wildberries и Ozon занимают 80% рынка маркетплейсов в стране [38].

Уровень цифровой трансформации предприятий и фирм различных отраслей современной экономики очень неоднороден. Американский экономист Д. Мошелла даёт объяснение, почему отрасли экономики по-разному вовлекаются в процессы цифровизации, и делает это с помощью составленной им матрицы масштаба отраслевых прорывов в области цифровой трансформации, где по вертикали показан уровень

риска при осуществлении цифровизации, а по горизонтали – вид продукта: физический (обозначен им условно «атомы») или цифровой (обозначен условно «биты») (таблица 1.1). Правый нижний квадрант в матрице Д. Мошеллы – сектор с наибольшей долей прорывных изменений в цифровизации. В этом квадранте расположены цифровые бизнесы, имеющие низкий уровень риска, что объясняет причину более быстрых изменений цифровых предприятий по сравнению с физическими. Фирмы в нижнем левом квадранте имеют низкий уровень риска и являются физическими бизнесами («атомами»), они характеризуются заметными прорывными изменениями.

Таблица 1.1 – Матрица масштаба отраслевых прорывов в области цифровой трансформации Д. Мошеллы

Уровень риска	Прорывных изменений пока немного	
Высокий	Сектора экономики: <ul style="list-style-type: none"> • Оборонный сектор. • Аэрокосмический сектор. • Энергетический сектор. • Производственный сектор. • Автомобильный сектор. 	Профессиональные области: <ul style="list-style-type: none"> • Здравоохранение. • Бухгалтерский учет. • Юриспруденция. • Образование. • Банковское дело. • Страхование.
IT-услуги		
Низкий	Заметные прорывные изменения: <ul style="list-style-type: none"> • Такси, совместное использование автомобилей. • Розничные магазины/торговые центры. • Туризм, отели, организация мероприятий. • Аппаратное обеспечение. 	Значительные прорывные изменения: <ul style="list-style-type: none"> • Музыка, книги, телевидение. • Газеты, журналы. • Реклама/ маркетинг. • Пакетное ПО.
Атомы	Степень цифровизации	Биты

Источник: составлено автором по [39]

Высокий уровень риска и цифровую природу демонстрируют фирмы из правого верхнего квадранта, которые обладают как цифро-

выми качествами (информация, биты), так и физическими (выполнение задач человека). Их положение зависит от соотношения «атомы/биты» и степени риска [39].

Одной из новых трендов современной цифровой экономики является индивидуализация производства, которая касается самих процессов и продуктов, настраиваемых на конкретного потребителя, а также возрастающего числа индивидуальных производителей, предпринимателей или наемных работников. В настоящее время появилось понятие «потребительская индустрия», означающее, что потребитель участвует в принятии решения о разработке новых товаров и услуг, поиске новых каналов сбыта. Имея большие данные о потребителях, компании могут выпускать продукцию с учетом их индивидуальных предпочтений осуществлять более гибкую рекламу, сформировать общественное мнение по бренду компании. Существуют специальные методы контроля и монетизации больших данных потребителей, «создается целая индустрия по работе с потребителями, в которой имеются и своя добавленная стоимость, и бизнес-процессы, и прибыль» [40, с. 112–123]. Индивидуализация производства проявляется как в продуктах, производимых с учетом потребности конкретного потребителя, также и в том, что увеличивается количество индивидуальных производителей.

Большие возможности для индивидуального производства и предпринимательства дает такая аддитивная технология, как 3D-печать. Эта технология позволяет создавать изделия с учётом личных предпочтений и характеристик покупателя. Кроме того, эта технология в перспективе позволяет снизить издержки производства на единицу продукции в сравнении с технологиями индустриальной эпохи. В настоящее время 3D – печать широко применяется в медицине (костные протезы, зубные импланты и др.); в разработке моделей обуви, одежды, разновидностей ювелирных изделий; в создании скульптур, строительстве домов и прочее. При этом стоимость 3D-принтеров постоянно снижается, а их разнообразие растёт, в результате чего появляется возможность не только создавать предметы для личного потребления, но также и для продажи. В результате формируется новый сегмент экономики для малого бизнеса с небольшими начальными капиталами. По некоторым оценкам, мировой рынок продуктов и услуг 3D-печати в 2024 г. превысил 24,41 млрд долл., а в 2037 г. может превысить 371,6 млрд долл. [41; 42].

3D-печать находит все большее применение в промышленности, особенно в высокотехнологичной. При выпуске наукоемкого продукта с помощью 3D-принтера проводится создание нескольких пилотных вер-

сий продукта прежде, чем запускать его в производство. Кроме того, печать на 3D-принтере в ряде случаев позволяет снизить издержки на производство продукта относительно традиционных технологий.

Социальные теоретики левого толка видят в 3D-принтерах революционный потенциал. Так, американский писатель-урбанист, сотрудник Лондонской школы экономики Адам Гринфилд отмечает, что «3D-принтер является самым ярким знаком грядущей революции – цифрового изготовления всего, с чем мы сталкиваемся в мире... Если цена на принтеры продолжит падать и они будут шире внедряться в жизнь, издержки производства индивидуальных объектов будут стремиться к нулю. А когда это произойдет, перед товарной формой как кристаллизацией меновой стоимости, развернется пропасть, которая разрушит любые рынки, основанные на этой форме.... На кону стоит окончательное преодоление ограниченности материальных ресурсов. В мире, преодолевшем ограниченность ресурсов, изменится все: психология обыденной жизни, структура экономики и формы наших городов». Наступит «полностью автоматизированный коммунизм класса люкс» [43, с.125–126]. При этом Гринфилд использует ряд допущений: производство безотходное, работает под заказ и небольшими партиями, доступно и будет стоить очень дешево. Однако, чтобы приблизить затраты к нулю, принтеры и программное обеспечение к ним, а также сырье и энергия должны быть почти бесплатными. На деле с развитием 3D-печати потребуются дополнительные природные ресурсы, которые по-прежнему остаются ограниченными и цены на них только растут. Кроме того, 3D-принтеры чаще используются в развитых странах, а не там, где они больше нужны, например, в странах Африки. Современные модели принтеров дорогие, чересчур специализированные и в развивающихся странах у людей не хватает соответствующих компетенций для их эксплуатации.

Развитие интернет-технологий стимулировало появление дистанционной занятости; расширение виртуального предпринимательства, для которого не требуется больших групп работников; передача данных обеспечила сетевое управление и распределение труда.

Все большую роль в процессе производства начинают играть цифровые предприятия (Digital Enterprise) – это высокотехнологичные предприятия, которые прошли цифровую трансформацию, используют цифровые бизнес-модели, цифровые операционные модели, формируют широкий спектр цифровых навыков, благодаря которым они быстро адаптируются к изменению внешней и внутренней среды, получая необходимые конкурентные преимущества. На этих предприятиях наблюдается

высокий уровень конвергенции технологий искусственного интеллекта, когнитивных вычислений, цифровых двойников, промышленного Интернета вещей (IIoT), робототехники; бизнес-процессов и коммуникаций. Этот комплекс обеспечивает информационную связанность промышленных производственных объектов между собой и с внешними информационными системами. Интернет вещей, по экспертным оценкам, обеспечивает прирост национальных ВВП от 0,3% до 0,8%, а его лидерами являются три страны: ЕС, КНР и США, доля которых составляет 75% по доходам, расходам, числу подключений IoT. Развивающимся странам внедрение технологий интернета вещей, по экспертным оценкам, позволит увеличить прирост ВВП на 2% и более [44]. Это свидетельствует о большом технологическом разрыве между развитыми и развивающимися странами.

Наиболее успешно цифровое производство происходит в отраслях хайтек-индустрии, банковском секторе и ритейле. Так, в банковской сфере около 80% стандартных банковских процедур может осуществлять не сотрудник-операционист, а программа-робот, в результате чего будут активно высвобождаться работники. Продукт, предлагаемый цифровым предприятием рынку, тоже является цифровым. Примерами успешных цифровых предприятий в России являются, например, «Вымпел-Ком», «Газпром-Медиа Холдинг», «Лаборатория Касперского», «МегаФон», МТС, «Мэйл.Ру Групп», «Национальная Медиа Группа», «Ростелеком» и «Яндекс».

В настоящее время ускоряется капитализация цифровых компаний, формируются новые бизнес-модели. В созданной добавленной стоимости цифровых предприятий сокращается доля производственной стадии, но все больше увеличивается допроизводственная (проведение инновационных и научно-исследовательских проектов, проектирование, дизайн) и послепроизводственная стадия (оказание маркетинговой политики, формирование бренда, дистрибуция и оказание послепродажных услуг). Это явление С. Ши, основатель фирмы Acer, изобразил графически и назвал этот график «Улыбающаяся кривая» (рисунок 1.2).

«Улыбающаяся кривая» (Smile/Smiling Curve) показывает, как распределяется добавленная стоимость на разных стадиях производственного цикла, начинающегося от стадии разработки и заканчивающегося послепродажным обслуживанием товара [45, с. 162]. Все возрастающее значение на стадии производства начинает играть применение искусственного интеллекта, благодаря которому повышается уровень оптими-

зации и автоматизации производственных процессов, развитие умного (smart) производства и выход на более высокий уровень конкурентоспособности. Объём мирового рынка промышленных роботов в 2024 году составил 16,5 млрд долларов США [46]. Роботизация различных отраслей экономики приводит к вытеснению работников и экономии предпринимателя на затратах на заработную плату. К 2025 году роботы лишатся 85 млн человек работы. По данным McKinsey Global Institute, только за счёт внедрения роботов можно будет сэкономить до 15 трлн долл. затрат на зарплату и, соответственно, обеспечить рост прибылей. То есть главным выгодополучателем от внедрения роботизации становится капитал за счёт ущемления интересов наёмного персонала [47]. В России в настоящее время 30% российских организаций активно используют искусственный интеллект, включая госструктуры. К 2030 году технологии ИИ добавят 11 трлн рублей к ВВП России, а ежегодная выручка компаний, внедряющих ИИ, достигнет 60 млрд рублей [48]. Всё шире развиваются «безлюдные технологии» на основе массового распространения «умных роботов», что изменяет природу экономических отношений. «При таком развитии событий, считает известный российский экономист В.Т. Рязанов, можно прогнозировать постепенное вытеснение из этой системы на периферию отношений по поводу непосредственного производства благ, а может быть, даже и их исчезновение». Это означает, что новая система экономических отношений будет включать в свой состав в качестве основных отношения обмена, распределения и потребления» [49, с. 355].

Особенностью воспроизводства капитала на этапе позднего капитализма, по мнению российских экономистов-марксистов А. Бузгалина, Л. Булавка и А. Колганова, является рост креатосферы (сферы экономики, системное качество которой определяет творческий труд: образование, наука, искусство и др.), а также бесполезный сектор, в котором создаются блага, не содействующие развитию человеческих качеств и решению эко-социогуманитарных проблем [50]. Труд представителей творческих профессий является незаменимым: его нельзя заменить машинами, он неповторимый; профессиональная специализация в креативных отраслях чрезвычайно высока. В мире сформировались и быстро растут отрасли креативной индустрии, к которым относятся: реклама, архитектура, предметы искусства и антиквариат, дизайн; кино, видео и фотография; музыка, изобразительное и исполнительское искусство; издательская деятельность; программное обеспечение; электронные публикации; цифровые и развлекательные СМИ;

ТВ и радио. В этих сферах формируется «запрос на новые общественные отношения» [51, с. 15, 272, 279]. В 2024 г. общий объём международного креативного рынка составлял 712,9 млрд долл. США, и он растёт очень быстрыми темпами [52].

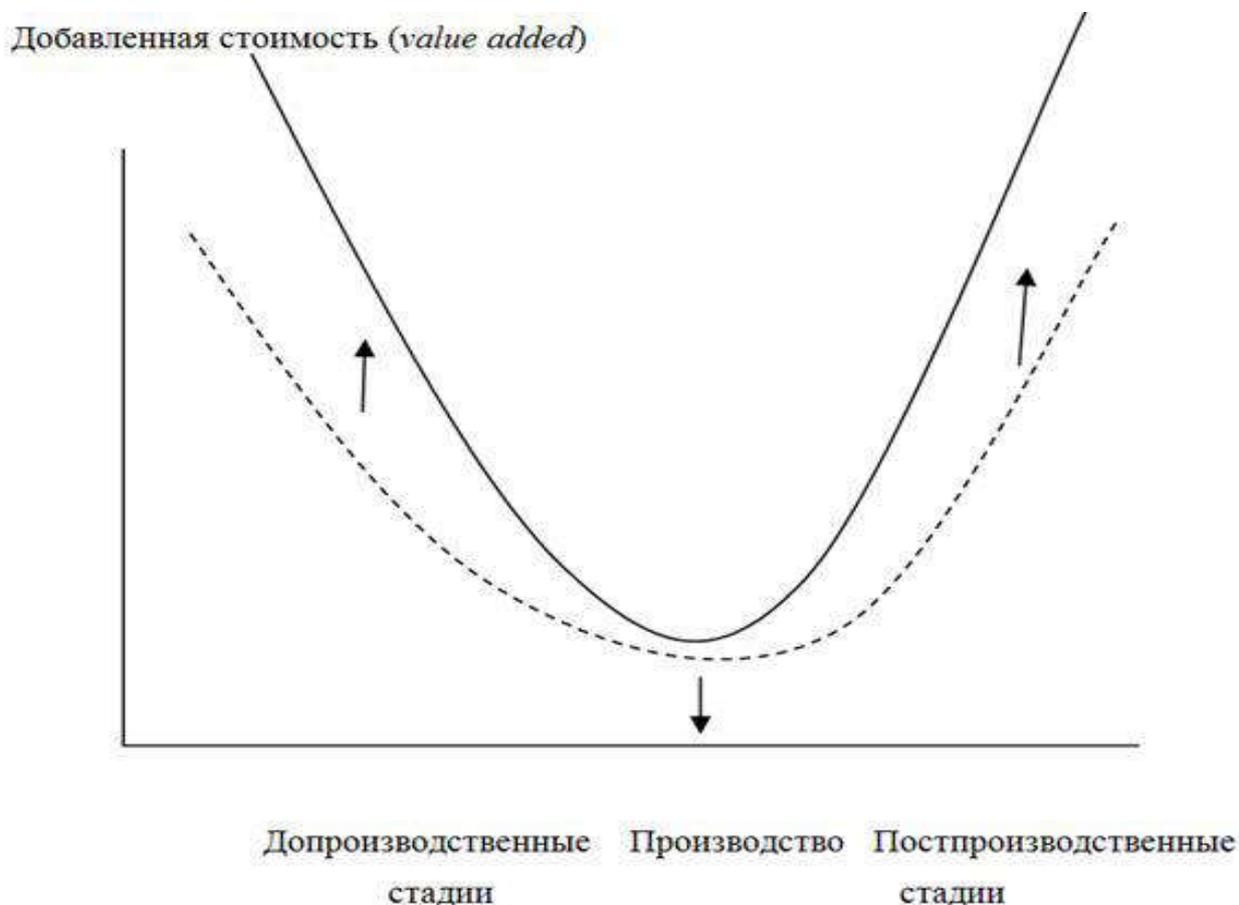

Рисунок 1.2 – Улыбающаяся кривая цепочки создания добавленной стоимости [12]

Американские экономисты М. Хардт и А. Негри также констатируют, что «в заключительные десятилетия XX века индустриальный труд утратил гегемонию и на смену ему пришел «неовещественный труд», обеспечивающий либо создание нематериальных благ (знаний, информации, связей или отношений), либо эмоциональной реакции. Они считают, что «пора ... полностью отказаться от старого марксистского противопоставления производительного и непроизводительного труда» [53]. Таким образом, цифровизация коренным образом меняет процесс производства в современной экономике, усиливая ее виртуализацию, индивидуализацию, роботизацию, использование искусственного интеллекта, сокращая непосредственно фазу производства и расширяя сектор креативных индустрий.

1.3. Обеспечение экономической безопасности национальной экономики в условиях ускоренной цифровизации

Еловская Мария Александровна
кандидат экономических наук, доцент
кафедра теоретической и прикладной экономики
Сибирский университет потребительской кооперации
e-mail: Maria_bars@mail.ru

Процесс ускоренной цифровизации активно трансформирует как повседневную жизнь людей, так и их финансовые ресурсы. При этом нерегулируемые процессы цифровизации оказывают влияние на обеспечение экономической безопасности национальной экономики [54]. Справедливая и устойчивая цифровая экономика требует справедливой и устойчивой национальной политики государства. Проблемы цифровизации и экономической устойчивости невозможно решать отдельно друг от друга. Цифровизация, продолжая преобразовывать глобальную экономику и общество, создает, с одной стороны, уникальные возможности, а с другой – новые вызовы в контексте экономической безопасности [55].

Обеспечение экономической безопасности национальной экономики в условиях ускоренной цифровизации требует разработки комплексных стратегий и механизмов, направленных на мониторинг рисков и адаптацию экономики к быстро меняющимся технологиям и глобальным вызовам. Цифровая экономика, которую часто превозносят за её виртуальную и нематериальную природу, создала иллюзию мира, не обремененную материальными ограничениями, где информация и цифровые данные становятся ключевыми ресурсами, вытесняя физические товары и традиционные формы производства на периферию экономической активности. Многие считают цифровую экономику – неосязаемой или находящейся в «облаке», однако цифровизация в значительной степени опирается на материальный мир и реальные финансовые ресурсы. С увеличением темпов и масштабов цифровизации понимание взаимозависимости между цифровизацией и экономической безопасностью становится важным.

В последние годы в Российской Федерации вопросам цифровой экономики уделяется большое внимание, несмотря на то что данная сфера сравнительно молодая. Это обусловлено стремлением повысить конкурентоспособность страны на международной арене и создать благоприятные условия для развития инновационных технологий и стартапов.

В современных условиях цифровизация кардинально меняет экономические, социальные и политические процессы, создавая как новые возможности, так и значительные вызовы в области экономической безопасности. Россия, как и многие другие страны, сталкивается с необходимостью развивать свою цифровую экономику, одновременно защищая её от различных угроз. Для эффективного противодействия этим угрозам необходимо рассматривать отечественный опыт в сочетании с международными практиками. В частности, международные стандарты и рекомендации по защите информации могут помочь в установлении высоких стандартов безопасности.

Цифровая трансформация общества играет важную роль в стимулировании инновационного и устойчивого развития страны [56]. Это утверждение отражает основные приоритеты стратегии национальной безопасности, направленные на укрепление позиций государства на международной арене в условиях цифровой эпохи [57]. В развитых странах мира развитие цифровой экономики уделяют повышенное внимание, которое проявляется в активном внедрении инновационных технологий и цифровых решений. Активное внедрение инноваций и их динамичное распространение формируют прогрессивные рынки, которые служат прототипами для научно-технологического прогресса на глобальном уровне, демонстрируя потенциал и адаптивность этих государств к вызовам современного цифрового мира.

Поэтому важной частью проведения экономических реформ является разработка и реализация эффективной экономической политики, направленной, с одной стороны, на поддержку и стимулирование инновационного развития, а с другой – на обеспечение защиты и укрепление национальной экономической безопасности. Основное внимание при этом должно уделяться созданию благоприятных условий для развития и внедрения инноваций, которые способны трансформировать существующие индустрии и создавать новые рынки, тем самым повышая конкурентоспособность страны. На основе доклада, подготовленного Naumen Research [58] российские компании в условиях санкций, столкнулись с серьезными вызовами связанного с доступностью на рынке ИТ-решений. Часть иностранных вендоров прекратила продажу лицензий в России и приостановила поддержку своих продуктов на территории нашей страны.

В условиях геополитической нестабильности российские компании вынуждены пересматривать свои подходы к цифровой трансформации, чтобы адекватно реагировать на новые вызовы при сохранении конкурентоспособности [59]. Одним из ключевых направлений реакции бизнеса на данные вызовы является отход от традиционной модели «консервативной» цифровизации, предполагающей долгосрочное планирование

и реализацию стратегических инициатив. В результате каждая четвертая организация теперь предпочитает использовать методологию коротких спринтов (короткий временной интервал, в течение которого scrum-команда выполняет заданный объем работы), запускающих проекты, ориентировочно направленные на решение конкретных задач.

Такой сдвиг в практике управления цифровыми проектами отражает стремление к более гибкому и динамичному подходу, позволяющему в короткие сроки тестировать и внедрять новые технологические решения. Тем не менее, большая часть крупного бизнеса сталкивается с некоторыми трудностями при разработке и реализации стратегий цифровой трансформации. Согласно данным за 2023 год, 15% представителей крупных корпораций сообщают о проблемах при попытке создать или следовать уже сформированной стратегии цифровизации [60].

Такие трудности как правило связаны с внутренней слабой организационной культурой, а также с внешними факторами, такими как экономическая нестабильность и усиление конкуренции на рынке. Таким образом, долгосрочная экономическая устойчивость достигается через комплексную стратегию, сочетающую в себе как инновационные амбиции, так и меры по защите интересов национальной экономики от внешних и внутренних угроз. Такой подход способствует не только экономическому росту, но и формированию устойчивого базиса в будущем. Вместе с этим экономика на различных уровнях сталкивается со следующими проблемами при цифровизации (см. рисунок 1.3).

Независимо от сопутствующих рисков, роль цифровой составляющей в современных стратегиях остается значимой. Цифровая трансформация – это на 95% видение и на 5% интеграция. Каждая организация, стремящаяся сохранить конкурентоспособность, и обеспечить себе преимущество на рынке должна включать элементы цифровой трансформации в свои планы и бизнес-стратегии.

Стратегия цифровой трансформации – это процесс использования инструментов и технологий для приведения их в соответствие с целями бизнеса и будущими возможностями. Это интеграция оптимизации текущего процесса и трансформации устаревшего процесса. Хотя стратегия цифровой трансформации тесно связана с технологией, последняя не является самой важной ее частью. Фактически, в стратегии цифровой трансформации есть три основных принципа: люди, процессы и технологии. Без взаимодействия этих трех элементов не будет цифровой трансформации. Разработка стратегии цифровой трансформации важна, поскольку она обеспечивает эффективные, измеримые и согласованные усилия по достижению ключевых бизнес-целей.

Рисунок 1.3 – Проблемы экономической безопасности цифрового общества (составлено автором)

Для понимания сущности стратегии в целом приведем визуализировано простой пример (рисунок 1.4).

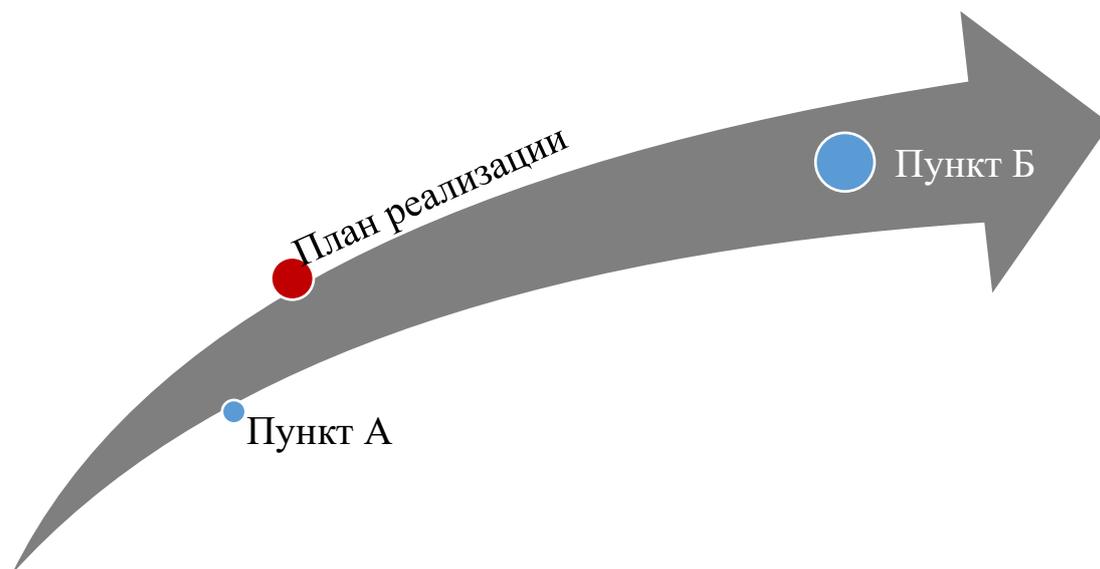

Рисунок 1.4 – Упрощенная схема стратегии (составлено автором)

Для достижения конечной цели, обозначенной как Пункт Б, необходимо пройти через несколько ключевых этапов. Предположим, что нас не устраивает ситуация, в которой мы находимся сейчас, и мы хотим оказаться в желаемой точке с наименьшими затратами. Для этого нам необходимо установить желаемые цели и необходимые ресурсы посредством планирования и разработки стратегии для эффективного перехода. На данном этапе важно учитывать возможные риски и способы их минимизации. Достигнув конечную точку, происходит оценка результатов и сверка с установленными целями. Основное внимание уделяется достижению желаемого результата путем оптимального выбора маршрута, что возможно благодаря применению инновационных и цифровых технологий. Часто при разработке стратегии мы рассматриваем объекты (желаемые цели) с определенных позиций или через конкретную призму, например, финансовую, кадровую или, в итоге, цифровую. Такой подход позволяет более глубоко понять и оценить разные аспекты стратегии, обеспечивая более сбалансированное и всестороннее планирование при учете возможных рисков.

Сегодня многие российские компании внедряют цифровые технологии в свои стратегии. Проанализируем уровень цифровизации компаний по отраслям. Строительная отрасль занимает одно из ключевых в структуре экономики, составляя значительную часть ВВП, которая, по данным Росстата составляет – 5% [61]. Кроме того, в этой сфере трудится

около 9% рабочей силы. Масштаб и значимость данной отрасли указывают на то, что увеличение эффективности деятельности предприятий, особенно посредством интеграции цифровых технологий, выступающих в качестве основного современного драйвера производительности и результативности, способно существенно повлиять на развитие национальной экономики. По мнению начальника Главгосэкспертизы России Игоря Манылова – ключевым моментом цифровой трансформации строительной отрасли является – перестройка самих процессов [62].

Цифровизация процессов добычи полезных ископаемых позволяет перейти от ручного ведения документации на бумаге к использованию цифровых платформ, интегрирующих разобщённые системы [63]. Цифровизация процессов добычи полезных ископаемых в России особенно заметна в крупных компаниях вроде «Норильский Никель» или «Газпром». Эти предприятия активно внедряют системы управления производственными процессами, позволяющие автоматизировать и координировать данные в реальном времени. Компании используют автоматизацию, искусственный интеллект, машинное обучение и языки управления данными для оптимизации производственных процессов и значительного улучшения результатов деятельности. Углубленный анализ данных с помощью цифровых технологий в горнодобывающих компаниях приносит большую пользу, выявляя угрозы и предсказывая потенциальные возможности для их предотвращения. Так, например, использование датчиков повышает эффективность сбора данных и совместно с инструментами составления отчетов позволяет производителям оперативнее принимать рациональные решения, способствуя рационализации производства и устраняя потери производительности. Как говорится, знание – это сила, и это справедливо для добывающей отрасли: своевременная, точная информация обеспечивает эффективный контроль за техникой, позволяя выявлять и устранять потенциальные неисправности. Это предотвращает внеплановые простои и экономит ресурсы. Внедрение систем управления транспортом помогает избежать узких мест и простоев.

Сбор и анализ данных важны для понимания геологического строения месторождения и выбора оптимальных методов добычи, а эффективное распределение ресурсов через аналитику создает эффект домино, улучшая использование недр и энергоресурсов. Оперативная аналитика доступна на интеллектуальных устройствах, способствуя цифровой культуре на предприятиях. Показания датчиков отслеживаются от рудника до зала заседаний, что способствует повышению качества продукции. Например, система EarthTrack от RCT позволяет

контролировать вес полезной нагрузки техники, обеспечивая равномерную загрузку и снижая износ самосвалов, тем самым увеличивая их срок службы и сокращая простои.

Цифровизация логистических процессов в Российской Федерации демонстрирует интенсивное развитие, предоставляя компаниям инструменты для оптимизации цепочек поставок и повышения операционной эффективности. Использование анализа больших данных позволяет предсказывать спрос на рынке и в зависимости от этих данных оптимизировать уровень запасов. А внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения расширяет аналитический потенциал, обеспечивая высокоточное прогнозирование и автоматизацию бизнес-процессов. Такая оптимизация ведет к повышению уровня конкурентоспособности компаний, улучшению их адаптивности к изменениям ситуаций на рынке. Кроме того, автоматизация управления цепочками поставок с использованием глубокого обучения и прогнозного анализа способствует устойчивости бизнеса, минимизируя риски, связанные с перебоями.

Сегодня современные компании активно используют умный спутниковый мониторинг для повышения эффективности и безопасности транспортировки грузов. Такой подход позволяет в реальном времени отслеживать местоположение транспортных средств и состояние перевозимых грузов. Электронные платформы значительно упрощают взаимодействие между поставщиками и перевозчиками, оптимизируя процессы заказа. Технологические инновации не только оказывают существенную поддержку логистическим операторам, но и способствуют ускоренному развитию всей логистической отрасли в России. Благодаря таким нововведениям компании могут быстрее адаптироваться к изменениям на рынке и гибко реагировать на новые вызовы. Таким образом, можно сделать следующие выводы: ускоренная цифровизация оказывает воздействие на обеспечение экономической безопасности национальной экономики, открывая как новые возможности, так и потенциальные угрозы. Взаимозависимость между цифровыми и традиционными секторами требуют разработки и внедрения комплексных стратегий, которые могли бы способствовать устойчивому развитию национальной экономики в условиях глобальной трансформации. Важной составляющей в этой задаче является не только адаптация к новым техническим вызовам, но и обеспечение оперативной и стратегической защиты экономических интересов. В современных условиях национальная политика должна быть сосредоточена на укреплении позиций государства в мировой цифровой экономике через развитие и внедрение инновационных технологий, и цифровых инструментах, которые будут обеспечивать преимущества

компаний на рынке. Создание благоприятной среды для развития инноваций являются основой экономического роста и развития любой страны. В связи с этим государственная экономическая политика должна быть направлена на создание полноценной цифровой инфраструктуры посредством внедрения целевых государственных программ, которые будут поддерживать развитие телекоммуникационных сетей, обеспечение широкополосного доступа в интернет и внедрение новых технологий, таких как 5G и искусственный интеллект.

1.4. Мониторинг системы государственного управления по внедрению повестки устойчивого развития

Боркова Елена Аркадьевна

кандидат экономических наук, доцент

кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: e.borkova@mail.ru

Мировое сообщество находится на полпути к завершению срока выполнения Повестки дня в области устойчивого развития. В 2015 году Россия вместе с другими 192 странами подписала резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Повестка-2030») [64]. Повестка устойчивого развития представляет собой всеобъемлющий международный план, направленный на достижение долгосрочного развития, сочетающего в себе три ключевых аспекта: социального, экономического и экологического. Триединая концепция устойчивого развития по своей сути является производной от глобальной концепции и служит механизмом достижения сбалансированного и устойчивого развития. Таким образом на глобальном уровне этот стратегический план закреплен 17 Целями устойчивого развития (ЦУР), которые предлагают достижения как количественных, так и качественных задач. Все эти цели по своей сути направлены на устранение бедности, борьбу с неравенством и решение экологических вызовов, с которыми сталкивается мир, с задачей достичь этого к 2030 году. Каждая из этих целей является важной составляющей глобальных усилий по обеспечению справедливого и устойчивого будущего, которое принесет пользу всем слоям населения и странам. Цели устойчивого развития (ЦУР) представляют собой глобальные ориентиры или маячки, которые были определены и являются призывом к действиям. Они направлены на улучшение качества жизни и охрану

окружающей среды. Все эти цели между собой взаимосвязаны. Каждая из этих целей взаимосвязана и предназначена для создания основополагающей структуры, способствующей реализации комплексного подхода к устойчивому развитию. Важно отметить, что, несмотря на унифицированную природу и универсальность ЦУР, их практическое внедрение носит адаптивный характер, учитывая национальные особенности и приоритеты каждой страны [65]. Такой подход, обусловлен тем, что отдельные цели могут иметь различные степени актуальности, значимости в зависимости от специфики национальной экономики и проводимой государственной политики. Тем не менее, на глобальном уровне эти цели остаются неделимыми и взаимодополняющими, направленными на обеспечении гармоничного сочетания и сбалансированное развитие всех трех компонентов устойчивого развития: экономического роста, социального равенства и экологической устойчивости. В итоге успешное достижение данных целей требуют комплексной и интегрированной политики, основанной на сотрудничестве разных уровней управления (федеральном, региональном, муниципальном, отраслевом). Таким образом, основополагающим элементом успешной реализации концепции устойчивого развития является активное вовлечение и взаимодействие различных заинтересованных сторон. Это взаимодействие подразумевает под собой интеграцию многоуровневых структур государственной власти, органов местного самоуправления, коммерческих предприятий, институтов гражданского общества и представителей академического сообщества. Ключевым элементом этого процесса является необходимость проведения углубленной оценки системы государственного управления, направленной на достижение целей и задач, изложенных в Повестке дня устойчивого развития. Для эффективного достижения целей устойчивого развития важно осуществлять регулярную оценку прогресса на национальном уровне. Эта оценка должна соответствовать международным стандартам и руководящим принципам, чтобы гарантировать, что национальные стратегии соответствуют глобальным приоритетам в области устойчивого развития. Важными ориентирами в этой деятельности служат такие документы, как Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижское соглашение по климату.

Эти документы служат своеобразными ориентирами при разработке и внедрении собственных программ и инициатив. Так как, использование четких и единообразных критериев позволяют оценивать степень достижения ЦУР в динамике. Поэтому были разработаны индексы прогресса по достижениям целей устойчивого развития, рассчитываемых по 162 странам (таблица 1.2).

Таблица 1.2 – Рейтинг и оценка Индекса ЦУР на 2022 год

Место	Страна	Баллы	Место	Страна	Баллы
1	Финляндия	86.5	11	Великобритания	80.6
2	Дания	85.6	12	Польша	80.5
3	Швеция	85.2	13	Чешская Республика	80.5
4	Норвегия	82.3	14	Латвия	80.3
5	Австрия	82.3	15	Словения	80.0
6	Германия	82.2	16	Испания	79.9
7	Франция	81.2	17	Нидерланды	79.9
8	Швейцария	80.8	18	Бельгия	79.7
9	Ирландия	80.7	19	Япония	79.6
10	Эстония	80.6	20	Португалия	79.2
			45	Россия	74,1

Положение Российской Федерации в международном рейтинге достижения целей устойчивого развития (SDG) показывает, что страна занимает 45-е место из 163, с общей оценкой 74.1, что превышает средний показатель по странам равный 71.6. Диаграмма на рисунке 1.5 иллюстрирует достижимость выполнения по отдельным целям, где более полные сектора указывают на более высокие достижения. На рисунке виден прогресс по ряду направлений, хотя существуют области, требующие улучшений. Российской Федерации удалось достичь значительного успеха по достижению ЦУР 1, 4, 8, 10.

При анализе достижения ЦУР необходимо сопоставить цели и задачи устойчивого развития, с Конституцией РФ [67] и действующими Федеральными Законами. Такое сопоставление позволит выявить степень отражения целей с национальными интересами. Таким образом такое сопоставление указывает, что ЦУР 1 и ЦУР 5 интегрированы в Конституцию России и остальные 15 ЦУР отражены в Федеральных Законах и в реализуемых национальных программах. Исследование российского законодательства на федеральном уровне показало, что все 17 ЦУР отражены в Российском законодательстве, а также в публично-правовых сферах. Например, положения Налогового и Трудового кодексов РФ прямо

запрещают дискриминацию по различным признакам, включая пол, возраст и национальность, тем самым поддерживая реализацию целей, связанных с достижением гендерного равенства и недопущением дискриминации. В дополнение к этому, законодательные инициативы в сфере охраны окружающей среды, такие как Закон «Об охране окружающей среды», акцентируют внимание на важности устойчивых практик и регулируют вопросы экологической ответственности. Эти инициативы существенно поддерживают цели, касающиеся сохранения экосистем на суше и под водой, подчеркивая необходимость защиты природных ресурсов и биоразнообразия для будущих поколений. Таким образом, российское законодательство активно интегрирует элементы устойчивого развития в свою правовую систему, укрепляя основы для многогранного прогресса общества.

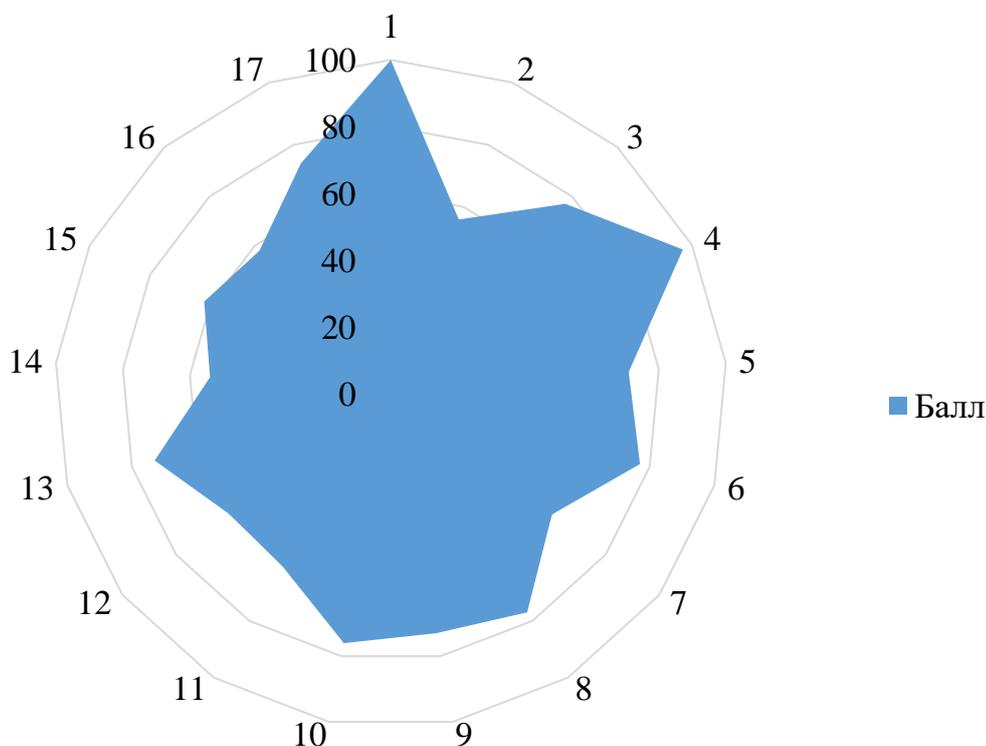

Рисунок 1.5 – Средняя эффективность по достижению ЦУР составлен автором на основе материалов [66]

Социальные аспекты целей устойчивого развития интегрированы в Бюджетный кодекс Российской Федерации через механизм публичных нормативных обязательств (ПНО), обеспечивая реализацию государственных социальных гарантий. Финансирование ПНО осуществ-

ляется из бюджетных ассигнований, которые закладываются отдельной статьей в бюджете, и не могут быть сокращены без изменения закона о бюджете. В России отсутствуют федеральные законы, непосредственно регулирующие внедрение и реализацию Повестки устойчивого развития ООН. Это создает правовой вакуум, препятствующий эффективной координации усилий между государственными и частными структурами для достижения целей устойчивого развития, что ведёт к несогласованностям в действиях и подходах. И на этом пути государственная поддержка необходима.

Следуя рекомендациям Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ), оценка подготовленности системы государственного управления в отношении реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) рассматривается как начальный этап аудита этих целей. Важно, чтобы государственные структуры были способны не только понимать, но и эффективно интегрировать стратегии, связанные с устойчивым развитием. Президент В.В. Путин, выступая на конгрессе ИНТОСАИ, подчеркнул, что главная цель государственного управления состоит в обеспечении устойчивого развития общества и достижении достойного уровня жизни для всех граждан. Он отметил, что для России это является стратегическим приоритетом, требующим системного подхода и четкой координации усилий всех государственных институтов [68].

Проведенный анализ показал, что все 17 целей устойчивого развития в той или иной степени связаны с положениями различных стратегических документов России. Каждый из этих документов в разной степени включают элементы различных ЦУР, но ни один не охватывает все 17 целей в полном объеме. Ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, а также различные стратегические документы в России, сопоставляются с рядом Целей устойчивого развития (ЦУР), признавая усилия страны, направленные на достижение этих целей. Рассмотрим, каким образом данные документы соотносятся с определёнными Целями устойчивого развития (ЦУР) (рисунок 1.6).

Данные стратегические документы демонстрируют, каким образом Россия применяет системный подход для интеграции Целей устойчивого развития (ЦУР) в национальные планы и стратегии, стремясь всесторонне охватить все аспекты устойчивого развития, включая экономические, экологические и социальные измерения.

Рисунок 1.6 – Охват стратегических документов целей устойчивого развития (составлено автором)

Национальные цели экономики России гармонично интегрируются с восемью из семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР), что свидетельствует о приверженности страны международной повестке устойчивого развития. Основное внимание уделяется социальным и экономическим аспектам, что проявляется в активной работе над улучшением качества жизни граждан, повышением уровня образования и социального благополучия. Приоритетными направлениями остаются ликвидация бедности и обеспечение достойного уровня жизни, что соответствует ЦУР, ориентированным на социальный прогресс. Экономическое развитие, поддержка инноваций и устойчивое развитие промышленности

также занимают главное место, благодаря чему Россия стремится к созданию более стабильного национального рынка.

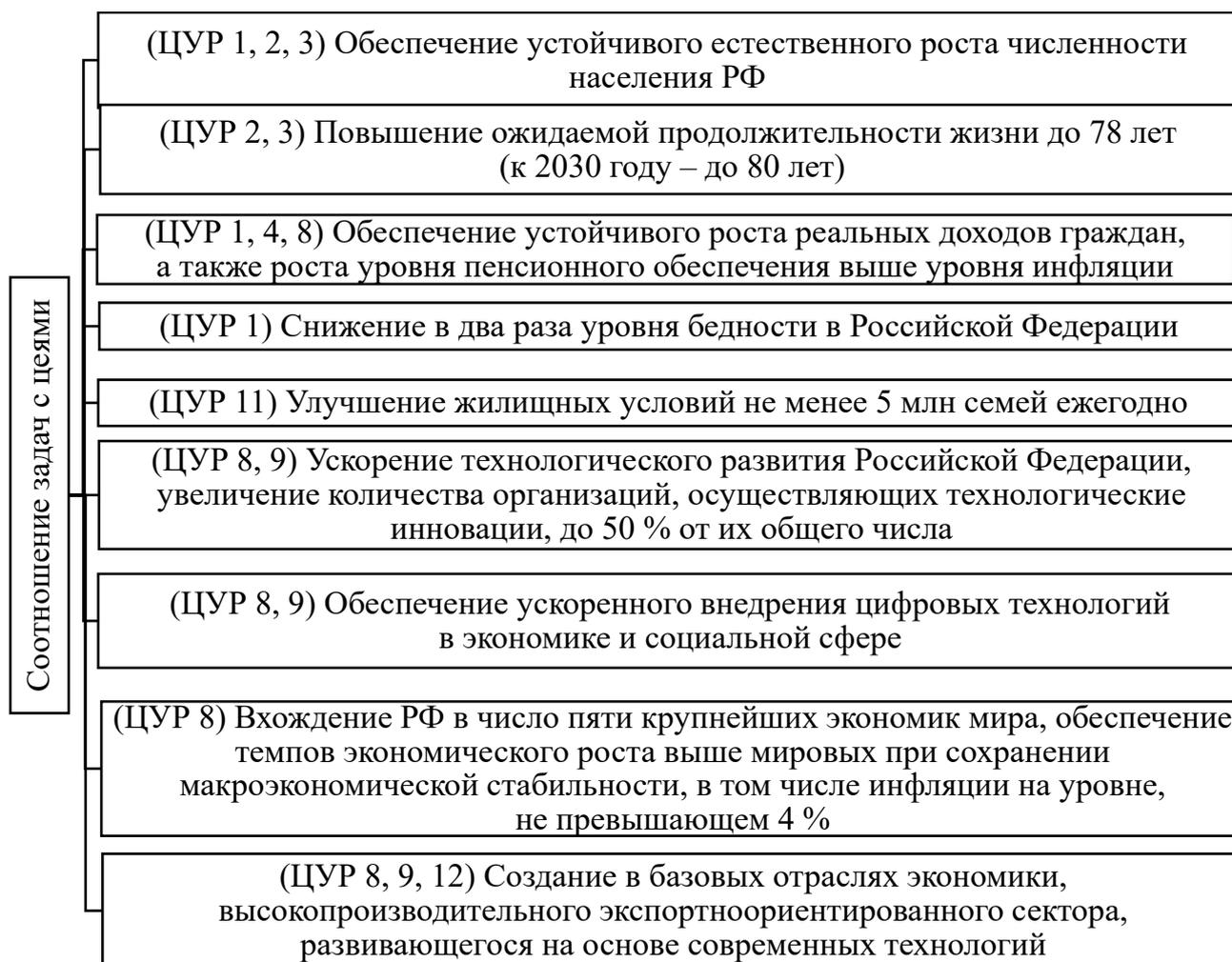

Рисунок 1.7 – Соотношение Национальных задач с целями устойчивого развития (составлено автором)

Экологический компонент Целей устойчивого развития (ЦУР) Российской Федерации не получил ясного и детального отражения в рамках национальных целей стратегического планирования. Тем не менее, данный аспект нашёл своё отражение на уровне национальных проектов. Национальные проекты в России охватывают ряд инициатив в рамках экологической устойчивости. Проект «Экология» сосредоточен на управлении отходами, сохранении лесов и защите водных ресурсов, а «Чистая вода» обеспечивает доступ населения к качественной питьевой воде. Проект «Сохранение лесов» занимается восстановлением и защитой лесных площадей, а инициатива «Чистая энергия» направлена на развитие возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффек-

тивности. Перечисленные проекты способствуют достижению экологических целей устойчивого развития, таких как улучшение состояния окружающей среды и борьба с изменением климата.

В стране признается важность экологической устойчивости в общей структуре государственного управления. Указ Президента Российской Федерации №204 подчёркивает, что национальные цели будут достигнуты через реализацию 12 национальных проектов и Комплексного плана, который действует в качестве дополнительного, тринадцатого национального проекта. Данный факт закреплён в Постановлении Правительства Российской Федерации №1288 от 31 октября 2018 года.

Национальные проекты Российской Федерации, являясь основой для реализации стратегических национальных целей, включают в себя 28 самостоятельных целей, 33 целевых и 31 дополнительных показателя. Эти проекты призваны организовать работу на различных уровнях государственного управления и способствовать интеграции различных сфер государственной политики. Реализация обозначенных целей и показателей осуществляется через 76 федеральных проектов, которые охватывают ключевые секторы экономики и социальной сферы.

В рамках федеральных проектов установлено 100 целей, 176 основных и 203 дополнительных показателя. Надлежащая реализация этих целей и показателей позволяет не только отслеживать прогресс в достижении заявленных национальных и федеральных целей, но и корректировать стратегические подходы на основе полученных данных и анализа эффективности. Таким образом, система показателей и целей служит инструментом для мониторинга и оценки проделанной работы, обеспечивая адаптацию и улучшение реализации проектов в долгосрочной перспективе. Проанализируем 5 из 17 ЦУР, по которым, согласно отчету, самые низкие индикаторы. Это ЦУР 7, 13, 14, 15, 16 (рисунк 1.8).

Анализ охвата Целей устойчивого развития (ЦУР) в контексте национальных и федеральных проектов выявляет более широкий спектр, чем на уровне национальных целей. Национальные проекты и их индикаторы охватывают все 17 ЦУР, включая экологические аспекты, что также характерно и для федеральных проектов.

Оба уровня проектирования – национальный и федеральный – определены Указом №204. Основной акцент национальных целей и проектов России делается на ЦУР, связанные с социально-экономическим развитием. В рамках государственных программ, таких как федеральные целевые программы (ФЦП), решаются задачи, частично удовлетворяющие цели ЦУР и учитывающие приоритеты внутреннего развития.

Рисунок 1.8 – Соотношение ЦУР и действующей национальной программой

Межведомственная рабочая группа (МРГ) при Администрации Президента РФ координирует деятельность, связанную с Целями устойчивого развития (ЦУР), однако на 20 февраля 2020 года её полномочия не были четко определены для реализации Повестки устойчивого развития. Анализ 16 федеральных министерств и 9 иных ФОИВ показал соответствие их функций установленной сфере деятельности, но выявил отсутствие прямых полномочий для внедрения Повестки. Несмотря на это, все ФОИВ участвуют в реализации ЦУР на основе поручений Правительства РФ и закрепленных за ними общих полномочий, включая международное взаимодействие и участие в координационных органах. Сравнительный анализ показал, что федеральные органы располагают достаточными полномочиями для достижения и внедрения ЦУР.

Анализ целей устойчивого развития показывает, что их реализация находится на разных стадиях проработки. Наиболее активная разработка ведется в области «Хорошего здоровья и благополучия», где из 28 показателей 23 находятся в процессе разработки. За последнее десятилетие

система здравоохранения России серьезно поменяла подходы к сохранению и укреплению здоровья граждан. За годы реализации нацпроекта «Здравоохранение» была проделана колоссальная работа по модернизации материально-технической базы медицинских учреждений. Появились современные медицинские центры, разрабатываются и внедряются прорывные технологии диагностики и лечения заболеваний, идет оптимизация всех структурных процессов отрасли здравоохранения.

Существенные усилия также направлены на «Индустриализацию, инновации и инфраструктуру» с 11 из 12 показателей в разработке. Сегодня в стране в рамках индустриализации развиваются и расширяются промышленные производства, внедряются новые технологии, автоматизируются процессы, что приводит к увеличению объёмов производства товаров, улучшению условий жизни, урбанизации и изменению структуры экономики. Так по мнению Матвиенко, решающую роль здесь играет «эффективное достижение цели по формированию технологического лидерства России».

В то же время, такие области, как «Качественное образование» и «Гендерное равенство», отстают с 4 и 6 показателями в разработке соответственно. Одной из наименее разрабатываемых целей является «Ответственное потребление и производство», где лишь 2 из 13 показателей находятся в разработке. Аналогичная ситуация отмечается в областях, касающихся Целей устойчивого развития «Сокращение неравенства» и «Устойчивые города и населённые пункты», где соответствующая разработка девяти и десяти показателей, соответственно, не ведётся. Например, инициативы по созданию зелёных зон и парков, улучшению энергоэффективности зданий, а также внедрение технологий для мониторинга загрязнения воздуха могут существенно способствовать повышению качества жизни в городах.

Особого внимания заслуживает цель «Мир, правосудие и сильные институты», для которой девятнадцать из двадцати четырёх показателей остаются вне сферы активной разработки. В то же время, работа над реализацией цели «Партнёрство в интересах устойчивого развития» идёт полным ходом, с учётом четырнадцати активно разрабатываемых показателей. Эти данные свидетельствуют о высоком приоритете, который придается некоторым целям, но подчеркивают необходимость усиления внимания к другим аспектам для полного достижения устойчивого развития. В целом, проведенный анализ данные свидетельствуют об активной работе по ряду направлений, однако также есть области, требующие внимания и поддержки для достижения целей устойчивого развития. Данные указывают на высокий уровень приоритета, придаваемого от-

дельным целям, одновременно подчеркивая необходимость усиления внимания к другим аспектам для достижения полного соответствия принципам устойчивого развития. Проведённый анализ демонстрирует активную работу в ряде направлений, однако выявляет и те области, которые требуют дополнительного внимания и поддержки для полноценного достижения целей устойчивого развития.

В заключение проведенного исследования системы государственного управления в России в контексте внедрения Повестки устойчивого развития можно сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, Российская Федерация активно интегрирует Цели устойчивого развития (ЦУР) в свои стратегические и законодательные документы. Это проявляется как в отражении всех 17 ЦУР в российских законах и национальных программах, так и в стратегических документах.

Несмотря на имеющийся прогресс, существуют некоторые проблемы, это отсутствие прямых Федеральных Законов, регулирующих распределение ответственных лиц за каждым ЦУР. Но существующая система мониторинга, основанная на комплексной оценке соответствия целей и показателей, позволяет отслеживать прогресс в реализации достижений установленных индикаторов. Однако для достижения всех аспектов устойчивого развития необходима дальнейшая системная работа, а также усилия на федеральном, региональном и муниципальных уровнях. В целом, проведенный анализ показывает, что Россия движется в правильном направлении, но для полного достижения всех намеченных целей необходим системный подход и активное взаимодействие на всех уровнях управления.

1.5. Эволюция и вызовы национальных проектов: путь России к устойчивому развитию

Ватлина Лина Владиславовна
кандидат экономических наук, доцент
кафедры теоретической и прикладной экономики
Сибирский университет потребительской кооперации
e-mail: vatlina01@mail.ru

В 2016 году Президент Российской Федерации В.В. Путин инициировал программу по внедрению проектной деятельности в органы государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [70]. Данный подход был предназначен для достижения целей, сформулированных в рамках приоритетных стратегических направлений

развития страны. Под проектной деятельностью в программе подразумевается метод управления, акцентирующий внимание на целенаправленное и системное решение комплексных задач с применением современных методов управления и технологий.

В мае 2018 года проектная деятельность в органах государственной власти Российской Федерации получила новый импульс: началась реализация национальных проектов, предназначенных для достижения стратегических целей и задач, обозначенных в рамках национальных программ развития страны на период до 2024 года. Уже в сентябре структура национальных проектов была окончательно утверждена. Всего было выделено 12 национальных проектов, каждый из которых содержал в себе чётко сформулированные цели, показатели эффективности и планируемые результаты. Выделенные проекты охватывали широкий спектр социально-экономических областей, таких как здравоохранение, образование, городская инфраструктура и экология, которые были направлены на устранение основных барьеров социально-экономического роста. В октябре 2018 года был создан Проектный комитет при Правительстве Российской Федерации, отвечающий за координацию и мониторинг реализации национальных проектов. Комитет возглавил Председатель Правительства РФ. Создание комитета стал важным шагом для структурирования процесса реализации и контроля выполнения проектов.

В январе 2019 года на федеральном уровне началась активная фаза внедрения проектной деятельности в государственных органах. Каждое министерство получило задание разработать дорожные карты для своих направлений и провести стыковку с соответствующими национальными проектами. Реализация на местах обеспечивалась через взаимодействие с регионами. Далее активизировалась работа по внедрению цифровых решений и создания платформ для управления проектами, в том числе через систему «Электронный бюджет» [711]. Также была сформулирована задача значительно увеличить уровень прозрачности и подотчетности на всех стадиях осуществления национальных проектов, а также активизировать участие гражданского общества и представителей бизнес-сообщества в их реализации.

В марте 2020 года пандемия COVID-19 внесла значительные коррективы в планы по реализации национальных проектов. С возникновением глобальной угрозы большинство государственных программ были вынуждены адаптироваться к новым реалиям. Экономические трудности, связанные с введением карантинных мер, снизили доступные ре-

сурсы и ограничили возможности финансирования многих инициатив [72]. Пришлось адаптировать отдельные стратегические цели и пересмотреть некоторые временные рамки и подходы, акцентируя внимание на задачах здравоохранения и поддержки населения и бизнеса в условиях кризиса.

В августе 2020 года правительством была проведена модернизация системы мониторинга и контроля реализации национальных проектов, что включало интеграцию более адаптивных методов управления проектами в условиях динамично изменяющейся внешней среды. В частности, были внедрены элементы геймификации, направленные на повышение уровня вовлеченности участников, а также механизмы общественного надзора, обеспечивающие более широкое общественное участие и прозрачность процессов. Эти изменения были нацелены на улучшение аналитической точности, повышения оперативности принятия управленческих решений и усиление подотчетности задействованных структур. Через год национальные проекты начали приносить первые ощутимые результаты в таких отраслях, таких как здравоохранение и цифровая экономика. Продолжилась работа по разработке инициатив, направленных на повышение эффективности и устойчивости предоставления государственных услуг. В период 2022–2023 годов наблюдались процессы детализации и расширения многих национальных проектов, сопровождаемые тщательной оценкой достигнутых результатов и подготовкой к завершению проектов, запланированных для выполнения к 2024 году.

Анализ успешных и неудачных аспектов, выявленных на этих стадиях, способствовал корректировке стратегического видения долгосрочного развития страны. Все эти проводимые мероприятия позволили оптимизировать подходы к достижению целевых показателей и лучше адаптировать стратегические планы к актуальным социально-экономическим условиям и вызовам. Например, в рамках национального проекта «Здравоохранение» особое внимание было уделено улучшению качества предоставления медицинских услуг и расширению доступности медицинской помощи для населения (1,5 трлн. руб.) [73].

Национальный проект «Образование» сосредоточился на модернизации образовательной инфраструктуры и внедрении новых технологий в учебный процесс (688 млрд руб. из федерального бюджета). Для школьников в рамках проекта были разработаны программы обучения по индивидуальным планам, в том числе дистанционные, а для талантливых детей во всех регионах были открыты центры поддержки.

В проекте «Демография» продолжилась работа по поддержке семей с детьми и улучшению качества жизни пожилых граждан, а также на понижение ипотечной ставки до 6% для семей, в которых родился второй или третий ребёнок (3,8 трлн. руб. – большая часть средств из федерального бюджета).

Национальный проект «Культура» был направлен на сохранение культурного наследия и поддержку творческих инициатив (191,5 млрд руб. без учета средств Министерства Культуры). Народные коллективы впервые получили государственные гранты. Детские музыкальные, художественные, хореографические школы, училища и школы искусств были обеспечены необходимыми инструментами, современным оборудованием и материалами. Благодаря нацпроекту в России появился национальный молодежный симфонический оркестр.

Нацпроект «Безопасные качественные дороги» сосредоточился на модернизации дорожной инфраструктуры и повышении безопасности дорожного движения (3,1 трлн. руб. – региональные бюджеты и 1,5 трлн. руб. из федерального бюджета). Проект «Жильё и городская среда» был направлен на улучшение жилищных условий и создания комфортной городской среды для граждан (891 млрд. руб. из федерального бюджета). Отдельное внимание в проекте было уделено программам развития городской среды в малых городах и исторических поселениях).

В рамках национального проекта «Экология» основное внимание было уделено улучшению экологической ситуации и поддержке устойчивого развития (3 трлн рублей – внебюджетные средства, 0,7 трлн рублей из федерального бюджета и 0,3 трлн рублей из регионального бюджета). Проект «Наука» сосредоточился на развитии научной инфраструктуры и поддержке инновационных исследований (540 млрд руб. – в эту сумму входят не только средства бюджета, но и инвестиции промышленных партнеров). Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» содействовал развитию предпринимательства и улучшению бизнес-климата (476 млрд руб. из которых 412 млрд руб. из федерального бюджета).

Проект «Производительность труда» первоначально был запущен в августе 2017 года. Новая версия программы охватит транспорт, торговлю, строительство, сельское хозяйство, а также государственное управление, здравоохранение, образование. Нацелен на повышение эф-

фективности труда и внедрением современных технологий в производственные процессы.

Нацпроект «Международная кооперация и экспорт» способствовал укреплению международных экономических связей и увеличению экспорта (350 млрд рублей – на развитие промышленности, 350 млрд рублей – на развитие агропромышленного комплекса и 103,8 млрд рублей уже прописаны в инвестпрограммах. В сегменте экспорта услуг намечен целый ряд отраслей, где Россия может успешно конкурировать: IT, строительство, финансы, туризм.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» была направлена на цифровизацию различных секторов экономики и внедрение современных IT-решений. Проект «Туризм и индустрия гостеприимства» способствовал развитию туристической инфраструктуры и повышению привлекательности страны для туристов.

Проект «Беспилотные авиационные системы» акцентировался на развитии беспилотных технологий и их интеграции в транспортные системы. Национальный проект «Экономика данных» (призван стать продолжением завершающегося в 2024 году нацпроекта «Цифровая экономика») нацелен на создание условий для эффективного использования данных в экономике и социально значимых сферах. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры сосредоточился на улучшении транспортной доступности и модернизации транспортных магистралей. Общий бюджет исполнения этих программ 25,7 трлн рублей, в том числе за счёт других источников представлен на рисунке 1.9.

Реализация программ осуществляется по трехуровневой системе: тринадцать национальных проектов предполагают реализацию через федеральные проекты, которые на уровне субъектов Российской Федерации будут представлены в виде региональных проектов. Срок завершения всех 13 программ установлен на 31 декабря 2024 года.

Реализация программ осуществляется по трехуровневой системе: тринадцать национальных проектов предполагают реализацию через федеральные проекты, которые на уровне субъектов Российской Федерации будут представлены в виде региональных проектов. Срок завершения всех 13 программ установлен на 31 декабря 2024 года.

Хотя основным инструментом достижения стратегических целей развития страны, определенных указом Президента Российской Федерации, являются национальные проекты, президент подчеркнул, что успех

национальных проектов и программ в значительной степени зависит от эффективной работы регионов [74], поскольку именно регионы играют большую роль в адаптации и внедрении проектных инициатив с учетом местных особенностей и потребностей населения.

Рисунок 1.9 – Общий бюджет исполнения национальных проектов (составлено автором по данным региональный портал <https://czn-rzn.ru/content>)

Взаимодействие субъектов Российской Федерации в процессе реализации национальных проектов осуществляется посредством создания и внедрения специализированных региональных проектов. Эти проекты структурируются и моделируются с учетом методологических и стратегических основ, заложенных в соответствующих федеральных инициативах. Таким образом, обеспечивается согласованность и эффективное распределение ресурсов на всех уровнях управления. В результате в большинстве субъектов Федерации функционирует большое количество таких региональных проектов, которые интегрированы в более крупные национальные программы, обеспечивая тем самым согласованность и преемственность стратегических целей на всех уровнях государственной политики. Для того чтобы данная сложная система интеграции функционировала эффективно, требуется наличие действенной координации деятельности органов государственной власти на всех уровнях – как федеральном, так и региональном. Такая координация позволяет устранить дублирование функций, оптимизиро-

вать использование финансовых ресурсов и повысить общую эффективность выполнения национальных инициатив. Кроме того, эффективное взаимодействие между различными уровнями власти способствует быстрому устранению возникающих проблем, что повышает качества принятия решений.

В этом контексте, на начальном этапе, органы государственной власти провели значительную реорганизацию системы программ, реализуемых в субъектах Российской Федерации. Эта реорганизация была направлена на повышение эффективности и согласованности действий на региональном уровне, что позволило лучше адаптировать программы к местным условиям и потребностям. Такое преобразование было направлено на то, чтобы привести все региональные проекты, связанные с одним национальным проектом, к единой форме – в виде одной или максимум двух программ. Такая систематизация значительно упростила процесс координации действий, необходимых для успешной реализации региональных проектов.

Финансирование регионов для выполнения национальных проектов осуществлялось через переводы из федерального бюджета, при этом за их распределением следила Счетная палата России. Ранее установленная процедура выдачи субсидий значительно задерживала начало реализации планов, откладывая их до двух-трех месяцев с начала года. Это происходило из-за продолжительного процесса подготовки и рассмотрения заявок, бюрократических проволочек и необходимости согласования с различными органами. В результате стало заметно, что к 15 марта регионы получили только часть средств, предназначенных для национальных проектов, и это заставляло региональные власти пересматривать графики выполнения важных заданий, что влияло на достижение намеченных целей.

Сложившаяся ситуация требовала немедленного вмешательства. Возникла необходимость в корректировке законодательных актов, чтобы регионы могли использовать полученные средства уже с начала года. Эта тема активно обсуждалась на высшем уровне, и Председатель Правительства поручил ответственным лицам изучить возможность заключения долгосрочных соглашений о предоставлении трансфертов. Хотя ожидалось быстрое принятие решения, на практике этот процесс потребовал изменений в бюджетном законодательстве и в законах о контрактной системе, которая регулирует распределение значительной суммы в 24 трлн рублей в соответствии с федеральными законами №44-ФЗ и № 223-ФЗ. Изменения должны были упростить процедуру и

ускорить начало финансирования региональных проектов, чтобы избежать прежних задержек и улучшить общее качество управления бюджетными ресурсами. Совет Федерации активно работал над улучшением условий для финансирования национальных проектов, учитывая интересы регионов. Предлагались поправки для усовершенствования механизма предоставления межбюджетных трансфертов, чтобы обеспечить эффективное распределение средств с учетом специфических потребностей каждого региона, так как уровни социально-экономического развития различны, и многие имеют разные возможности для достижения целей национальных проектов.

Проектное управление является неотъемлемой частью регионального управления благодаря интеграции с ключевыми процессами, такими как стратегическое планирование, управление программами, бюджетирование, закупки и анализ социально-экономических показателей. Именно такой подход обеспечивает согласованное функционирование всех элементов управления и способствует достижению стратегических целей и устойчивому развитию региона. Для эффективной организации проектной деятельности в регионе необходимо создать единое информационное пространство, объединяющее проектные офисы на региональном и муниципальном уровнях. Это можно осуществить через программный комплекс, обеспечивающий централизованный обмен данными, мониторинг и реализацию проектов. Такое решение улучшит взаимодействие между уровнями управления (рисунок 1.10).

На этапе инициализации и отбора проектов в Ленинградской области применяется методология «проектного сита», позволяющая объективно оценивать проекты по множеству критериев: стратегической важности, инновационности, доли частного капитала, объема бюджетных затрат, вовлеченность органов власти, уровню заинтересованности, и влияние на социально-экономическое развитие региона. Рейтинг проекта формируется с учетом трех мультипликаторов: подтвержденное финансирование, инициаторство исполнительного органа власти и управленческая значимость. Ключевым элементом принятия решений о реализации проекта является этап планирования и оценки рисков, который в большинстве регионов остаётся менее проработанным. Надёжное планирование требует тщательного анализа возможных угроз и разработки стратегий их минимизации. Однако, во многих случаях, регионы сталкиваются с трудностями в этом процессе из-за нехватки опыта или ресурсов. В этом контексте опыт Вологодской области может служить образцовым примером для других регионов.

Рисунок 1.10 – Программный комплекс проектного управления
(составлено автором)

Таким образом, оценка эффективности проектов играет ключевую роль в побуждении исполнителей к ответственному управлению проектами. Этот процесс должен охватывать не только стандартное измерение достигнутых результатов, но и более глубокую идентификацию потенциальных рисков, которые могут проявиться в ходе реализации. Исполнители проектов получают стимул тщательно анализировать все возможные угрозы, которые могут повлиять на результативность их деятельности. Кроме того, руководители обязаны разрабатывать и внедрять стратегии, направленные на эффективное реагирование и минимизацию рисков. Такой подход способствует активизации процесса непрерывного совершенствования, побуждая всех участников проекта к постоянному поиску инновационных методов и решений.

1.6. Целеполагание финансового состояния промышленных предприятий как инструмент устойчивого развития

Сыроватская Ольга Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент

кафедра прикладной экономики

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет («ЛЭТИ»)

e-mail: syrovatskay_o.u@inbox.ru

Управление финансами промышленных предприятий представляет собой чрезвычайно сложную задачу в современных условиях. Решение этой задачи в условиях высокой неопределенности перспектив развития требует взвешенного и тщательного подхода в определении целей финансово-экономической, производственной и социальной деятельности.

Прогнозирование и планирование финансового состояния является одним из важнейших элементов системы управления финансами предприятий в целях повышения эффективности текущей хозяйственной деятельности, обоснования успешности реализации новых бизнес-проектов, осуществления инвестиций и разработке управленческих решений, направленных на обеспечение устойчивого развития предприятия. Современная методология финансового планирования и прогнозирования базируется на большом количестве методов, способов и приемов, ведущими из которых являются формализованные математические методы, предполагающие расчет и анализ довольно большого объема количественных и качественных показателей, с разных сторон характеризующих финансовое состояние анализируемых предприятий. При этом,

наиболее эффективными и точными показали себя методы, предполагающие формирование прогнозной финансовой (бухгалтерской) отчетности предприятий, как наиболее приближенные и учитывающие особенности существующей методологии бухгалтерского учета.

Последовательность процедур финансового планирования может быть различной, но традиционно включает в себя ряд последовательных этапов, таких как анализ текущего финансового состояния, разработка плановых управленческих решений, формирование прогнозной финансовой отчетности, анализ перспективного финансового состояния. Как правило, такая последовательность процедур планирования носит итерационный характер, предполагающий несколько циклов разработки плановых решений, которые должны улучшить показатели перспективного финансового состояния по сравнению с текущими значениями. В этом случае, положительным итогом планирования может считаться простое улучшение прогнозных показателей финансового состояния, но к главному недостатку такого подхода можно отнести отсутствие явной взаимосвязи между плановыми управленческими решениями и структурой прогнозной финансовой отчетности. Другими словами, не вполне очевидно, какие решения и каким образом воздействуют на статьи прогнозной отчетности, тем самым определяя уровень показателей формируемой перспективной отчетности. В этой связи, более эффективным приемом является подход, основанный на целеполагании прогнозных значений показателей планового финансового состояния, что позволит сократить количество итерационных циклов формирования прогнозной финансовой отчетности и ее последующего анализа. В этом случае, процесс финансового планирования становится более определенным посредством установления формализованных взаимосвязей между целевыми прогнозными значениями ряда показателей, которые будут характеризовать необходимый или желаемый уровень финансового состояния и структуры формируемой прогнозной отчетности. Такой подход к финансовому планированию, предполагает корректировку последовательности плановых процедур. После анализа текущего финансового состояния и определения текущих значений показателей, необходимо установить их целевые значения, которые будут характеризовать необходимый уровень перспективного финансового состояния. Затем, на основе установленной взаимосвязи целевых значений показателей финансового состояния и статей отчетности формируется структура прогнозной финансовой отчетности, соответствующая выбранным целевым значениям. Сформированная подобным образом прогнозная отчетность позволяет более определенно и целенаправленно формировать управленческие воздействия,

способствующие достижению планируемого уровня финансового состояния. Такой подход к прогнозированию финансового состояния и отчетности предприятий позволяет повысить эффективность процесс планирования за счет изначального установления количественных параметров будущего финансового состояния.

Поскольку показатели финансового состояния рассчитываются по данным статей финансовой (бухгалтерской) отчетности, то ключевым вопросом является выбор коэффициентов, для которых будут устанавливаться целевые значения. В данном случае ограничимся рассмотрением одной отчетной формы – бухгалтерского баланса, как содержащей максимальное количество информации о финансовом состоянии. На основе бухгалтерского баланса, главным образом, рассчитываются известные показатели финансовой устойчивости, независимости и ликвидности [79–81]. Для данных показателей существуют общепринятые критериальные значения, выход за границы которых трактуется как кризисное финансовое состояние.

Показатели финансовой независимости и устойчивости характеризуют структуру финансового капитала предприятия, соотношение собственных и заемных средств, а также наличие собственного оборотного капитала. Данные показатели можно разделить на две группы. В первую группу входят коэффициенты автономии (K_A) и финансовой устойчивости (K_y), характеризующие соотношение собственных и заёмных средств:

$$K_A = \frac{СК}{ВБ}, \quad K_y = \frac{СК + ДО}{ВБ} \quad (1.1)$$

Ко второй группе относятся коэффициенты, характеризующие состояние оборотных средств: коэффициент маневренности собственного капитала (K_M), обеспеченности оборотных активов (K_{OA}) и материальных запасов (K_3).

$$K_M = \frac{СКО}{СК}, \quad K_{OA} = \frac{СКО}{OA}, \quad K_3 = \frac{СКО}{З} \quad (1.2)$$

Показатели ликвидности характеризуют способность предприятия погашать свои краткосрочные обязательства за счет составляющих оборотных активов. К наиболее распространенным показателям ликвидности относят коэффициент текущей ($K_{ТЛ}$), быстрой ($K_{БЛ}$) и абсолютной ликвидности ($K_{АЛ}$)

$$K_{ТЛ} = \frac{ДС + КФВ + КДЗ + З}{КО}, \quad K_{БЛ} = \frac{ДС + КФВ + КДЗ}{КО}, \quad K_{АЛ} = \frac{ДС + КФВ}{КО} \quad (1.3)$$

Уровень финансовой независимости и устойчивости определяется соотношением собственного (СК) и заемного капитала (ЗК), чем выше доля собственных средств, тем выше уровень финансовой независимости. Поэтому представляется целесообразным выбрать прогнозную величину собственного капитала в качестве исходного параметра, от величины которого впоследствии будут прогнозироваться другие статьи баланса. Собственный капитал непосредственным образом определяет уровень финансовой независимости и является наиболее долгосрочным источником финансирования хозяйственной деятельности промышленных предприятий, основные составляющие которого, за исключением нераспределенной прибыли, находятся на стабильном уровне, и их величина изменяется редко. Поэтому в целях финансового планирования можно предположить, что основное изменение собственного капитала, как итога третьего раздела баланса, в наибольшей степени обуславливается изменением величины нераспределенной прибыли.

Определение целевых значений показателей финансовой независимости и ликвидности осуществляется исходя из конкретных условий и необходимого улучшения уровня финансового состояния предприятия, однако если целевые прогнозные значения будут очень сильно отличаться от текущего уровня, то впоследствии может оказаться, что это не позволит сформировать прогнозный баланс или разработать приемлемые управленческие решения. Кроме того, некоторые показатели взаимосвязаны между собой и их значения не могут выбираться произвольно. Обозначим планируемые значения коэффициентов в выражениях (1) – (3) следующим образом:

$$K_A = \alpha_1; \quad K_Y = \alpha_2; \quad K_M = \alpha_3; \quad K_{OA} = \alpha_4; \quad (1.4)$$

$$K_3 = \alpha_5; \quad K_{TL} = \alpha_6; \quad K_{BL} = \alpha_7; \quad K_{AL} = \alpha_8.$$

Выражая статьи прогнозного бухгалтерского баланса из соотношений (1)÷(3), и учитывая (4), получим зависимости их от уровня принятых значений коэффициентов $\alpha_1 \div \alpha_8$. В частности, валюта баланса представляется в виде:

$$ВБ = \frac{1}{\alpha_1} СК \quad (1.5)$$

Статьи актива баланса могут быть выражены следующим образом:

$$ВА = (1 - \alpha_3) СК = \frac{\alpha_1 - \alpha_4}{\alpha_1(1 - \alpha_4)} СК; \quad (1.6)$$

$$OA = \frac{1 - \alpha_1 + \alpha_1 \cdot \alpha_3}{\alpha_1} CK = \frac{1 - \alpha_1}{\alpha_1(1 - \alpha_4)} CK \quad (1.7)$$

$$З = (\alpha_6 - \alpha_7) \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1} CK; \text{ КДЗ} = (\alpha_7 - \alpha_8) \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1} CK; \quad (1.8)$$

$$ДС + КФВ = \alpha_8 \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1} CK \quad (1.9)$$

Статьи пассива баланса представляются следующими соотношениями:

$$ЗК = \frac{1 - \alpha_1}{\alpha_1} CK; \text{ ДО} = \frac{\alpha_2 - \alpha_1}{\alpha_1} CK; \text{ КО} = \frac{1 - \alpha_2}{\alpha_1} CK \quad (1.10)$$

Соотношения (5) – (10) при заданных целевых значениях собственного капитала и коэффициентов независимости и ликвидности $\alpha_1 \div \alpha_8$, будут определять величины основных разделов и статей прогнозного баланса. При этом, из анализа соотношений (5) – (10) следует, что существуют прямые функциональные взаимосвязи между значениями некоторых коэффициентов $\alpha_1 \div \alpha_8$, например:

$$\alpha_4 = \frac{\alpha_1 \alpha_3}{1 + \alpha_1(\alpha_3 - 1)}; \alpha_5 = \frac{\alpha_1 \alpha_3}{(\alpha_6 - \alpha_7)(1 - \alpha_2)}; \alpha_7 = \alpha_6 - \frac{\alpha_1 \alpha_3}{\alpha_5(1 - \alpha_2)}; \quad (1.11)$$

и эти взаимосвязи указывают допустимые интервалы изменения целевых значений показателей $\alpha_1 \div \alpha_8$:

$$\alpha_3 \leq \frac{\alpha_4}{\alpha_1}; \alpha_2 \geq \alpha_1. \quad (1.12)$$

Данное обстоятельство накладывает некоторые ограничения на выбор допустимых целевых значений $\alpha_1 \div \alpha_8$, некоторые из которых не могут быть выбраны произвольно, а определяются значениями ранее выбранных показателей. Полученные соотношения (5–12) устанавливают явную взаимосвязь между целевыми значениями показателей финансовой независимости и ликвидности, и структуры прогнозного баланса, которая при таком подходе соответствует целевому уровню финансового состояния. Это позволяет использовать методику прогнозирования финансового состояния, основанную на целеполагании ключевых показателей, для решения различных управленческих задач в процессе управления и планирования финансово-экономической деятельностью промышленных предприятий с целью обеспечения их устойчивого развития. При этом выбор целевых значений коэффициентов независимости и ликвид-

ности зависит от многих факторов, таких как структура производственного капитала, характеристики операционного цикла, структура финансового капитала, необходимый уровень ликвидности и платежеспособности и т.д. Поскольку процедура целеполагания будущего финансового состояния начинается с величины собственного капитала, то необходимо, чтобы выбор его целевого значения и доли в валюте баланса, осуществлялся обоснованно. Одним из ключевых требований к структуре капитала промышленного предприятия является наличие собственного капитала в обороте, что говорит о финансировании всех оборотных и части внеоборотных активов за счет собственных средств. Это условие является достаточно консервативным, но его выполнение обуславливает не только величину собственного оборотного капитала, но и целевые значения коэффициентов обеспеченности оборотных активов и запасов собственными средствами.

Как правило, в процессе финансового планирования ставится задача увеличения собственного капитала, главным образом, за счет роста нераспределенной прибыли, которая является основным источником устойчивого развития и возрастания экономического потенциала предприятия. Вместе с тем, увеличение собственного капитала за счет нераспределенной прибыли обычно сопровождается изменениями в структуре баланса. Полученная прибыль может быть использована на увеличение стоимости внеоборотных и оборотных активов и/или уменьшение обязательств предприятия. Прогнозные целевые значения собственного капитала и коэффициента автономии позволяют спрогнозировать величину валюты баланса, а затем, и величину заемного капитала как разность между валютой баланса и собственным капиталом. При увеличении собственного капитала и валюты баланса могут быть приняты обоснованные управленческие решения по привлечению дополнительных объемов заемных средств в размерах, соответствующих положительному значению эффекта финансового рычага [82].

Таким образом, прогнозирование и планирование финансового состояния предприятий на основе целеполагания показателей финансовой независимости и ликвидности позволяет определить такую структуру прогнозной финансовой отчетности, которая будет соответствовать заданным целевым значениям показателей и, соответственно, характеризовать необходимый уровень финансового состояния. При этом, такой подход позволяет повысить эффективность разработки и реализации управленческих решений, направленных на обеспечение прогнозной величины структуры активов и пассивов и способствовать достижению целей устойчивого развития предприятий.

ГЛАВА 2. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ

2.1. Социально-экономические последствия ускоренной адаптации в условиях международных санкций и ограничений

Петров Максим Александрович

кандидат социологических наук, доцент

кафедра социологии и управления персоналом

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: petrov_maxim@rambler.ru

Ускоренная адаптация экономики к международным ограничениям представляет собой не просто реакцию на внешние шоки, а процесс системной перестройки, затрагивающий базовые механизмы воспроизводства, распределения и потребления. В условиях санкционного давления и ограниченного доступа к международным рынкам и технологиям экономические агенты вынуждены пересматривать стратегические приоритеты, изменять производственные цепочки, искать новые источники сырья, перенастраивать логистику и создавать альтернативные каналы финансирования. При этом адаптация не ограничивается экономическими отношениями: она глубоко воздействует на социальную структуру, рынок труда, институциональные механизмы, уровень и качество жизни населения. Поэтому социально-экономические последствия ускоренной адаптации следует анализировать как комплекс взаимосвязанных процессов, в которых макроэкономическая динамика, рыночные и институциональные изменения, а также социальная политика формируют единую систему устойчивости или, наоборот, уязвимости.

В научной литературе адаптацию экономики часто рассматривают как процесс, сопровождающийся структурной перестройкой, когда изменение внешних условий становится катализатором для трансформации производственных и социальных систем [86]. В условиях международных ограничений ускоренная адаптация характеризуется не только скоростью изменений, но и их глубиной: изменяется не только уровень производства и занятости, но и качество институциональной среды, форма собственности, структура человеческого капитала, механизмы социальной защиты и модели поведения экономических субъектов. Это означает, что социально-экономические послед-

ствия ускоренной адаптации нельзя сводить к временным потерям или выигрышам: они задают траекторию долгосрочного развития, определяют устойчивость социальной системы и способность общества к инновационному росту [87]. Адаптация в условиях ограничений имеет два измерения: внешнее (перестройка международных связей и импортозамещение) и внутреннее (перераспределение ресурсов, изменение структуры спроса и предложения, трансформация институциональных механизмов). Социальные последствия проявляются как результат взаимодействия этих измерений, и их анализ требует учёта динамики и неоднородности по группам населения и регионам.

1. Макроэкономические эффекты и социальная динамика

Макроэкономические последствия ускоренной адаптации проявляются в изменении темпов экономического роста, структуры инвестиций, инфляции и финансовой устойчивости. В краткосрочной перспективе адаптация часто сопровождается снижением темпов роста ВВП и инвестиционной активности, поскольку предприятия вынуждены перенастраивать производственные процессы, искать альтернативные источники сырья и комплектующих, а также осваивать новые технологии (рисунок 2.1).

* За 100% принимается среднее значение скорости изменений в период с первого квартала 2015 года по третий квартал 2019 года.

Источник: Росстат, Банк России, Минфин России, МВФ, расчеты АКРА

Рисунок 2.1 – Индекс скорости моментального изменения структуры экономики [88]

В 2022 году показатели интенсивности изменений отраслевой структуры и пространственной были сопоставимыми, при этом они превышали уровни, которые фиксировались до пандемии, в полтора или два раза. К концу 2023 года скорость трансформации пошла на спад, и к этому времени пространственные изменения замедлились до нормы, тогда как отраслевые изменения не вернулись к норме даже в 2024 году. Сейчас они все еще превышают обычный уровень на 15–20% (рисунок 2.2).

* За 100% принимается среднее значение скорости изменений в период с первого квартала 2015 года по третий квартал 2019 года.

Источник: Росстат, Банк России, Минфин России, МВФ, расчеты АКРА

Рисунок 2.2 – Индекс скорости направленного изменения структуры экономики [88]

Эти процессы требуют времени и ресурсов, что снижает эффективность производства и может приводить к снижению реальной заработной платы и росту социальной напряженности. В то же время среднесрочные эффекты могут оказаться позитивными: формирование новых отраслей, развитие внутреннего производства и создание новых рабочих мест способны компенсировать потери и обеспечить устойчивый рост. Это означает, что социальные последствия ускоренной адаптации нельзя оценивать только по показателям краткосрочного кризиса: важно учитывать, насколько быстро и эффективно экономика переходит к новой структуре, и какие социальные механизмы поддерживают этот переход.

Одним из ключевых макроэкономических эффектов является изменение структуры инвестиций. В условиях ограниченного доступа к иностранному капиталу и технологиям инвестиции смещаются в сторону инфраструктуры, энергетики, агропромышленного комплекса, производства материалов, а также цифровизации и импортозамещения. В результате меняется качество инвестиций: растёт доля долгосрочных проектов, увеличивается роль государственных инвестиций и государственно-частного партнёрства. Важнейшим сдвигом 2024 года стало изменение структуры финансирования инвестиций. Резко выросла доля собственных средств компаний – до 56,7% (это на 3 процентных пункта больше, чем в 2023 году). Одновременно сократилась доля бюджетных средств – с 19,7 до 16,6%, что говорит об усилении роли частной предпринимательской инициативы [89]. Это имеет важные социальные последствия: такие инвестиции создают устойчивые рабочие места, повышают качество инфраструктуры и улучшают доступ к услугам. Однако одновременно возникает риск «инвестиционной инфляции» и перераспределения ресурсов в пользу крупных проектов, что может усиливать региональную диспропорцию и усиливать социальное неравенство, если выгоды концентрируются в отдельных регионах и секторах.

Изменение структуры внешней торговли и валютных потоков также оказывает значительное влияние на социальную сферу. Ограничение доступа к традиционным рынкам и технологиям приводит к сокращению экспорта в некоторых секторах, но одновременно стимулирует диверсификацию внешнеэкономических связей. Экспортные ориентиры смещаются в сторону стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, что меняет географию торговли и влияет на структуру занятости в экспортно-ориентированных отраслях (рисунок 2.3).

Диверсификация внешней торговли может снижать зависимость от отдельных рынков и повышать устойчивость экономики, но одновременно требует перестройки логистических цепочек и изменения стандартов продукции, что влияет на квалификационные требования к рабочей силе и на уровень доходов в регионах, ориентированных на экспорт. Это приводит к появлению новых центров роста и усилению региональных дисбалансов, если адаптация происходит неравномерно.

Инфляционные эффекты ускоренной адаптации имеют как денежный, так и структурный характер. Ограничение импорта и повышение издержек производства могут усиливать инфляционное давление, особенно в секторах, зависимых от импортных компонентов. Вместе с тем развитие внутреннего производства и рост конкуренции на внутреннем рынке спо-

собны частично компенсировать инфляционные эффекты. Важно отметить, что инфляция в условиях ускоренной адаптации меняет структуру потребления: растёт доля товаров и услуг с внутренним происхождением, меняются потребительские предпочтения и приоритеты, что влияет на социальные группы по-разному. Для одних это может означать рост доступности товаров первой необходимости, для других – снижение качества или разнообразия потребления. В результате инфляция становится не только экономическим, но и социальным феноменом, влияющим на восприятие качества жизни и уровень доверия к институтам.

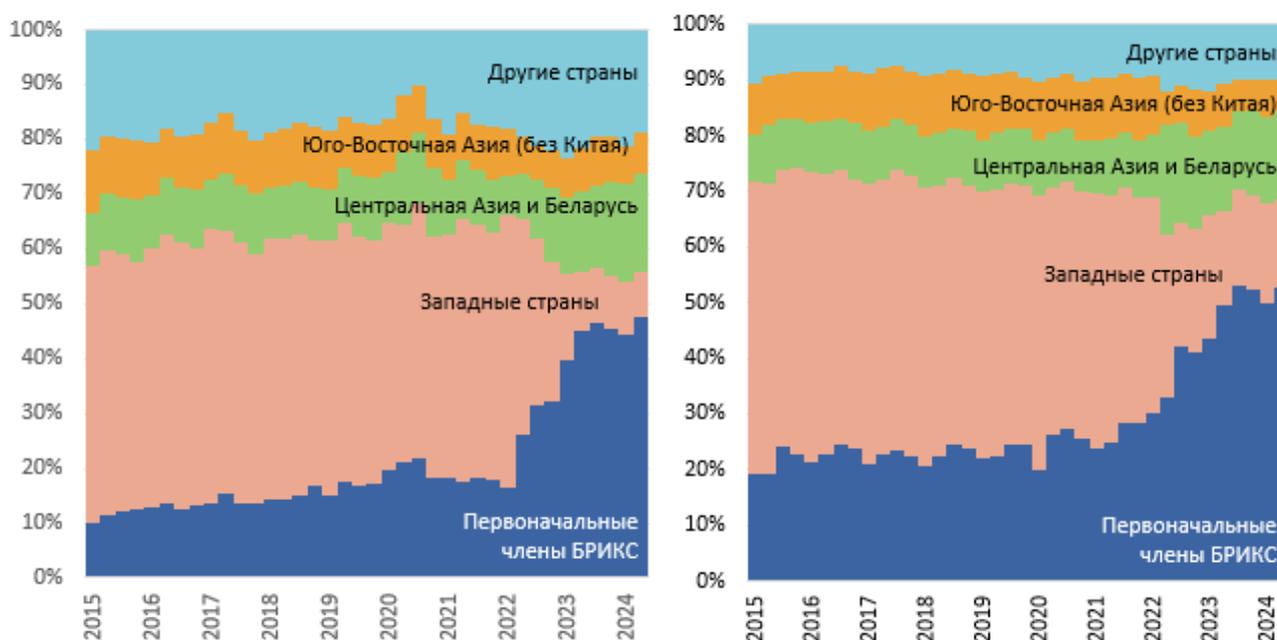

Рисунок 2.3 – Направления экспорта товаров из России (левый график) и импорта товаров в Россию (правый график) [88]

Финансовая система в условиях ускоренной адаптации также претерпевает значительные изменения. Ограничение доступа к международным рынкам капитала и санкционное давление стимулируют развитие внутренних финансовых механизмов, укрепление роли национальной валюты и совершенствование платёжной инфраструктуры. Однако одновременно возрастает роль финансовых ограничений для предприятий, особенно в секторе малого и среднего бизнеса, что может замедлять их адаптацию и развитие. В результате финансовая система становится более «внутренней» и ориентированной на национальные источники финансирования, что меняет структуру финансовых потоков и влияет на инвестиционные решения.

Динамика инвестиций в 2024 и начале 2025 года – это чёткий сигнал об адаптации российской экономики к новым реалиям. Хотя абсолютный

рост сохраняется (7,4% в 2024 году – значительный показатель), его последовательное замедление по кварталам и смещение фокуса в сторону высокотехнологичных отраслей (ИТ, электроника, химия) и собственного финансирования бизнесом (56,7%) указывают на сложный переходный период. Государство стремится стимулировать процесс через разнообразные меры поддержки частных капиталовложений, переходя от прямых вливаний к созданию институтов развития и разделению рисков. Для будущего устойчивого роста критически важно преодоление ключевых рисков – прежде всего, снижение стоимости денег через нормализацию ставок и повышение предсказуемости экономической среды.

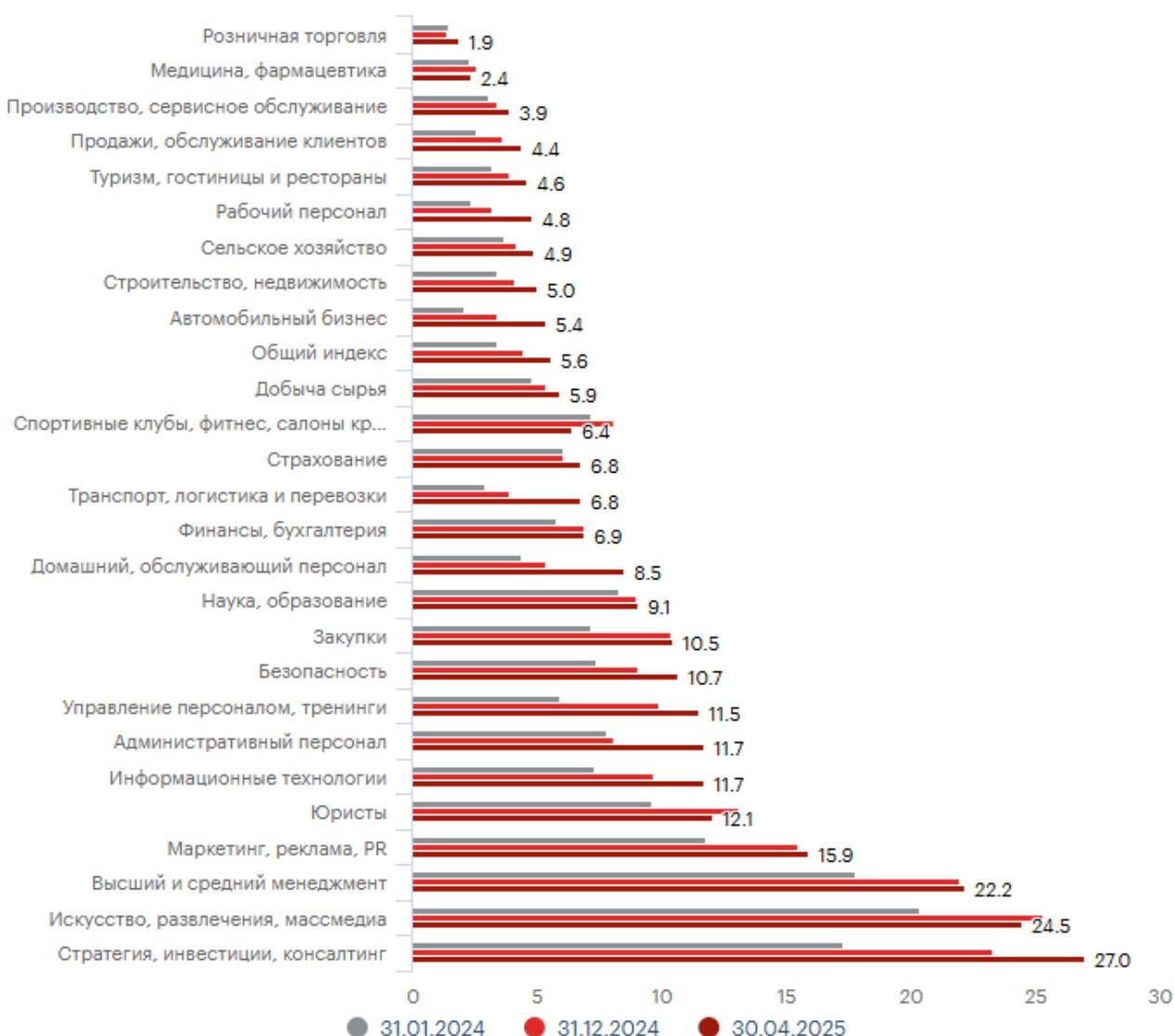
Несмотря на вызовы и ожидаемое замедление, инвестиции в РФ (статистика по 2025 году, прогноз 2,1–2,7%), остаются фундаментом развития. Их тщательный мониторинг дает понимание вектора движения: высокие технологии и частная инициатива выходят на первый план [89]. Социальные последствия таких изменений проявляются в доступности кредитов для населения и бизнеса, уровне ставок, стоимости ипотечного и потребительского кредитования, что напрямую влияет на качество жизни и возможности социального развития.

2. Рынок труда: перераспределение занятости, изменение качества работы и профессиональная мобильность

Рынок труда в России в условиях международных ограничений продемонстрировал относительную устойчивость, что во многом объясняется особенностями его институционального устройства и активной ролью государства. В отличие от предыдущих кризисных периодов, адаптация происходила преимущественно через изменение структуры занятости, перераспределение рабочей силы между секторами и трансформацию форм занятости, а не через резкий рост безработицы. Данный механизм позволил смягчить социальные последствия структурных сдвигов, однако одновременно выявил ряд накопленных проблем, связанных с качеством человеческого капитала и его соответствием новым экономическим условиям.

Одним из ключевых направлений структурных изменений стало перераспределение трудовых ресурсов между отраслями экономики. Сокращение активности в секторах, ориентированных на внешние рынки и импортные технологии, сопровождалось ростом спроса на рабочую силу в обрабатывающей промышленности, агропромышленном комплексе, строительстве, логистике, информационных технологиях и оборонно-промышленном комплексе. Этот процесс носил неоднородный характер и сопровождался дефицитом квалифицированных кадров в ряде стратегически значимых отраслей, что стало одним из ограничивающих факторов экономического роста.

Особую актуальность в новых условиях приобрела проблема профессионально-квалификационного несоответствия. Существующая структура подготовки кадров, сформированная в период более глубокой интеграции в глобальную экономику, во многом ориентировалась на обслуживание импортозависимых производств и внешнеэкономических связей. В условиях структурной перестройки выявилась необходимость ускоренного формирования новых компетенций, прежде всего в сфере инженерно-технических специальностей, прикладных наук, цифровых технологий, машиностроения и материаловедения. Это поставило перед системой образования и профессиональной подготовки задачу адаптации к изменившимся требованиям рынка труда.

Источник: Head Hunter

Рисунок 2.4 – Динамика индекса НН в российской экономике в 2024-2025 гг. [90]

Одним из наиболее значимых социальных последствий ускоренной адаптации является изменение структуры занятости. Перераспределение ресурсов в сторону импортозамещающих и стратегически значимых отраслей сопровождается ростом занятости в обрабатывающей промышленности, агропромышленном комплексе, строительстве, логистике, транспорте и цифровых сервисах (рисунок 2.4).

Вместе с тем наблюдается снижение занятости в секторах, ориентированных на импортные компоненты и внешние рынки, а также в отраслях, зависимых от международной кооперации. Такой процесс носит неоднородный характер и усиливает структурные дисбалансы на рынке труда, проявляясь в дефиците квалифицированных кадров в одних секторах и избыточном предложении рабочей силы в других. В результате возрастает роль активной политики занятости и программ профессиональной переподготовки, направленных на перераспределение трудовых ресурсов и снижение структурной безработицы.

Низкая безработица – менее 4% – на российском рынке труда сохраняется на протяжении 2023–2025 годов. По данным Росстата, уровень безработицы в РФ в феврале 2025-го составил 2,4%, что лишь немного выше исторического минимума в 2,3%, зафиксированного осенью 2024 года (рисунок 2.5).

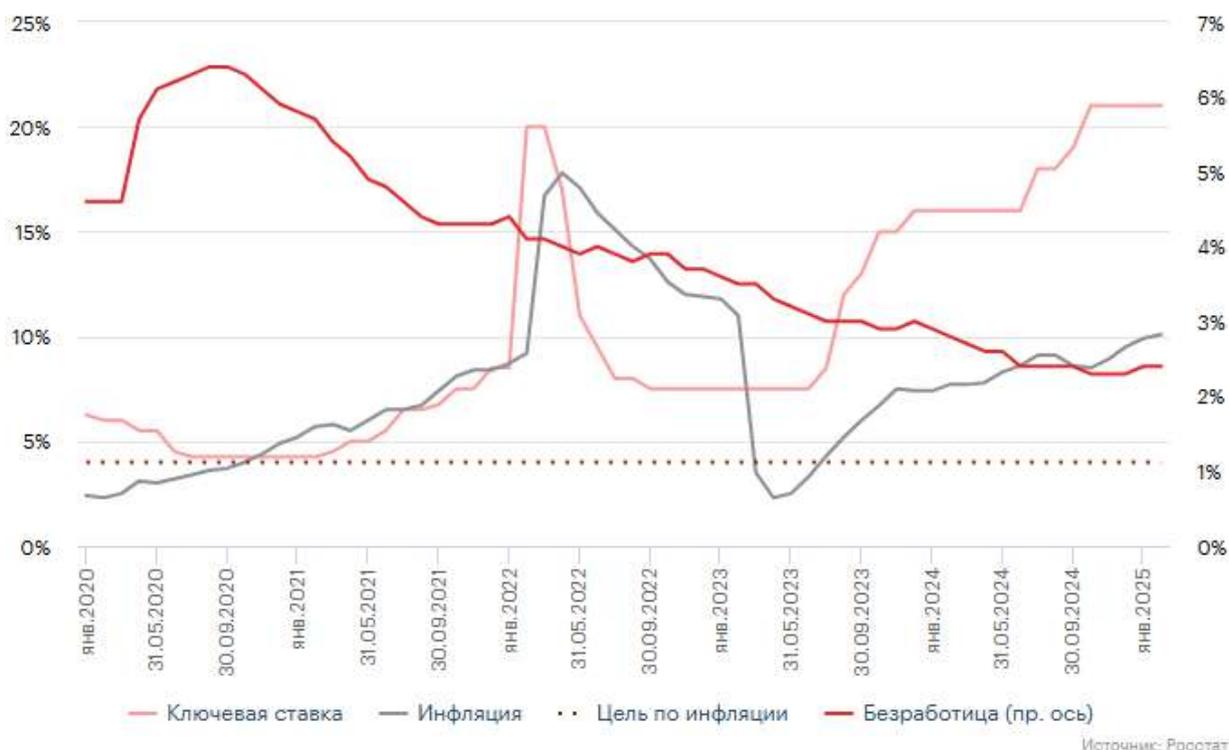

Рисунок 2.5 – Динамика уровня безработицы, инфляции и ключевой ставки в 2022–2025 годах в России, % [90]

В абсолютных цифрах это примерно 1,8 млн человек. Для сравнения: год назад показатель был 2,8%, а средний уровень безработицы за последние пять лет превышал 4%. Такая рекордно низкая безработица является одним из ключевых элементов перегрева экономики сама по себе – попытка удовлетворить повышенный спрос приводит к росту найма. В России в 2023–2025 годах этот процесс был также усилен дополнительными факторами: сокращением трудоспособного населения за счёт массового привлечения кадров в оборонную промышленность и армию, а также эмиграцией после 2022 года. Ситуация на рынке труда также представляет собой важный индикатор перегрева экономики и потому важна для реализации денежно-кредитной политики. Именно дефицит кадров стал одним из ключевых факторов для сохранения высоких уровней ключевой ставки на протяжении последнего года (и сверхвысоких уровней, сохраняющихся на протяжении последних нескольких месяцев).

Адаптация занятости также связана с ростом доли неполной занятости и гибких форм труда. В условиях неопределённости предприятия стремятся сохранить трудовые ресурсы, снижая нагрузку и меняя режимы занятости, что позволяет избежать массовых увольнений, но одновременно увеличивает риск снижения доходов и ухудшения условий труда.

Данные изменения особенно заметны в секторах, где производственные циклы стали более нестабильными, а спрос – более циклическим. В результате часть работников вынуждена переходить на неполный рабочий день, временные контракты или «гибридные» формы занятости, что снижает уровень социальной защищённости и увеличивает уязвимость в случае новых экономических шоков. Это приводит к необходимости разработки механизмов социальной защиты, учитывающих новые формы занятости и обеспечивающих доступ к страховым и пенсионным правам даже при неполной занятости.

Значимой тенденцией становится платформенная занятость – ситуация, когда для физических лиц предоставление услуг с помощью цифровых платформ (Яндекс Услуги, Avito, YouDo и др.) становится основным или приоритетным видом занятости. За последнее десятилетие платформенная занятость в России стала массовым явлением. Согласно исследованию НИУ ВШЭ [91], в 2024 году около 16% работников так или иначе вовлечены в gig-экономику через цифровые платформы – и это достаточно высокий уровень по сравнению с другими странами. При этом 3,5% опрошенных отметили платформенную занятость в качестве основной деятельности и указали, что тратят на нее почти 30 часов в неделю. Ключевые платформенные сферы – образовательные услуги, пассажирские и грузовые перевозки, курьерские услуги, а также услуги в сфере

ИТ. Особую роль в социальной адаптации играет механизм переквалификации и профессиональной мобильности. В условиях ускоренной структурной перестройки способность работников менять профессию и осваивать новые компетенции становится критическим фактором сохранения занятости [92]. Однако реальные возможности переквалификации ограничены как объективными факторами (возраст, здоровье, семейные обязательства, территориальная привязанность), так и институциональными барьерами (доступность программ обучения, качество образовательных услуг, финансовая поддержка). Вследствие этого часть работников оказывается в зоне структурной безработицы, которая в современных условиях проявляется не только в формальном росте безработицы, но и в снижении производительности труда, переходе в низкооплачиваемые сектора или скрытой занятости. Таким образом, социальные последствия ускоренной адаптации в значительной мере определяются тем, насколько эффективно государство и институты рынка труда способны обеспечить условия для профессиональной переориентации и роста человеческого капитала [93].

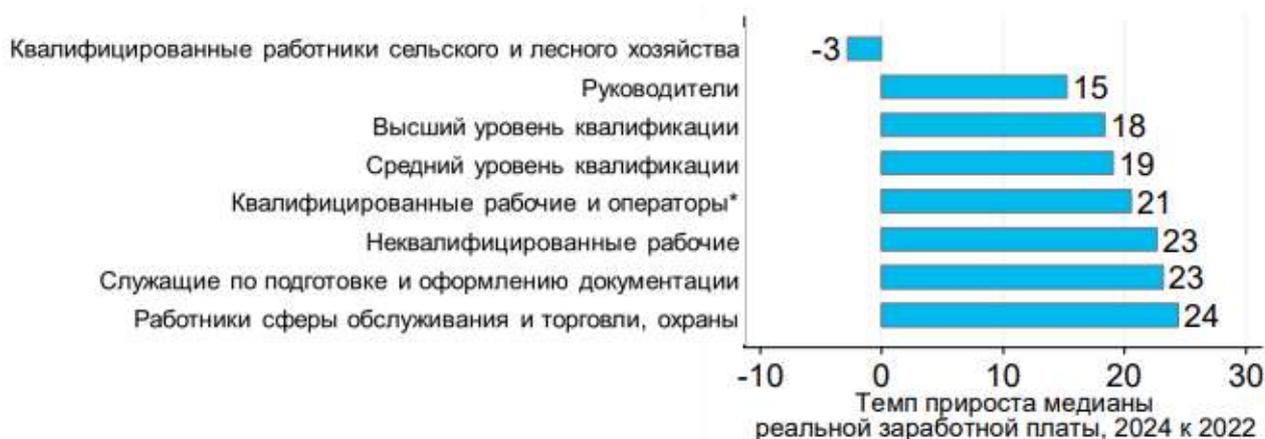
3. Доходы, неравенство и бедность: социальная дифференциация как следствие структурной перестройки

Социально-экономические последствия ускоренной адаптации проявляются также в изменении структуры доходов населения. Перераспределение ресурсов в пользу стратегических отраслей сопровождается ростом заработных плат в некоторых секторах, особенно в высокотехнологичных и государственно значимых производствах (см. рисунок 2.6).

Рисунок 2.6 – Динамика роста заработной платы в 2019–2024 годах в России, тыс. руб. [94]

В то же время в секторах, испытывающих спад, реальная заработная плата может снижаться, что усиливает дифференциацию доходов и создаёт риски роста социального неравенства. В условиях ограничений и структурных сдвигов происходит перераспределение доходов не только между отраслями, но и между социальными группами, что влияет на устойчивость социального договора и на уровень доверия к институтам. При этом рост доходов в отдельных секторах может сопровождаться усилением ценового давления, что снижает покупательную способность населения с фиксированными доходами (рисунок 2.7).

* Промышленности, строительства и транспорта.

Источники: обследование домохозяйств по потребительским финансам (Банк России); расчеты авторов.

Рисунок 2.7 – Темпы роста реальной заработной платы для работников различных квалификаций – 2024 к 2022 г., % [94]

По данным Росстата, средняя начисленная зарплата в 2024 году составила 88 тыс. рублей до вычета налогов. Прогнозы по росту реальных заработных плат остаются достаточно оптимистичными. Так, в соответствии с прогнозом Минэкономразвития, рост реальных заработных плат в 2025 году составит 7%, а по данным макроэкономического опроса Банка России аналитики ожидают увеличения реальных зарплат только на 2,9% в 2025 году. При этом наибольший уровень зарплат наблюдался в Чукотском автономном округе, Москве, Ямало-Ненецком автономном округе, где она составила 185, 164, 162 тыс. рублей соответственно. По расчетам hh.ru, медианная предлагаемая зарплата в вакансиях в 2024 году была на уровне 67 тыс. рублей [90].

Изменения в доходах населения оказывают влияние на структуру потребления. Снижение реальных доходов у части населения ведёт к сокращению спроса на товары и услуги с высокой добавленной стои-

мостью, тогда как рост доходов в других группах может стимулировать спрос на качественные продукты, услуги и технологии. В результате происходит изменение структуры внутреннего спроса, что влияет на динамику отдельных отраслей и способствует формированию новых сегментов рынка. Данный процесс носит неоднородный характер: в одних регионах и социальных группах наблюдается усиление спроса на инновационные продукты, в других – рост потребления базовых товаров и услуг. В итоге ускоренная адаптация меняет не только объём, но и качество потребления, что становится фактором долгосрочного структурного сдвига.

Ускоренная адаптация может оказывать противоречивое влияние на уровень бедности. С одной стороны, сохранение занятости и активная социальная политика позволяют смягчить негативные последствия и предотвратить резкий рост бедности. С другой стороны, структурные сдвиги, снижение реальных доходов в отдельных секторах и рост цен на отдельные группы товаров могут повышать уровень материальной уязвимости, особенно среди наиболее уязвимых категорий населения: пенсионеров, малообеспеченных семей, работников с низкой квалификацией, жителей депрессивных регионов. Важно, что бедность в условиях ускоренной адаптации приобретает не только доходный, но и «качественный» характер: ограничение доступа к образованию, здравоохранению, качественному жилью и инфраструктуре становится дополнительным измерением уязвимости.

Особое значение в данной динамике приобретает качество социальной защиты и её способность быстро адаптироваться к новым условиям. В условиях ускоренной адаптации социальная защита должна обеспечивать не только поддержку доходов, но и механизмы перехода на новые профессии, доступ к обучению, поддержку занятости и поддержку семей. Если социальная защита остаётся ориентированной на традиционные формы поддержки, она может оказаться неэффективной в условиях ускоренных структурных изменений, что увеличит риск хронической бедности и социальной дезинтеграции. Институциональные реформы социальной защиты должны быть направлены на создание гибких и адресных механизмов, которые позволят поддерживать людей в период смены профессии, а также обеспечивать доступ к современным формам образования и профессионального роста.

Неравенство в условиях ускоренной адаптации усиливается не только за счёт различий в доходах, но и за счёт различий в доступе к качественным образовательным и медицинским услугам, инфраструктуре и возможностям профессионального роста. Это приводит к появлению «качественного неравенства», когда различия в уровне жизни обуслов-

лены не только доходами, но и доступом к социальным благам и возможностям. Важно, что качественное неравенство имеет тенденцию к самоподдержанию: семьи с более высоким доходом имеют больше возможностей инвестировать в образование детей, здоровье и профессиональный рост, что усиливает межпоколенное неравенство и снижает социальную мобильность. В условиях ускоренной адаптации это становится особенно критичным, поскольку доступ к новым возможностям определяется не только экономическими, но и институциональными факторами.

4. Региональные последствия и миграция: территориальная динамика как фактор социальной устойчивости

Ускоренная адаптация усиливает региональную неоднородность, поскольку структурные изменения происходят неравномерно по территории. Региональная структура экономики, уровень диверсификации производства, доступность инфраструктуры и качество человеческого капитала определяют способность каждого региона адаптироваться к новым условиям. В результате возникают территории «ускоренного роста», где формируются новые производства, а также регионы, где структурная перестройка затягивается или не происходит вовсе. Данная дифференциация проявляется в различиях темпов роста занятости, доходов и качества жизни, что усиливает региональные диспропорции и требует целенаправленной региональной политики (см. рисунок 2.8).

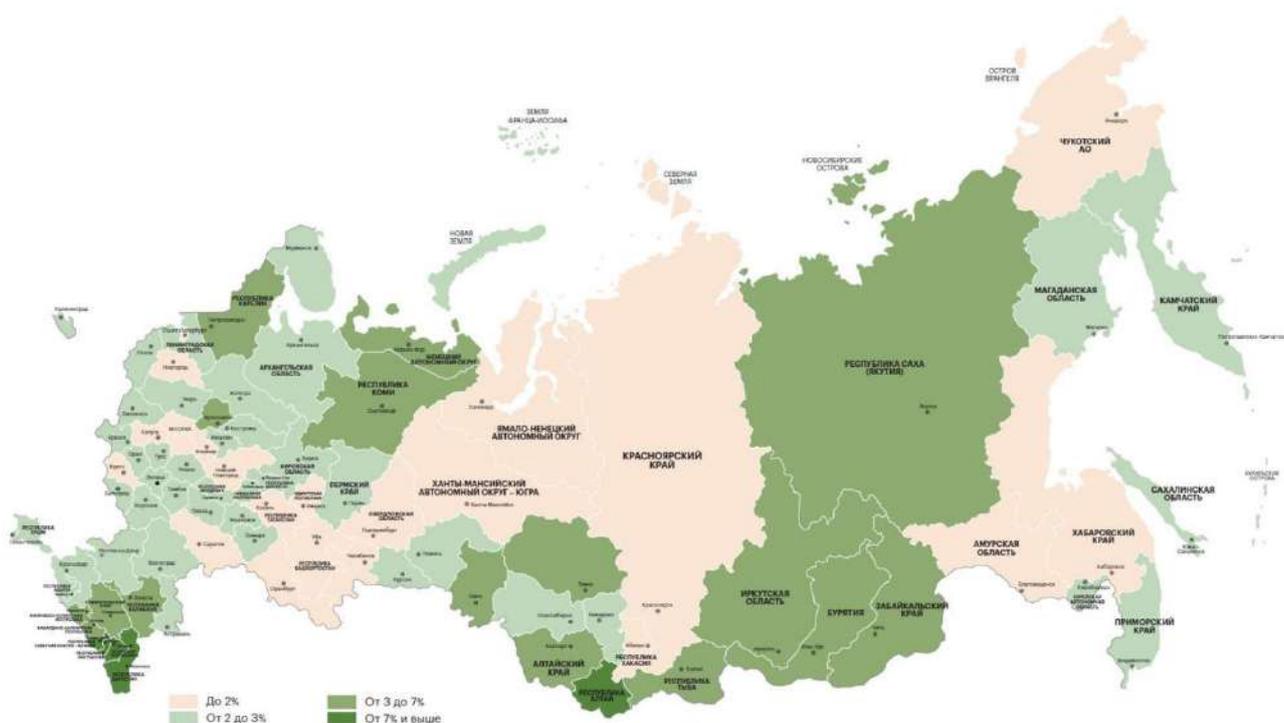

Рисунок 2.8 – Уровень безработицы в российских регионах, % [90]

В регионах с развитой промышленной и образовательной инфраструктурой ускоренная адаптация чаще сопровождается ростом инвестиций и созданием новых рабочих мест. В таких регионах формируются кластеры импортозамещения и технологического развития, что создаёт эффект мультипликатора на занятость и доходы. В то же время регионы, зависимые от сырьевого экспорта, традиционных отраслей или внешних рынков, сталкиваются с усилением структурных дисбалансов.

Снижение внешнего спроса и ограничение доступа к импортным технологиям приводит к снижению занятости и доходов, что усиливает риск социальной напряжённости и оттока трудовых ресурсов. Это подчёркивает необходимость региональной политики, направленной на поддержку диверсификации экономики, развитие инфраструктуры и повышение качества человеческого капитала в периферийных территориях. Региональная неоднородность проявляется также в различиях демографической ситуации. В ряде регионов наблюдается сокращение численности трудоспособного населения и старение, что снижает адаптационный потенциал рынка труда (см. рисунок 2.9). В таких условиях ускоренная адаптация может усиливать отток молодых и квалифицированных кадров, что создаёт эффект «порочного круга»: снижение возможностей экономического развития → отток трудовых ресурсов → дальнейшее снижение возможностей. Это подчёркивает необходимость региональной политики, направленной на поддержку человеческого капитала и создание условий для профессионального развития в периферийных территориях.

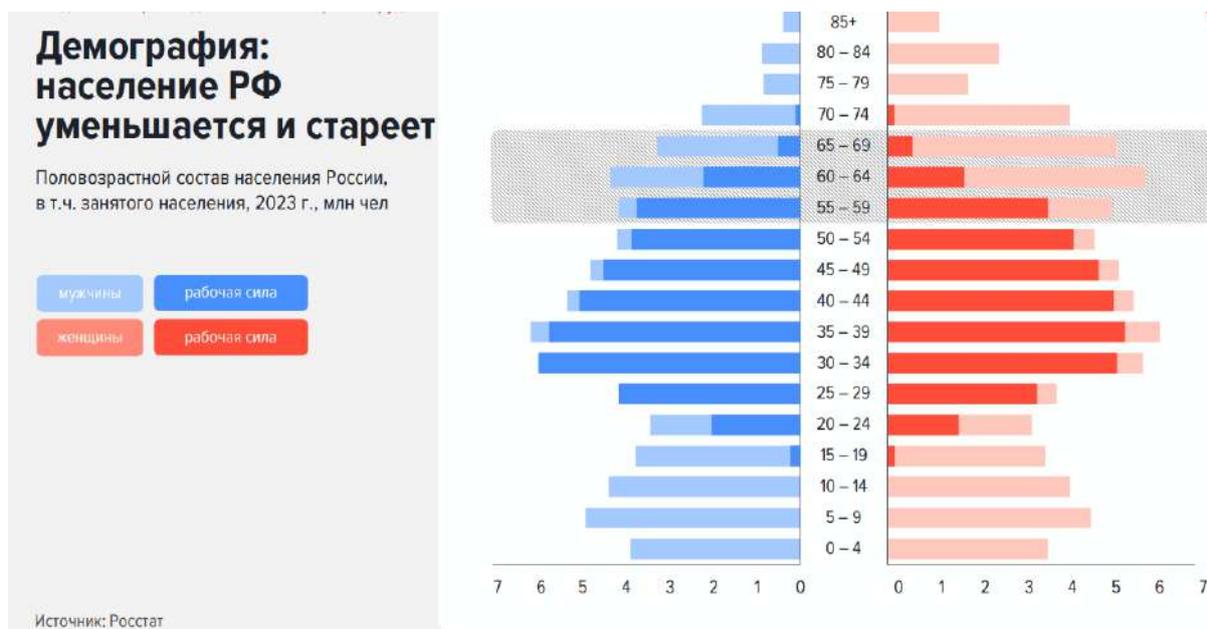

Рисунок 2.9 – Половозрастной состав населения России, в том числе занятого населения, 2023 год, млн человек

Миграция является важным механизмом перераспределения рабочей силы в условиях структурных изменений. Ускоренная адаптация сопровождается изменением миграционных потоков как внутри страны, так и в международном контексте. Внутренняя миграция усиливается за счёт перемещения рабочей силы из депрессивных регионов в центры роста, где формируются новые рабочие места и возможности для профессионального развития. Данный процесс способствует снижению дефицита кадров в регионах роста, но одновременно усиливает демографическое давление на периферийные территории. Это требует комплексной региональной политики, включающей поддержку инфраструктуры, жилья, образовательных и медицинских услуг.

Международная миграция также претерпевает изменения. Ограничение внешних экономических связей и ужесточение миграционных потоков влияют на структуру трудовой миграции, что может усиливать дефицит рабочей силы в некоторых секторах, традиционно зависимых от мигрантов (рисунок 2.10).

Рисунок 2.10 – Сокращение рынка за счёт оттока мигрантов, 2022–2023 гг., тыс. чел.

Процесс оттока мигрантов из России начался в пандемию COVID-19 из-за снижения привлекательности российского рынка на фоне роста безработицы и усложнения процедуры трудоустройства (приобретения патента, сдачи экзаменов по русскому языку и истории России). Затем про-

исходило ужесточение законодательства и накопление ограничений для мигрантов – так, в 2022 году некоторые регионы ввели запреты на работу последних. Например, в Тюменской области мигрантам с 2022 года нельзя работать в такси, а в ХМАО, кроме этого, еще и в сфере образования, торговле алкоголем и табаком, производстве детского питания и диетических продуктов. С тех пор те или иные ограничения для работы мигрантов ввели более 30 российских регионов.

Значительное ужесточение миграционной политики и практики ее применения произошло после теракта в «Крокусе» в марте 2023 года – ужесточение миграционного законодательства, проверки как на границах, так и внутри России.

В 2025 году вступил в силу целый пакет мер, ужесточающих миграционный режим – в их числе и сокращение максимального срока пребывания без визы, и осложнение получения ВНЖ, и ужесточение ответственности за организацию незаконной миграции, и признание статуса нелегального мигранта отягчающим обстоятельством при совершении преступления [90].

Это особенно заметно в строительстве, сельском хозяйстве и ряде сервисных отраслей. Снижение миграционного притока усиливает необходимость развития внутреннего кадрового потенциала и стимулирует автоматизацию и повышение производительности труда. При этом возникает риск ускорения технологического разрыва между секторами, что требует государственной поддержки модернизации производства и повышения квалификации.

Социальные последствия миграции проявляются в изменении социальной структуры регионов. Центры роста сталкиваются с увеличением спроса на жильё, услуги и инфраструктуру, что требует корректировки региональной политики и инвестиций. Периферийные регионы, напротив, могут испытывать сокращение налоговой базы, снижение спроса на услуги и рост социальной уязвимости. Миграция также влияет на семейные стратегии: семьи становятся более мобильными, что меняет структуру спроса на образование, медицинские услуги и социальные блага. Важно, что миграционные процессы не только перераспределяют трудовые ресурсы, но и влияют на социальный капитал, уровень доверия и устойчивость сообществ.

5. Институциональные изменения: социальная защита, трудовые отношения и управление рисками

Ускоренная адаптация экономики требует трансформации институтов социальной защиты и трудовых отношений. Традиционные механизмы социальной поддержки, ориентированные на стабильную заня-

тость и прогнозируемую динамику доходов, оказываются недостаточными в условиях ускоренной структурной перестройки. Новые формы занятости, рост гибких контрактов, расширение удалённой работы и платформенных форм труда требуют обновления нормативно-правовой базы и механизмов социальной защиты. Это связано не только с экономическими, но и с политико-правовыми факторами: рост неопределённости повышает роль институциональной устойчивости, а слабые механизмы защиты снижают доверие населения к государству и создают риск социальной дестабилизации.

Социальная защита в условиях ускоренной адаптации должна выполнять не только компенсирующую, но и стимулирующую функцию. Она должна поддерживать доходы наиболее уязвимых групп, но одновременно создавать условия для профессиональной переориентации и повышения мобильности. Это предполагает развитие программ переподготовки, поддержку семей, создание механизмов социальной поддержки для временно безработных и инвестирование в доступность образования и здравоохранения. Важно, чтобы социальная политика была гибкой и адаптивной, способной быстро реагировать на изменения на рынке труда. В противном случае социальная защита становится «пассивным» механизмом, который лишь сглаживает последствия, но не способствует структурной трансформации и росту человеческого капитала.

Трудовые отношения также претерпевают изменения. Увеличивается доля контрактной и проектной занятости, растёт значимость гибких форм труда, что требует обновления трудового законодательства и механизмов защиты прав работников. Необходимы новые механизмы контроля за соблюдением трудовых прав, защита работников в условиях платформенной экономики, а также развитие института коллективных переговоров и социальных партнёрств [90]. Важно обеспечить баланс между гибкостью рынка труда и социальной защищённостью, чтобы не допустить роста неформальной занятости и ухудшения условий труда. Институциональные изменения в сфере трудовых отношений должны сопровождаться развитием механизмов профессионального страхования, доступных и понятных гражданам, а также формированием системы постоянного обучения и повышения квалификации.

Особое значение в условиях ускоренной адаптации приобретает управление социальными рисками. Увеличение неопределённости и структурные изменения повышают вероятность резких изменений в занятости и доходах, что требует создания механизмов раннего предупреждения и адаптивной поддержки. Важным элементом является система мониторинга рынка труда и социального состояния населения, которая

позволяет своевременно выявлять уязвимые группы и регионы. Институционально эффективная система управления рисками должна включать как превентивные меры (обучение, поддержка предпринимательства, развитие инфраструктуры), так и компенсационные (социальные выплаты, программы занятости, поддержка семей). В условиях ускоренной адаптации государство выступает не только как регулятор, но и как социальный инвестор, который направляет ресурсы на повышение устойчивости населения и создание условий для долгосрочного роста.

6. Долгосрочные последствия для человеческого капитала и демографии

Структурные изменения, вызванные международными ограничениями, стали одним из наиболее значимых факторов трансформации российской экономики в начале XXI века. В этих условиях человеческий капитал и рынок труда приобретают ключевое значение как с точки зрения адаптации к краткосрочным шокам, так и в контексте формирования долгосрочных источников экономического роста. Изменение внешнеэкономической среды, разрыв традиционных производственных и технологических цепочек, ускоренная перестройка отраслевой структуры экономики обусловили необходимость качественного обновления трудовых ресурсов, трансформации институциональных механизмов занятости и переосмысления роли человеческого капитала в системе национального развития.

Человеческий капитал в современных экономических теориях рассматривается как совокупность знаний, навыков, компетенций, здоровья и социальных характеристик, определяющих производительный потенциал человека [95-96]. В условиях структурных изменений значение человеческого капитала возрастает, поскольку именно он становится основным носителем адаптационных возможностей экономики. Международные ограничения, ограничив доступ к внешним источникам технологий и инвестиций, усилили зависимость экономического развития от внутренних ресурсов, прежде всего – от качества и гибкости рабочей силы.

В условиях структурной трансформации возрастает значение корпоративных стратегий развития человеческого капитала. Крупные компании и государственные корпорации всё чаще инвестируют в собственные системы обучения, подготовки кадров и научно-исследовательские подразделения. Это позволяет частично компенсировать институциональные ограничения внешней среды, однако усиливает разрыв между крупным и малым бизнесом в доступе к квалифицированным трудовым ресурсам.

Особого внимания заслуживает проблема производительности труда, которая в условиях ограниченных ресурсов становится ключевым источником экономического роста. Повышение производительности невозможно без качественного развития человеческого капитала, внедрения новых технологий и совершенствования организации труда. В условиях международных ограничений задача повышения производительности приобретает системный характер и требует комплексного подхода, включающего институциональные реформы, инвестиции в образование и стимулирование инновационной активности.

В долгосрочной перспективе развитие человеческого капитала в России будет определяться способностью интегрировать образовательную, научную, промышленную и социальную политику в единую стратегию структурного развития. Международные ограничения выступили катализатором осознания ключевой роли человека в экономике и необходимости перехода от экстенсивной модели использования трудовых ресурсов к интенсивной модели, основанной на знаниях, компетенциях и инновациях.

Ускоренная адаптация оказывает долгосрочное влияние на человеческий капитал. С одной стороны, структурная перестройка стимулирует инвестиции в образование, повышение квалификации и развитие профессиональных навыков, что может повысить общий уровень человеческого капитала. С другой стороны, неопределённость и изменения в доходах могут снижать мотивацию к долгосрочным инвестициям в образование и здоровье, особенно у уязвимых групп населения. Это особенно важно для регионов с низким уровнем доходов, где семьи ограничены в ресурсах и вынуждены выбирать между краткосрочными потребностями и долгосрочными инвестициями в образование. В таких условиях риск «отложенных инвестиций» в человеческий капитал становится высоким, что может привести к ухудшению демографических и социальных перспектив в долгосрочной перспективе.

Долгосрочные последствия для демографии также неоднозначны. Экономическая неопределённость и снижение доходов могут приводить к откладыванию рождения детей и снижению рождаемости (рисунок 2.11). В то же время развитие новых отраслей и рост занятости в регионах роста может стимулировать демографическую активность. В целом демографическая устойчивость зависит от того, насколько эффективно социальная политика компенсирует негативные факторы и поддерживает семьи, молодёжь и молодые семьи. Важным аспектом является не только уровень доходов, но и качество социальной инфраструктуры: доступность дошкольного образования, здравоохранения, жилья и услуг.

Если эти условия улучшаются, демографические риски снижаются, что способствует устойчивому воспроизводству населения и поддержанию трудового потенциала.

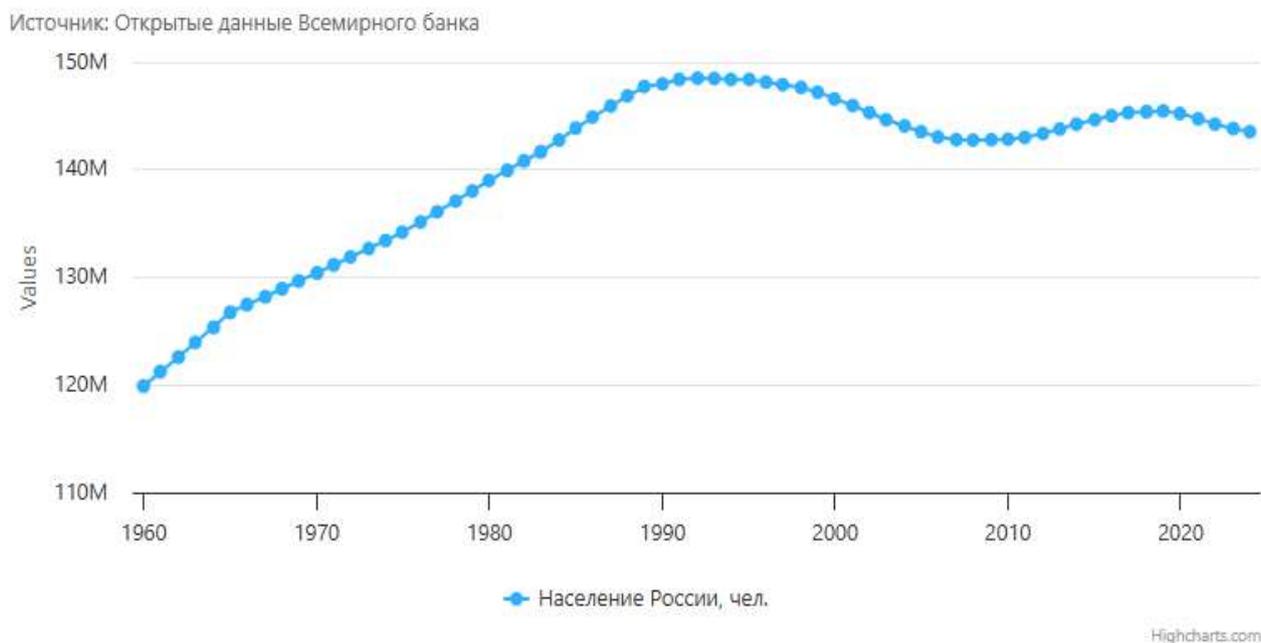

Рисунок 2.11 – Динамика численности населения России в 1960–2024 годах, чел. [97]

Также ускоренная адаптация влияет на качество человеческого капитала через изменение структуры образования и профессиональных навыков. Сдвиг в сторону технологических и цифровых компетенций требует обновления образовательных программ, усиления практико-ориентированного обучения и взаимодействия образования с бизнесом. В результате меняется соотношение между базовым и профессиональным образованием, увеличивается роль непрерывного обучения [98–99]. Это создаёт условия для роста производительности труда и инновационного развития, но одновременно усиливает риск образования «двух скоростей»: тех, кто успевает адаптироваться к новым требованиям, и тех, кто остаётся в устаревших профессиональных траекториях. Именно поэтому государственная политика должна быть направлена на расширение доступа к качественному образованию и профессиональному росту для всех групп населения.

7. Риски ускоренной адаптации и сценарии социального развития

Ускоренная адаптация несёт в себе ряд рисков, которые могут ограничивать её социально-экономическую эффективность. Ключевыми рисками являются:

1. рост социального неравенства и поляризация доходов,
2. региональная дезинтеграция и усиление территориальных дисбалансов,
3. ухудшение качества занятости,
4. деградация человеческого капитала,
5. рост социальной напряжённости.

Каждый из этих рисков имеет как экономический, так и социальный аспект и требует целенаправленных институциональных решений. Рост социального неравенства может проявляться не только в различиях доходов, но и в доступе к качественным услугам, возможностям профессионального роста и участию в инновационных процессах. Региональная дезинтеграция может усиливать миграционные потоки и ослаблять периферийные территории, что создаёт угрозу социальной устойчивости и снижает общую эффективность адаптации. Ухудшение качества занятости, в том числе рост неполной занятости и неформальных форм труда, снижает социальную защищённость и увеличивает уязвимость населения. Деградация человеческого капитала проявляется в снижении инвестиций в образование и здоровье, а также в росте неравенства в доступе к качественным социальным благам.

Существует несколько сценариев социального развития в условиях ускоренной адаптации. Пессимистический сценарий предполагает, что структурная перестройка будет сопровождаться ростом безработицы, ухудшением качества занятости, ростом бедности и усилением региональных дисбалансов. В этом случае ускоренная адаптация может стать фактором социальной нестабильности и снизить доверие к институтам. Базовый сценарий предполагает, что государственная политика и институциональные реформы обеспечат относительную стабильность, при которой структурные изменения будут сопровождаться сохранением занятости и постепенным ростом человеческого капитала. Оптимистический сценарий предполагает, что ускоренная адаптация станет катализатором инновационного развития, снижением зависимости от внешних рынков, ростом производительности и устойчивым повышением качества жизни. В этом случае социальная политика будет не только компенсировать негативные последствия, но и стимулировать перераспределение ресурсов в пользу образования, здравоохранения и регионального развития.

8. Социально-экономические последствия ускоренной адаптации как фактор долгосрочной устойчивости

Социально-экономические последствия ускоренной адаптации в условиях международных ограничений представляют собой сложный и многомерный процесс, включающий изменения в структуре занятости,

доходов, социальной мобильности, регионального развития и институциональной среды. Ускоренная адаптация создаёт новые экономические возможности, но одновременно порождает риски социальной нестабильности, если перераспределение ресурсов происходит неравномерно и без эффективной социальной политики. Важно, что социальная устойчивость адаптации зависит от качества институтов и политики, направленной на поддержку уязвимых групп, развитие человеческого капитала, повышение мобильности рабочей силы и выравнивание региональных диспропорций.

В долгосрочной перспективе ускоренная адаптация может стать источником устойчивого развития, если она сопровождается модернизацией системы социальной защиты, рынка труда и институциональных механизмов управления. Это требует не только экономических реформ, но и изменения подходов к социальной политике, образования и здравоохранения, а также формирования новых механизмов взаимодействия государства, бизнеса и общества. Только в таком случае ускоренная адаптация станет не временной реакцией на внешние ограничения, а фактором устойчивого развития, обеспечивающим повышение качества жизни и социальную стабильность.

2.2. Рыночные и плановые регуляторы трудовой миграции в условиях санкционного давления на экономику России

Якшибаева Гульнара Вахитовна
кандидат экономических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий
e-mail: Gulnara270271@yandex.ru

В современную эпоху настоятельно требуется разработка нового подхода для создания новой эффективной миграционной политики, направленной на решение возникших проблем, как для трудовых мигрантов и работодателей, так и для всего государства. Миграционная политика является важной составляющей как внутренней, так и внешней проводимой политики государства, от качества которой во многом зависит позитивное влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие страны. В самом общем виде суть государственной миграционной политики заключается в формировании стратегии – основных направлений деятельности в этой сфере, в соответствии с которой соответствующие институты осуществляют управление миграционными процессами с целью содействия социально-экономическому развитию

государства и демографической составляющей, а также предотвращении тех явлений, которые считаются нежелательными с точки зрения интересов государства [100].

Миграционная политика в широком смысле рассматривается как часть социальной политики страны, включающая вопросы демографии, занятости, безработицы, защиты прав и свободы человека и др. В узком смысле подразумевается система мер, направленных на регулирование миграционного движения с целью изменения состава, структуры, численности, направления потоков и другие параметры, связанные с проблемами демографии. Многие ученые и политики считают миграционную политику лишь как инструмент регулирования миграционных процессов, которые показывают узкий характер и не раскрывают ее в полной мере. По мнению известного исследователя проблем миграции, проф. Л.Л. Рыбаковского, «Миграционная политика – это система общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение поставленных целей» [101]. Более полное содержание миграционной политики дает Л.А. Кононов «Миграционная политика – это деятельность международных организаций, государственных органов, политических партий, органов муниципальной власти, общественных движений и организаций и их лидеров и др. по регулированию миграционных процессов и отношений, а также по миграционному обеспечению государственных, муниципальных и предпринимательских проектов и программ посредством использования политической власти или осуществления влияния на власть в интересах реализации наиболее значимых общественных потребностей» [102].

Миграционная политика должна формироваться и реализовываться в более широком формате, а именно в трех секторах:

- 1) регулирования миграционных процессов;
- 2) регулировании миграционных отношений («мигрант- государство», «мигрант-муниципальная власть», мигрант- бизнес-структуры», мигрант-принимающее общество», мигрант-работодатель» и др.);
- 3) миграционного обеспечения государственных, муниципальных и предпринимательских проектов и программ [102].

На сегодняшний день регулирование внешней и внутренней трудовой миграции для России является исключительно актуальной и острой проблемой. Если в советский период экономика была относительно закрытой «железным занавесом», и движение трудовых мигрантов осуществлялось и регулировалось преимущественно внутри страны, то с

конца XX века ситуация кардинально меняется, и требует соответственного отношения к миграционным процессам. Россия в настоящее время находится на третьем месте, разделяя ее с Германией, после США и Саудовской Аравии по численности международных мигрантов. Совершенно очевидно, трудовая миграция обеспечивает компенсацию естественной убыли населения, пополняет дефицит рабочей силы, тем самым вносит определенный вклад в экономику страны. Этапы развития движения рабочей силы в России (см. таблицу 2.1).

Таблица 2.1 – Этапы развития движения рабочей силы (трудовой миграции) в России [103–105]

Этапы	Описание
1 этап	<p>Дореволюционный (вторая половина XIX в. до 1917 г.) Вторая половина XIX века и начало XX века характеризовались активным переселением трудоспособного населения на юг и восток страны, по данным А.А. Кауфмана, ежегодно в эти территории прибывали 200 тыс. человек, то есть 0,14% населения страны. С 1900 по 1914 г. в Сибирь и на Дальний Восток переехали и трудоустроились 4,5 млн человек. По мнению дореволюционных исследователей (Д. Давидов, А. Кауфман) происходило смещение двух процессов, миграции-переселения, и хозяйственного – освоения новых территорий (колонизация), что явилось чрезвычайно важным условием укрепления границ государства.</p>
2 этап	<p>1920–1950-е гг., (довоенный, военный и послевоенный периоды) Довоенный период характеризуется активным развитием индустриализации, ростом как старых, так и развитием новых городов, миграцией сельских жителей в города. Огромные потоки людей были направлены на строительство крупных производственных объектов (Днепрогэс, Магнитка), продолжалось заселение новых населенных пунктов на Дальнем Востоке, в Европейском и Азиатском севере, Норильске, Комсомольске-на-Амуре, Апатитах и др. С конца 1924 до начала 1930 г. на Дальний Восток переселились почти 150 тыс. человек. Освоение данной территории усиливалось необходимостью укрепления военно-стратегического и политического положения страны, удовлетворения экономической потребности в рабочей силе для освоения природных ресурсов и строительства новых промышленных комплексов. Имело место и насильственное переселение раскулаченных крестьян, репрессированных граждан в малообжитые и отдаленные территории. Военный период характеризуется эвакуацией промышленных предприятий, заводов и трудоспособного населения на Урал, в Сибирь,</p>

Этапы	Описание
	<p>Дальний Восток и Среднюю Азию. Большие потоки в эти годы людей были вывезены в Германию. Имело место и насильственное переселение крымских татар, ингушей, чеченцев, адыгейцев и др.</p> <p>Послевоенный период трудовая миграция внесла большой вклад в освоении и развитии целинных и залежных земель, строительстве промышленных объектов, ГЭС, ТЭЦ, АЭС, БАМа и др., что привело к быстрому росту численности населения малозаселенных районов. Слаженно работала система «организованный набор рабочей силы», благодаря чему шло распределение и перераспределение рабочей силы внутри страны. Большую роль сыграли призывы на комсомольские, молодежные стройки страны.</p>
3 этап	<p>Конец 1950-х – начало 90-х гг.</p> <p>Направления трудовой миграции были обусловлены двумя фундаментальными процессами: продолжением освоения северных и восточных территорий страны, богатых природными ресурсами и залежами, и урбанизацией, активным движением сельского населения в города, что привело к концентрации населения в крупных городах страны. Распространенным видом миграции было отходничество, когда в зимнее время, работники свободные от сельскохозяйственных занятий направляются в города, за заработками. В эти годы бурно развивалась индустриализация России. Осуществлялись огромные капитальные вложения в развитие промышленности и инфраструктуры страны. Плановая экономика, господствующая в те годы, государственное распределение и перераспределение рабочей силы оказали существенное положительное влияние на рост экономических показателей и всего народного хозяйства страны. В годы индустриализации приток трудоспособного населения в города достиг 5-6 млн человек.</p>
4 этап	<p>Последнее десятилетие XX в. и начало XXI в.</p> <p>Выявленные отличительные особенности и тенденции миграционных процессов четвертого этапа позволили подразделить его на пятилетия: а) 1990–1995; б) 1995–2000; в) 2000–2005; г) 2005–2010; д) 2010–2015; е) 2015–2020.</p> <p>а) 1990–1995 гг. Связан с распадом Советского Союза и его последствиями, в результате которого образование новых независимых государств, спровоцировало рост миграционных процессов, которые активизировались по принципу этнической консолидации, и сопровождалась ростом национализма, этнической дискриминацией, нарушением гражданских прав и свобод. Миграция носит ярко выраженный вынужденный характер. В Россию ринулись огромные потоки мигрантов (беженцы, переселенцы), в основном русской национальности из соседних стран, составившие более 70% от общего объема, в</p>

Этапы	Описание
	<p>то же время из России стали выезжать национальные меньшинства в свои республики, их соотношение составляло примерно 4:1. Данный этап характеризуется еще и тем, что были массово эмигрированы граждане из России, стран СНГ в Германию (51,8%), Израиль (28,2%) и США (15,3%), из них около 80% имели еврейские и немецкие корни. Широкое распространение получила в это время экономическая миграция, вызванная тяжелой социально-экономической ситуацией в странах постсоветского пространства, многие мигранты выбирали неформальные виды трудовой деятельности, например, покупка потребительских товаров в одной стране и продажа в своей (спекулянты, челночники и др.).</p> <p>б) 1995–2000 гг. Характеризуется уменьшением масштабов вынужденных мигрантов и переселенцев, относительной стабилизацией политической и социально-экономической ситуации в странах бывшего СССР. В передвижении трудоспособного населения получает доминирование экономические мотивы, обусловленные тем, что в России экономика имела более менее позитивные тенденции, нежели это было в других соседних республиках, где наблюдался кризис и спад в экономике, и процветала безработица, в результате чего массовые потоки трудовых мигрантов прибывали в Россию, чтобы любым путем закрепиться, либо на постоянной основе, либо временно, для большинства людей это было единственным выходом заработать и прокормить себя и свою семью на родине. В то же время, данный период отличается от других тем, что получает развитие феномен нелегальная трудовая миграция, вызванная безвизовым режимом пересечения границ с одной стороны, с другой, сложностями при трудоустройстве на работу из-за бюрократизированности процедур регистрации, имеющие затяжной, запутанный и длительный характер, в результате которого мигранты вынуждены были обходить правовое поле и предпочтение отдавали нелегальной трудовой деятельности. Работодателям нелегальные работники были выгодны тем, что мигранты готовы были работать на любых условиях и, поэтому предложение их, как на дрожжах, стремительно росло. Трудовая миграция из союзных республик способствовала быстрому развитию малого и среднего бизнеса, особенно быстро расширяются мелкооптовые и розничные торговые предприятия, и фирмы, увеличиваются объемы транспортных грузовых перевозок и др.</p> <p>в) 2000–2005 гг. Данный период отличается от других пятилеток ужесточением регулирования миграционных процессов в стране в связи с обеспечением национальной безопасности, вследствие мировых терактов 11 сентября 2001 года. Несмотря на то, что принимались силовые подходы, административные механизмы в борьбе против неле-</p>

Этапы	Описание
	<p>гальных мигрантов, положительного результата в полной мере не удалось получить, так как начинает процветать взяточничество, коррупция. Основными мерами, принятыми на государственном уровне России, было делегирование некоторых полномочий по контролю за миграцией Министерству внутренних дел, которые активно применяли силовые меры к правонарушителям порядка, в результате чего сформировалось в обществе негативное мнение по отношению к приезжим «мигрантофобия» и «ксенофобия», частично обостряли ситуацию и нагнетали межнациональные конфликты и средства массовой информации.</p> <p>Тем не менее, экономическая миграция остается актуальной, более того, она получает дальнейшее развитие и распространение, этому способствуют установившиеся ранее контактные связи и миграционные отношения, знание русского языка, общие культурные корни, экономические и политические связи и сохраняющееся кризисное состояние экономик независимых республик бывшего Союза, получившие стагнационный характер и сопровождающиеся с инфляцией и хронической безработицей. Формируются так называемые «миграционные ниши», основанные на этно-профессиональной сегментации российского рынка труда. Если до 2000 года центром притяжения потоков трудовых мигрантов являлась Россия, то вначале нового тысячелетия на арену привлечения работников выходит активно развивающийся Казахстан. Украина и Молдова начинают менять свое восточное направление движения трудовых мигрантов на западное, в сторону развитых государств Европейского Союза.</p> <p>г) 2005–2010 гг. Ухудшение демографической ситуации, повышение смертности, сокращение рождаемости, отсюда и уменьшение численности трудоспособного населения в России – основы формирования трудового потенциала, привела к серьезному изменению отношения к миграционному потенциалу как к источнику пополнения дефицита трудовых ресурсов на рынке труда России. Бывшие республики Союза стали деловыми партнерами, образуя интеграционные объединения (Евразийский экономический союз, Таможенный союз) способствовали изменению системы трудоустройства мигрантов в плане постановки на учет, обеспечения безвизового режима пересечения государственных границ и др. В результате чего только за 2007 год было поставлено на учет более 7 млн человек из ближнего зарубежья. Увеличивающиеся миграционные потоки способствовали росту денежных переводов, что имело исключительно важное значение для социально-экономического развития стран – происхождения трудовых мигрантов.</p>

Этапы	Описание
	<p>Однако разразившийся мировой финансовый кризис 2008 года привел к сворачиванию многих производств и, следовательно, к уменьшению рабочих мест в России, поэтому были значительно сокращены квоты по привлечению иностранной рабочей силы, что обернулось уменьшением численности официально работающих людей из СНГ и возобновлением роста нелегальной занятости трудовых мигрантов в стране.</p> <p>д) 2010–2015 гг. Наблюдается усиление интеграционных процессов и сотрудничества стран СНГ. Формирование Единого экономического пространства активно способствует институционализации межгосударственной миграционной политики, что получает позитивное отражение на занятости трудовых мигрантов. Разрабатывается правовой статус трудящихся-мигрантов и членов их семей, взаимодействие о сотрудничестве в борьбе с нелегальной миграцией из третьих государств, все это, безусловно, послужило благоприятной основой для роста миграционных потоков в РФ в последние годы.</p> <p>е) 2015–2020 гг. Современные миграционные процессы характеризуются доминированием внутренних процессов над внешними, наблюдается достаточно активное передвижение трудоспособного населения внутри страны. Продолжается тенденция оттока трудоспособного населения из Дальнего Востока, Сибири и Крайнего Севера на запад (Москва, Санкт-Петербург) и на юг (Краснодарский край, Ставропольский край, Крым и др.)</p> <p>Экономический кризис последних лет снизил потенциал трудовой миграции, тем не менее, внешняя миграция продолжает иметь положительное сальдо миграции (прибывают больше, чем выбывают). Большинство прибывших в Россию из-за рубежа трудовых мигрантов являются выходцами стран СНГ. События на Украине привели к тому, что миллионы граждан прибыли на территорию РФ в качестве переселенцев, беженцев и трудовых мигрантов.</p> <p>Экономическим трендом нынешней эпохи является цифровая экономика, которая приводит к новым социально-трудовым отношениям, к новым формам миграции. Цифровизация экономического пространства приносит новое разделение труда, формирует новый обмен трудом и, следовательно, возникают новые миграционные отношения, где работник погружается в глобальное разделение труда, что делает его общественным с одной стороны, с другой, он становится более разделенным. По данным доклада WEF, в ближайшие годы исчезнут 75 млн рабочих мест и возникнут 133 млн новых. Последствием коронакризиса 2020 года явилось распространение нестандартных</p>

Этапы	Описание
	<p>форм занятости, такие как: удаленная работа, гибкий график, проектная работа и др. Современными формами миграции станут: занятость по запросу, цифровая миграция, виртуальная миграция, в которых востребованы будут программисты, математики, системные архитекторы, то есть специалисты, работающие в «цифровом» формате.</p> <p>ж) 2020 г. – по н.в. В последние годы численность трудовых мигрантов, прибывших в Россию и ее регионы для осуществления трудовой деятельности заметно снижается, по ряду причин, к основным относятся: политическая нестабильность, вызванная санкционным давлением со стороны запада, специальная военная операция, падение курса рубля по отношению к иностранной валюте, уход брендов, производств, сокращение торговых представительств крупных компаний и др. Часть иностранных трудовых мигрантов постепенно начинают менять направление передвижения в государства запада и востока. Снижение трудовой миграции в целом, как внешней, так и внутренней, начинает себя проявлять с коронапандемии и на сегодня она имеет тенденцию к росту. Мобильность внутренней трудовой миграции в эти годы также несколько снизилась, причиной которой стал коронакризис, локдаун, которые явились препятствием для перемещения и осуществления трудовой деятельности в других регионах, а также нынешняя политическая, экономическая и социальная нестабильность в обществе. Основным направлением передвижения внутренней трудовой миграции сохраняются южные, северо-западные и северо-восточные регионы.</p> <p>В сложившихся условиях необходимо направлять усилия на решение внутренних структурных проблем в России и ее регионах, в частности, предприятиям пересмотреть свои подходы в области своих технологий, путем инвестирования и повышения материально-технического уровня, развития ресурсосберегающих технологий, нацеленных на повышение производительности труда, с тем, чтобы минимизировать использование дешевой иностранной рабочей силы и зависимое положения от нее.</p> <p>В области миграционной политики необходимо проводить работу по ее качественному улучшению, направленную на то, чтобы прибывшие трудовые мигранты соблюдали законы и традиции России. Особое внимание должно быть уделено работе миграционных служб с тем, чтобы в Россию приезжали люди с высоким уровнем интеллекта и квалификацией.</p>

Источник: составлено автором

Проведенное исследование движения рабочей силы (трудовой миграции) в России за период с конца XIX века по настоящее время позволило выявить постоянно происходившие качественные и количественные изменения в этой сфере. Выявлены две ярко выраженные противоположные тенденции, отражающие характер движения рабочей силы. Первая представляет собой следствие планово-директивного управления хозяйством [106], благодаря которому перемещения работников осуществлялись на основе организованного набора рабочей силы, направляемой в малоосвоенные, слабозаселенные территории России, на освоение целинных и залежных земель, на строительство промышленных объектов, городов, ГЭЦ, ТЭЦ, АЭС, БАМа и др., когда людскими потоками двигала идеологическая пропаганда и вера в строительство коммунизма. Вторая тенденция выступает следствием отказа в начале 90-х гг. XX века от идеи плановости в развитии российской экономической системы и провозглашения рынка. Движение рабочей силы в этот период характеризуется как спонтанное, массовое, хаотичное, вынужденное и практически нерегулируемое, что в дальнейшем получает более определенные формы и очертания. В дальнейшем координация миграционных процессов начинается с осознания значимости миграционного потенциала, его влияния на социально-экономическое развитие регионов, благодаря миграционному законодательству, разработки Концепции миграционной политики РФ, формирования интеграционных объединений и др. [107]

В условиях санкционного давления на экономику необходимо разработать такую политику, которая позволяла бы трудовую миграцию (внешнюю и внутреннюю) использовать в качестве одного из важнейшего фактора политического, экономического и демографического развития страны.

Практика показала в России в настоящее время на движение рабочей силы (трудовой миграции) доминирующее влияние оказывают рыночные регуляторы: спрос, предложение, цена, торговая сделка. Это привело к концентрации рабочей силы в определенных регионах и городах страны, где есть спрос на труд. Данные регионы, как правило, характеризуются развитым промышленным, финансовым, инвестиционным потенциалом, инфраструктурой, связью, транспортом, благоприятными природно-климатическими условиями (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Ленинградская область, Краснодарский край, Калининградская область, Республика Татарстан и др.). В свою очередь трудовые дефицитные регионы продолжают терять рабочую силу. К ним относятся регионы Магаданская область, Республика Коми, Чукотский АО, Респуб-

лика Калмыкия, Еврейская автономную область, Мурманская область, Оренбургская область, Чувашская Республика, Курганская область и др.

Это свидетельствует о том, что в регионах России наблюдается преимущественно стихийное движение рабочей силы, выражающееся в интенсивном прибытии работников в трудоизбыточные территории, при этом трудонедостаточные регионы продолжают терять своих рабочих рук. В данной неблагоприятной экономической, демографической ситуации изменить сложившуюся негативную обстановку, в условиях санкций, возможно путем применения планового (государственного) регулятора, основанного на использовании объемно-номенклатурных отношений, суть, которой заключается в определении необходимого объема рабочей силы трудовых мигрантов для народного хозяйства, который далее дезагрегируется в номенклатуру и распределяется по регионам, отраслям, предприятиям и населенным пунктам в соответствии с их потребностями в рабочей силе. Такой подход, с одной стороны, позволит относительно равномерно распределить трудовых ресурсов в стране, разгрузив трудоизбыточные регионы и пополнив трудодефицитные территории, с другой, обеспечить оптимальное сочетание факторов производства в экономике страны, что, безусловно, внесет свою лепту в повышение качества занятости населения, производительности труда и экономического роста.

Санкционная война поставила в повестку дня задачу возрождения самодостаточной экономики, которая не зависела бы от внешнего рынка и была технологически передовой, обеспечивающей военную, экономическую и информационную безопасность страны. Достижение технологического прорыва и возрождение самодостаточной экономики обусловлено применением новых общесистемных инструментов для развития промышленного и трудового потенциала в региональной социально-экономической системе, где приоритетными отраслями являются: машиностроение, станкостроение, электростроение, авиа-, авто, агро и др. в сопровождении соответствующей инфраструктуры и межотраслевой кооперации. При этом важное значение имеет подготовка качественных специалистов инженерно-технического направления и финансовой поддержки научных исследований и опытно-конструкторских работ.

В сложившихся условиях наряду с качественным регулированием территориального перемещения рабочей силы в регионах, требует особого подхода и рассмотрение виртуального (дистанционного) движения. Такие виды работ, как дистанционный труд, телеработа, гибкая, нестандартная занятость, фрилансер и др. сегодня становятся мировым трен-

дом, что, безусловно, требует гибкости контрактов, нестандартных режимов работы и эластичности. Необходимо уделить особое внимание развитию современных цифровых технологий и платформ, создающих новые рабочие виртуальные места, нейро-сетевые взаимодействия, гибкие нестандартные формы занятости. В связи с этим, создавать современные институты и формы управления гибкими социально-трудовыми отношениями в сфере дистанционного труда, разработки концепции управления новыми формами социально-трудовых отношений.

Таким образом, реализация миграционной политики должна сопровождаться рыночными и плановыми регуляторами трудовой миграции, что обеспечит эффективное управление сложным и противоречивым социально-экономическим явлением. Такая взаимосвязь означает то, что если формирование миграционной политики обусловлено деятельностью государственных и общественных организаций, связанных с её разработкой и оптимизацией, то управление характеризует ее реализацию, эффективность которой зависит от разработанных и используемых на практике рыночных и плановых регуляторов трудовой миграции.

2.3. Трансформация платёжных инструментов на современном этапе

Семенихин Андрей Леонидович

доктор военных наук, профессор

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал

Российской таможенной академии

e-mail: sam5581@yandex.ru

С 1 августа 2023 г. в Российской Федерации вводится в обращение цифровой рубль. Тем самым узаконена третья форма национальной валюты наравне с наличными и безналичными платёжными системами. Все три формы имеют одинаковую юридическую силу, за исключением некоторых особенностей [108]. В настоящее время расчёты, при помощи электронных платежей, стали занимать значительную долю в национальном денежном обороте. Значительный прогресс произошел в использовании электронных инструментов, позволяющих осуществлять мгновенные платежи. Еще каких-то 15–20 лет назад сложно было представить о массовом применении электронных платёжных систем с использованием электронных кошельков.

Термин «электронные деньги» в специальной литературе появился примерно в середине 1970-х годов и имел очень широкую и противоречивую трактовку. В целом, предполагалось, что использовались иннова-

ционные технические решения, недостаточно проработанные на тот момент и зачастую имели лишь концептуальную основу [109].

В то же время, предполагалось, что появление нового вида денежных средств позволит более эффективно развиваться национальным экономикам (их капитализации) и способствовать ускорению международных торговых отношений (рисунок 2.12). Представленный рисунок наглядно показывает вектор изменения в системе денежных платежей от наличности к цифровому платежному обороту. Динамичное развитие информационной экономики стало толчком в развитии недостаточно изученных и редких экономических явлений, в том числе и широкое применение электронных денежных средств. Скачок в развитии электронных технологий позволил проводить бесконтактные мобильные платежи при осуществлении расчетов при ежедневных покупках: интернет магазины, билеты на самолёт и в театр, общественный транспорт, отели и круизы. Всевозможные мобильные приложения позволяют человеку, находясь в удобном для него месте быть связанным с различными платёжными системами.

Рисунок 2.12 – Тенденции в накоплении и умножении капитала

Следовательно, решенные проблемы, связанные с развитием и внедрением электронных платежей и их влияния на все стороны жизни

общества, позволили повысить эффективность национальных экономик. Электронные деньги прошли несколько этапов в своем развитии, пока не приняли современные формы (рисунок 2.13).

Рисунок 2.13 – История развития электронных денег [110]

Таким образом, электронные деньги стали законным и практичным платёжным средством, транзакции которых осуществляются исключительно в электронном виде. При этом специфические электронные записи можно рассматривать, как в узком, так и широком смысле. Электронными деньгами является платёжное средство, которое осуществляется непосредственно в электронном виде, т.е. в виде записи в специализированной электронной системе, которые можно рассматривать в широком и узком смысле (рисунок 2.14).

Анализ электронных платёжных систем и их функций показывает, что это разновидность деятельности в банковской сфере, способствующая ускорению и оптимизации платёжного оборота, имеющие свои специфические черты и характеристики (рисунок 2.15).

Рисунок 2.14 – Функции электронных денег

Рисунок 2.15 – Основные характеристики электронных денег [110]

Известно, что электронные денежные средства имеют свою кредитную основу, реализуют функции: средств платежа, накопления и сбережения, обладают гарантией государства. Это, по своей сути, денежные обязательства эмитента для осуществления безналичного платёжного оборота. На практике представлены два основных подхода, на которых базируется понятие «электронные деньги» (рисунок 2.16).

Оба подхода раскрывают суть электронного денежного оборота как на уровне юридических, так и физических лиц. При осуществлении платежей в розничных торговых системах, как правило преобразуются в электронные деньги. Как известно, электронные платежные инстру-

менты в процессе своего функционирования делятся на три широкие концептуальные сферы (рисунок 2.17).

Рисунок 2.16 – Подходы, определяющие электронные деньги

Рисунок 2.17 – Процесс функционирования электронных денег [109]

Таким образом, электронные платёжные системы – это достаточно новый и не вполне изученный способ безналичных расчетов, который содержит множество плюсов и минусов при использовании (рисунок 2.18).

На рисунке 2.18 были представлены плюсы и минусы, связанные с выпуском электронных денег. В то же время, имеется достаточно много

положительных и отрицательных сторон при их использовании в сравнении с наличными денежными средствами (рисунок 2.19). Электронные деньги стали доминирующими в системе глобального финансово-информационного пространства с использованием сетей Интернета, который включает в себя практически все сферы человеческой деятельности. Несмотря на указанные недостатки они являются универсальными платёжными средствами.

Рисунок 2.18 – Преимущества и недостатки выпуска электронных денег

Следует отметить активное влияние электронных денег на снижение размера денежной массы, находящейся в платёжном обороте. При этом они повлияли и на снижение эмиссионного дохода Банка России от эмиссии наличных денежных средств (бумажных и металлических) и уменьшению его платёжного баланса. Анализ мировой практики в сфере эмиссии наличных денег не выявил существенного отрицательного воздействия на общую доходность национальных Центральные банки из-за снижения их эмиссионного дохода.

ПРЕИМУЩЕСТВА

- электронные деньги легко делимы на любые суммы и не нуждаются в предоставлении сдачи;
- электронные деньги имеют абсолютную емкость и компактность. Любое количество электронных денег никак не связано с габаритами или весовыми характеристиками, что характерно для наличных денег;
- при эмиссии электронных денег снижаются издержки государства, так как нет необходимости чеканить монеты или изобретать средства защиты для бумажных банкнот;
- использование электронных денег освобождает от необходимости их пересчета;
- электронные деньги имеют более высокую возможность их физической охраны;
- при осуществлении электронных платежей операции фиксируются специальными электронными системами, что существенно снижает воздействие человеческого фактора;
- при осуществлении электронных платежей существенно повышается прозрачность проводимых операций и снижается возможность сокрытия полученных денежных средств от налогообложения;
- электронные деньги имеют высокую степень сохраняемости, не подвержены порче, потери внешнего вида и потребительских качеств со временем;
- за счет использования различных криптографических и электронных средств, электронные деньги не могут быть подделаны, имеют высокую степень защиты от хищения или изменения номинала.

НЕДОСТАТКИ

- до сих пор во многих странах нет никакого правового регулирования электронных денег, что накладывает ряд ограничений на их оборот и распространение;
- ограниченная сфера обращения электронных денег, которыми можно свободно пользоваться только в сети Интернет;
- ограничение использования электронных денег, которые сильно привязаны к технологиям и различным технологическим приспособлениям.

Рисунок 2.19 – Преимущества и недостатки электронных денег по сравнению с наличными [110–111]

В настоящее время лидирующими компаниями на российском рынке электронных денежных средств являются: Webmoney и Яндекс Деньги. Их совместная доля на рынке электронных платежей составляет чуть более 46% (рисунок 2.20). Анализ показывает, что самым востребованным сервером, среди потребителей является Webmoney – 25%, за ним следует Яндекс Деньги – 21%. При этом среди тинэйджеров и молодёжи в настоящее время популярным остаётся Qiwi-кошелек – 18%. Люди среднего и старшего возраста (45–60 лет) предпочитают Webmoney.

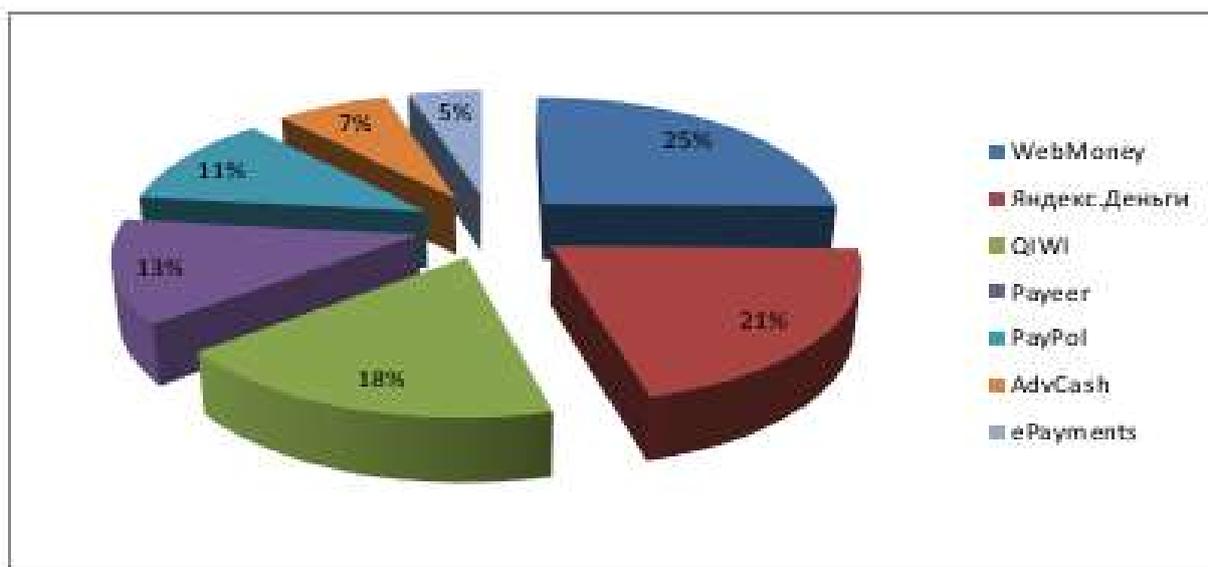

Рисунок 2.20 – Рейтинг платежных систем в России за I кв. 2024 г. [112]

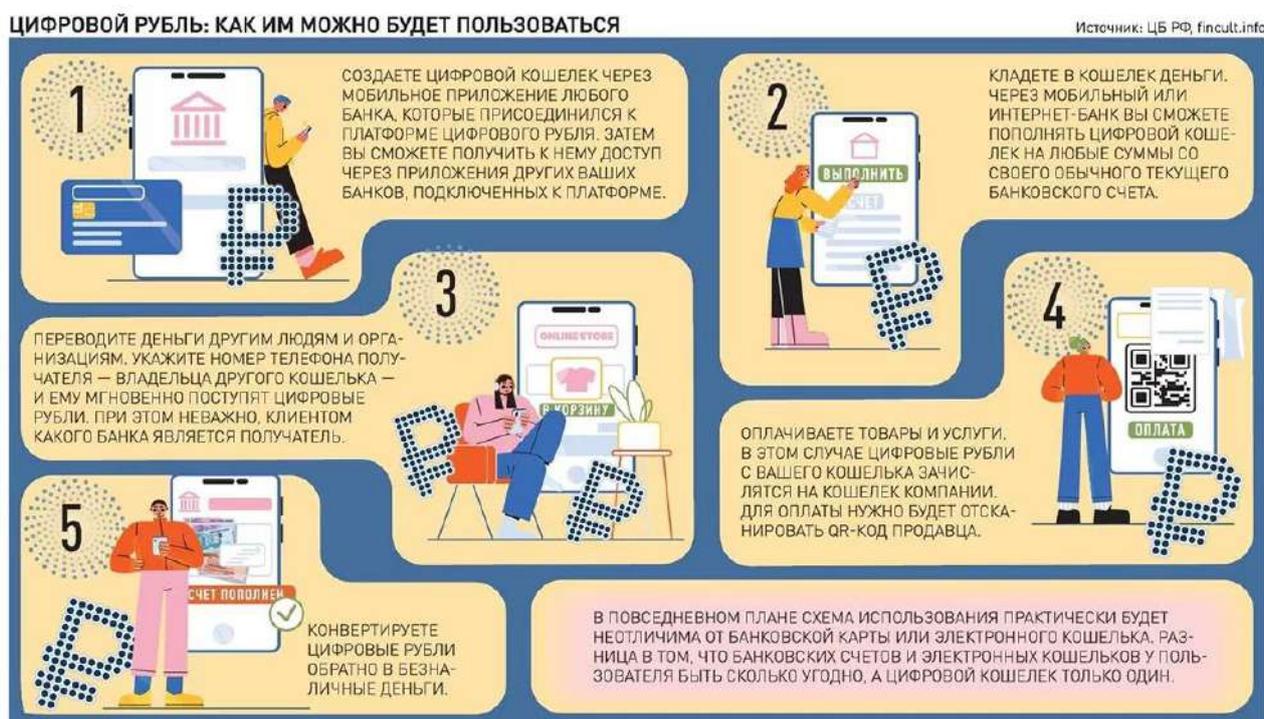

Рисунок 2.21 – Особенности использования цифрового рубля населением

Проведенные исследования компанией Mediascope показывают, что подобный способ оплаты при помощи электронных платёжных систем стремительно набирает популярность. В 2022 году, согласно представленным исследованиям, ими пользовались примерно 75% участвующих в опросе респондентов. При этом пользовательская аудитория электронных платёжных серверов уже в 2023 г. увеличилась на 31,5% по

сравнению с предыдущим годом. Существенным недостатком цифрового рубля является то, что, как и наличные денежные средства не приносят доход на остаток их владельцам. Это связано с тем, что их майнинг осуществляет Банк России, а не коммерческие банки (рисунок 2.21).

По типу использования технических устройств электронные платёжные средства бывают двух видов: на платформе смарт-карт (card-based) и на платформе сетей (network-based) (рисунок 2.22).

Рисунок 2.22 – Типы электронных денег на основе используемых платёжных платформ

Известно, что цифровой рубль – это сгенерированный программный код, как и у любой криптовалюты (одной из самых популярных – биткойн), но принципиальное различие лежит в правовой сфере. Если обычные криптовалюты генерируют (майнят) физические или юридические лица, используя свои компьютерные ресурсы и, как следствие, применение данных валют не защищено законом, а курсовая стоимость зависит от заинтересованности её покупателей. Напротив, цифровой рубль является официальной валютой Российской Федерации, его генерирует Банк России, и он обеспечен его резервами наравне с остальными валютами: наличной и безналичной.

Цифровому рублю, по аналогии с рублём на бумажном носителе присваивается индивидуальный номер, при этом общее количество и эмиссию денежных средств в платёжном обороте страны регулирует

Центральный банк России, следовательно, курс и общая волатильность рубля цифрового и бумажного идентичны. Таким образом, основанием для эффективного использования электронных денежных средств является готовность и способность коммерческих организаций принимать их в качестве оплаты. Механизм расчётов через электронные кошельки в торговом обороте представлен на рисунке 2.23. Из рисунка видно, что электронные платёжные средства имеют широкие перспективы из-за простоты использования (майнинга, расчетов и контроля). Их финансовый статус в современной экономике чётко определён – это средство платежа, которое имеет все свойства обычных (бумажных) денег.

Рисунок 2.23 – Расчёты через электронные кошельки [113]

Практика показывает, что электронные платежи стали повсеместно вытеснять из платёжного оборота наличные расчёты, так как их обладателям проще и удобней использовать. И в обозримом будущем смогут полностью заменить наличные платежи. Так как они имеют множество преимуществ (рисунок 2.24).

По своей сути цифровые рубли – это электронная по технологии форма выражения цены любого имущества, к которому, на основании Гражданского кодекса РФ, и относятся деньги. Это утверждение правомерно и легко контролируемому на любом гаджете, подключенному через сеть Интернет к банковским серверам. Следовательно, Центральный

банк России является единоличным владельцем и оператором электронной платёжной системы, а все коммерческие банки, привлечённые к участию в проекте, будут лишь обеспечивать доступ своих клиентов к функциям этой системы.

Рисунок 2.24 – Перспективные преимущества расчета цифровым рублём [114]

При этом, для обыкновенных пользователей нет необходимости скачивать дополнительные банковские приложения или сервисы, чтобы начать пользоваться электронной платёжной системой, а также приобретать какие-либо устройства, обеспечивающие доступ к платёжной системе или применять усовершенствованные системы безопасности.

Физические и юридические лица смогут открыть в коммерческих банках электронный кошелёк, такое решение снимет нагрузку на платёжную платформу, а также упростит надзор за электронными платежами. Для ужесточения системы контроля предполагается, что для физических лиц будут введены ограничения на ежемесячное пополнение своих электронных кошельков в размере, не более 300 тыс. руб. В тоже время, физические лица смогут осуществлять транзакции (переводы или платежи) вне зависимости от суммы, а для юридических лиц вводится комиссия в размере 0,3% от суммы платежа или перевода, что значительно ниже комиссий за банковский эквайринг (сейчас в среднем 1,2–2,2%).

В настоящее время платёжная платформа проходит этап внутреннего (закрытого) тестирования, а именно: смарт-контакты, платежи по NFC и офлайн-расчёты. Планируется, что во второй половине текущего года начнут осуществляться первые транзакции между юридическими лицами, а с 2025 г. расчёты с использованием электронных платёжных систем (цифрового рубля) для всех. На рисунке 2.25 представлена платёжная платформа для расчёта цифровым рублём.

Рисунок 2.25 – Транзакции цифрового рубля [115]

Платёжной системе установлено, что банки обязаны направлять своим клиентам уведомления о списании или зачислении средств (посредничество при совершении транзакций). Кроме того, банки будут обязаны проверять операции, подпадающие под ПОД/ФТ/ФРОМУ¹. По-

¹ ПОД/ФТ – противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма.

мимо этого, банки должны будут предоставлять своим клиентам платёжно-расчётную инфраструктуру, а также производить обменные операции по переводу цифрового рубля в наличные средства и наоборот.

Для технической реализации данных функций коммерческими банками были разработаны два подхода (централизованной и децентрализованной), позволяющих совершать платёжные операции с использованием цифровых рублей (см. рисунок 2.26).

Рисунок 2.26 – Два подхода к цифровой платформе рубля [115]

Из рисунка 2.26 видно, что взаимоотношения банков и клиентов будут строиться по двухуровневой системе. Данное обстоятельство предполагает разделение функций между Банком России и коммерческими банками. На первом (верхнем) уровне – Банк России, он является владельцем цифровой платёжной системы, а также эмитент цифрового рубля. Банк России регистрирует (открывает) электронные кошельки для коммерческих банков, а также определяет порядок проведения платёжных операций, в том числе и тарифы по ним.

ФРОМУ – финансирование распространения оружия массового уничтожения.

Банки второго уровня осуществляют операции с физическими и юридическими лицами, открывают для них электронные кошельки и выполняют поручения клиентов по платёжным операциям. Процесс управления электронными кошельками клиентов осуществляется через мобильные приложения коммерческих банков.

Схема двухуровневой модели цифрового рубля представлена на рисунке 2.27.

Рисунок 2.27 – Схема двухуровневой модели цифрового рубля [111]

Перевод наличных и безналичных рублей в цифровые будет осуществляться при взаимодействии Банка России с коммерческими банками. При этом кошельки с цифровыми (электронными) рублями будут размещены на платёжной платформе Банка России. Для их открытия физическим или юридическим лицам не предусмотрена возможность непосредственно обращаться к регулятору. Все кошельки будут регистрироваться через коммерческий банк, в котором у клиентов открыт счёт. Данная схема представлена на рисунке 2.28.

В отличие от безналичных рублей, физическим или юридическим лицам не предусмотрена возможность зарегистрировать несколько электронных кошельков с цифровыми рублями, так как клиент будет подключён к одной платёжной платформе через обслуживающий коммерческий банк.

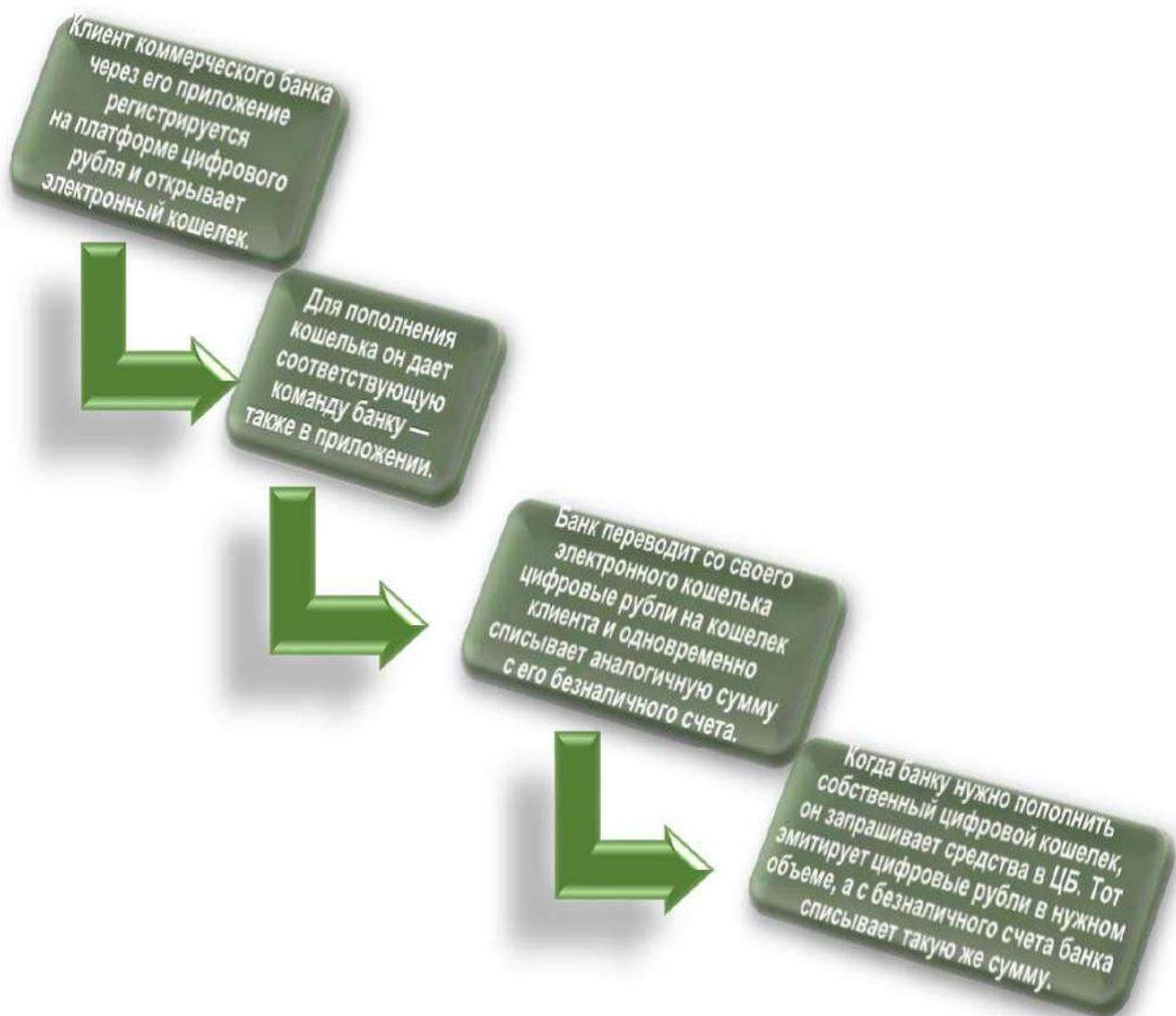

Рисунок 2.28 – Этапы эмиссии цифрового рубля [116]

Определены коммерческие банки, которые будут участвовать в пилотном проекте. Клиенты этих банков могут стать первыми обладателями электронных кошельков с цифровыми рублями (рисунок 2.29).

13 банков, участвующих в эксперименте с использованием платёжной платформы цифрового рубля, должны продемонстрировать привлекательность электронных денег, как для физических, так и юридических лиц. Показать их перспективность и надёжность для клиентов. В тоже время, при использовании цифрового рубля возникают всевозможные риски (технологические, правовые и психоэмоциональные), на которые даже специалисты в сфере цифровых платёжных систем не могут дать однозначные ответы, что вызывает некую осторожность среди будущих потенциальных пользователей. К потенциальным рискам эксперты относят (рисунок 2.30).

Рисунок 2.29 – Банки, участвующие в пилотном эксперименте [116]

Следовательно, создание цифровой платёжной платформы путём введения в обращение электронного (цифрового) рубля позволит государству, во-первых, усилить контроль над всей финансовой сферой и во-вторых, создать инновационные возможности как для физических, так и юридических лиц, но при этом, может создать ряд негативных последствий экономического и правового характера.

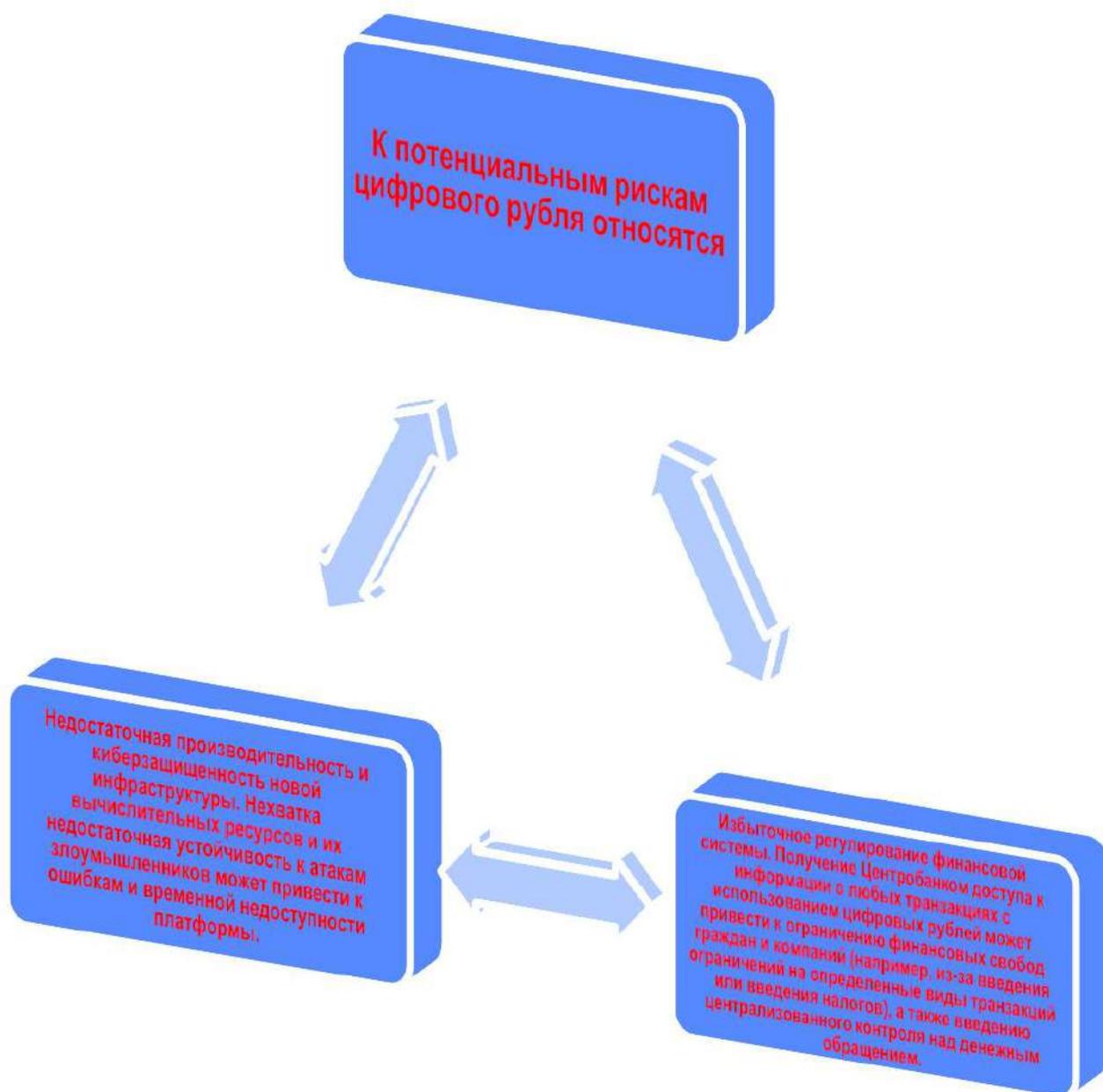

Рисунок 2.30 – Потенциальные риски при использовании цифрового рубля

Ряд известных российских учёных – экономистов и правоведов – высказывают свои опасения по поводу недостаточно проработанной правовой базы [117] по созданию и внедрению цифровой платёжной системы, также неготовностью общества к полномасштабному использованию цифрового рубля (рисунок 2.31). Таким образом, разработка, внедрение и правовое обеспечение цифрового рубля в Российской Федерации является необходимой мерой для развития финансовой системы страны, поскольку эффективность любой экономики зависит от скорости, безопасности и удобства расчётов.

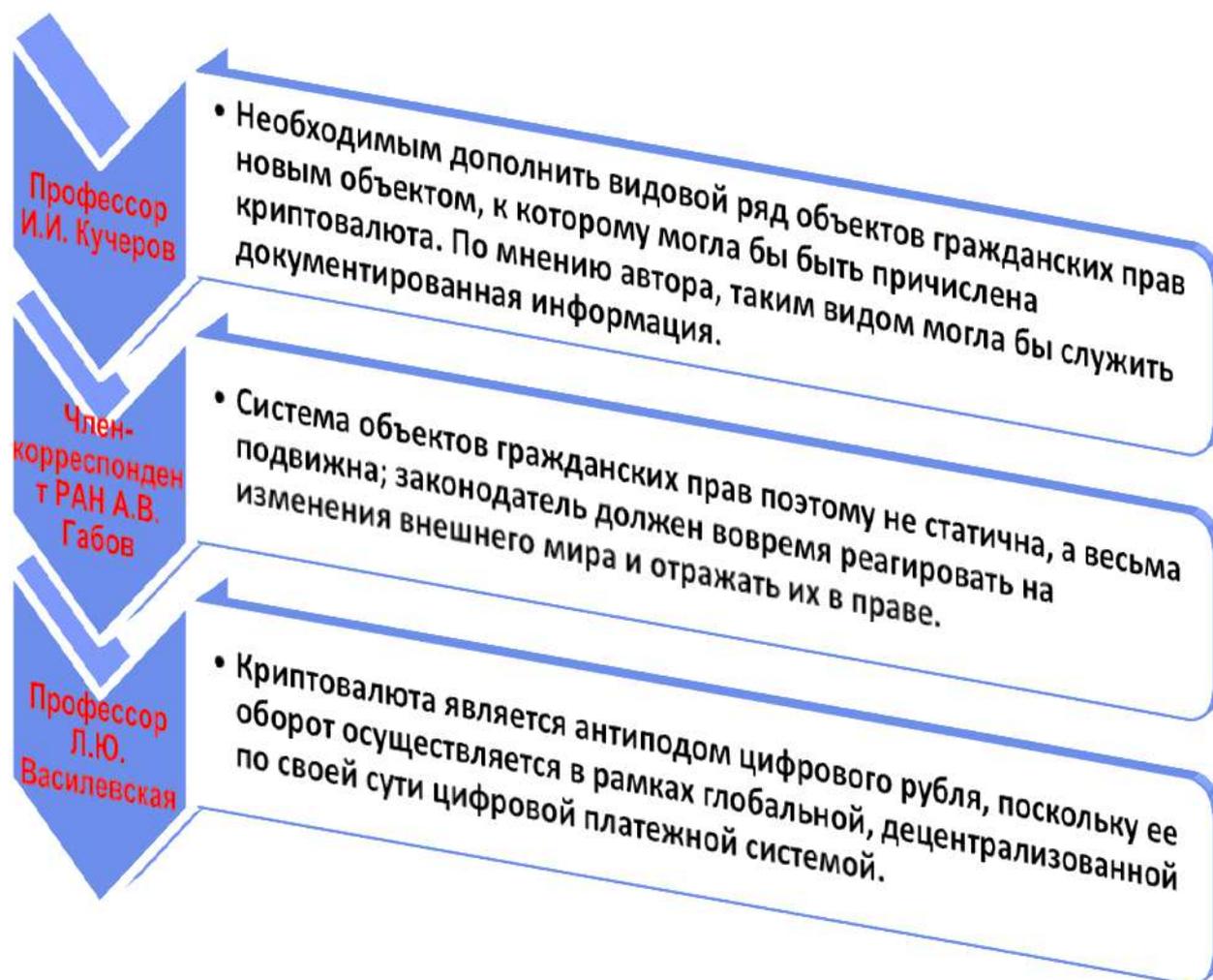

Рисунок 2.31 – Цифровой рубль глазами учёных [109]

В то же время, в условиях инфляции, санкционного давления, роста денежной массы, снижения уровня потребления населения, интерес к цифровому рублю снижается, так как неизбежны риски, связанные с финансовыми операциями (расчётами между плательщиками), отсутствием надёжных гарантий при исполнении платёжных обязательств.

В данной ситуации, наоборот, наблюдается заинтересованность клиентов в пластиковых картах и проверенных временем банковских переводах. Для решения данной проблемы государству необходимо на законодательном уровне определить перечень доступных платёжных операций с использованием цифрового рубля и электронной платёжной платформы, а также правовой статус участников электронного платёжного оборота. Принять общепонятные стандарты и правила конвертации национальной валюты между существующими платёжными системами (наличной, безналичной и электронной).

2.4. Вектор развития российской энергетики в условиях вызовов энергоперехода

Миэринь Лариса Александровна

доктор экономических наук, профессор

специализированная кафедра ПАО «Газпром»

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: mierenla@rambler.ru

Русина Наталья Эдуардовна

соискатель

специализированная кафедра ПАО «Газпром»

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: rusinanataliaa@gmail.com

Постуглеродная экономика: бег с препятствиями и ловушками

Со второй половины XX века человечество, согласно выводам аналитиков, пришло к состоянию разрушения основ своего планетарного существования. Противоречие между человеком и природой приняло характер взаимного уничтожения. Это потребовало от человечества осознания «хрупкости» социо-эколого-экономической системы, сформированной на планете, и осмысления происходящего как готовящейся планетарной катастрофы, когда биосфера просто не вынесет дальнейшего наступления промышленности. Встала задача по-новому выстраивать эти отношения на всех уровнях хозяйствования, направляя технический прогресс в русло достижения устойчивого развития в интересах не только живущих, но и будущих поколений. Было очевидно, что дальнейшее развитие должно идти по пути одновременного интегрального перестроения взаимодействия трех важнейших элементов в системе глобального миропорядка: управленческого, институционального и технологического. И для того, чтобы задача сохранения экосистемы была решена, требовалось, в первую очередь, сформировать новое планетарное мышление. Экономические успехи промышленно-развитых стран после Второй мировой войны обеспечили рост уровня и качества жизни населения в них, и уже в 90-м годам на Западе начался переход от массовости к индивидуализации потребления, что повлекло экспоненциальный рост потребления ресурсов, в первую очередь, энергетических.

Проблема, с которой столкнулось человечество в конце XX века, касающаяся использования энергетических ресурсов, имела принципиально отличный от всех других характер, так как мир «уперся» не только

в растущий спрос на энергетические ресурсы, но и в то, что большая часть используемых углеродосодержащих ресурсов невозобновляемы и ограничены. При этом именно их использование приносит наибольший вред окружающей среде. На глобальном уровне энергетический сектор генерирует на сегодняшний день порядка 75% выбросов парниковых газов в мире [128, с. 60]. Отсюда, как следствие, возникла задача поиска новой модели хозяйствования, которая стала вначале прописываться сценарно, затем оформляться институционально, и через формирование семантических полей распространяться на все уровни управления для реализации процессов ресурсосбережения, сокращения выброса парниковых газов, рециклингового производства, рационального потребления и пр.

Институционализация шла и продолжает идти в двух направлениях: «сверху» и «снизу». Первое направление включает выработку общих подходов к пониманию устойчивого развития, проведение международных форумов по окружающей среде, принятие соглашений и поиск приемлемых инструментов регулирования межстрановых и внутристрановых взаимодействий по этим вопросам. Второе направление опирается на рост экологизации сознания жителей разных стран, движение «зеленых» и прочих экозащитников. В результате этой институционализации в системе глобального миропорядка сформировалось несколько мегатрендов: и в обществе, и в экономике, и в техносфере (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Мегатренды глобального развития, связанные с проблемой взаимодействия «общество-природа»

	Сфера хозяйства	Мегатренд	Проявление и последствия
1.	Общество	Экологизация жизни	Экологизация сознания; осознанное потребление
		Ценностные сдвиги	Гуманизация и трансгуманизм; деформация плюрализма; волонтерские движения; рост ценности свободного времени, переход к фрилансу
		Наращивание неопределенности будущего	Рост тревожности и уровня стресса в обществе
2.	Экономика	Энергопереход	ESG-повестка, развитие «зеленой» экономики, декарбонизация; развитие «умной» энергетики»

	Сфера хозяйства	Мегатренд	Проявление и последствия
		Нацеленность на устойчивое развитие	Формирование целей устойчивого развития на уровне мирового сообщества, государств и корпораций; бережливое производство; экологизация производства
		Появление креативной экономики	Рост креативного сектора хозяйства, креативных индустрий; спрос на креативных работников
		Развитие экосистем	Изменение стратегий развития компаний; развитие сквозных технологий
3.	Техносфера	Цифровизация	Цифровая трансформация всех сфер жизни
		Развитие искусственного интеллекта	Включение ИИ в качестве помощника в процессы жизнедеятельности хозяйствующих субъектов

Источник: составлено авторами на основе [123]

Как считают учёные, в настоящий момент мы наблюдаем мегатренд формирования регенеративной среды обитания как процесс, качественно меняющий мироустройство и социальную роль человека, постепенно встраивающегося в природные циклы [118, с. 19–20]. Он вытекает из осознанной глобальным сообществом необходимости движения по пути построения такой среды обитания. При этом все чаще появляются прогнозы, называющие такие технологические мегатренды как развитие искусственного интеллекта и цифровизацию хозяйствования угрозами для цивилизации, связывая возможные сценарные ветки их развития с глобальными катастрофами для человека в будущем.

Проявление мегатрендов, с одной стороны, демонстрирует прогресс человечества, а с другой – именно он несет в себе не только угрозы, но и ловушки для цивилизации. Описанию эволюционных ловушек посвятила свою статью «Эволюция поликризиса: ловушки антропоцена, которые бросают вызов глобальной устойчивости» группа учёных из Стокгольмского центра жизнеспособности и устойчивости к изменениям [130]. Это междисциплинарное исследование, базирующееся на анализе динамики взаимодействия человечества с биосферой, раскрывает «эволюционные ловушки», в которые потенциально может попасть население Земли и в конечном итоге погибнуть. Исследователи выделили 14 таких потенциальных тупиков развития человечества или ловушек,

разделив их на 3 группы: глобальные, технологические и структурные. Мысль о том, что технологический прогресс может грозить гибелью планеты не нова, как и вывод о том, что общим единственным другом для всех сейчас выступает Земля, потому, необходимо искать пути управления имеющими место конфликтами между уровнями и областями социальной организации общества, от глобального к индивидуальному. И важнейшим инструментом здесь, по мнению учёных, выступает человеческая способность работать друг с другом посредством дипломатии и наведения мостов.

Энергопереход как мегатренд мирового развития

Планетарная трансформация климата, вызванная активным экономическим прогрессом человечества, подтолкнула мировое сообщество к поиску путей решения проблемы устойчивого развития. Необходимость формирования новых энергобалансов на уровне отдельных стран диктуется логикой развертываемого четвертого энергоперехода. Как и в какие сроки реализовывать задачу достижения углеродной нейтральности, каждая страна определяет, исходя из имеющегося потенциала и стратегического видения. И здесь очень важными выступают критерии выбора оптимального варианта движения в заданном направлении. Прогрессивное развитие человечества и его экономической сферы на протяжении всей истории цивилизации связано с решением проблемы доступности используемых энергетических ресурсов [127]. И каждый из предшествующих энергопереходов решал эту проблему сменой используемых источников энергии.

Переживаемый в настоящее время период четвертого энергоперехода отличается от прежних не только многократно возросшим масштабом энергопотребления на планете, но и необходимостью решения экологических задач: сохранения возможностей устойчивого развития и планетарных экосистем за счет сокращения выброса углекислого газа в результате снижения потребления углеводородов (таблица 2.3).

В таблице 2.3 представлены 2 возможных сценария развития энергетики к 2050 году: сохранения текущих тенденций или реализации концепции нулевых выбросов. И тот, и другой сценарий предполагают обеспечение приоритета возобновляемых источников в структуре потребления первичной энергии при сокращении углеводородов. На уровне мирового сообщества поставлена цель: увеличить в 3 раза использование ВИЭ в мире к 2050 году и в 2 раза повысить эффективность использования энергоресурсов. Такой переход обуславливает фундаментальное изменение энергетического ландшафта, в связи с чем формами реализации

новой энергетической повестки выступают: ESG-повестка, развитие «зеленой» экономики, движение за декарбонизацию производства; развитие «умной» энергетики».

Таблица 2.3 – Структура потребления первичной энергии в мире в 2019–2022 годах и прогноз на 2050 год

Источник энергии	Потребление					Уровень к 2050 г., (экзаджоули)		Доля в первичной энергии к 2050 г., %	
	2019 (экзаджоули)	2020 (экзаджоули)	2021 (экзаджоули)	2022 (экзаджоули)	2022 – доля, %	Текущая траектория	Нулевые выбросы	Текущая траектория	Нулевые выбросы
Нефть	193,0	174,20	184,31	191	32	146	52	23	12
Газ	141,5	137,62	145,35	142	24	170	65	27	15
Уголь	157,9	151,42	160,10	161	27	108	23	17	5
Возобновляемая энергия	29,0	31,71	25,31	45	7	174	249	27	57
Гидро	37,6	38,16	40,26	41	6	22	28	3	6
Атомная	24,9	23,98	39,91	24	4	15	21	2	5
Всего	583,9	557,10	595,14	604	100	635	437	100	100

Источник: составлено по [135]

Каждое прошедшее десятилетие века демонстрирует, что энергопереход становится сложнее, появляются новые технологии в «зеленой» энергетике, масштабирование которых дает выгоду инвесторам. Формируется возобновляемая энергетика новых поколений. Становится очевидно, что по мере развертывания энергоперехода внимание политиков сосредоточено уже не столько на борьбе за сохранение климата, сколько на обеспечении энергобезопасности и доступности потребления энергии. Появляются новые инструменты, позволяющие проследить реализацию этих задач. Примером чего выступает «Индекс энергетической трилеммы» (World Energy Trilemma Index – WETI), разработанный Мировым энергетическим советом совместно с американской консалтинговой компанией Oliver Wyman. Составными элементами WETI выступают: энергетическая безопасность, энергетическое равенство, экологическая устойчивость (таблица 2.4).

Таблица 2.4 – Параметры Индекса энергетической трилеммы для отдельных стран – 2023 год

Ранг страны	Страна	Итоговый индекс	Компоненты		
			Энерго безопасность	Энерго равенство	Экологическая устойчивость
1	Дания	83,2	72,2	95,8	83,5
1	Швеция	83,1	73,4	93,4	85
2	Финляндия	82,7	75,9	92,3	80,8
3	Швейцария	82,1	64,5	98,1	85,7
10	США	78,9	78,9	78,9	78,9
39	Россия	66,1	69,6	77,6	58,6
47	Китай	64,4	66,3	73	56,4
74	Индия	55,6	55,6	55,6	55,6

Источник: составлено по [133]

Данные по Индексу энергетической трилеммы за 2023 год показывают, что с третьей компонентой трилеммы – экологической устойчивостью энергетических систем – у России, по мнению международных экспертов, наибольшие проблемы, в сравнении с мировыми лидерами. Данный компонент демонстрирует возможность перехода энергетической системы страны к снижению и предотвращению потенциального экологического ущерба и последствий изменения климата, он учитывает производительность и эффективность производства, передачи и распределения энергии, декарбонизацию и загрязнение атмосферы (качество воздуха). Однако эти оценки могут приниматься во внимание как индикаторы положения в числе прочих и не являются определяющими, так как в настоящий момент в мире существует порядка 75 методологий по оценке выбросов CO₂, а единого подхода нет. При этом, Россия уверенно продвигается в русле общемирового тренда. Как заявил Михаил Мишустин, выступая на климатическом саммите COP29 в Баку осенью 2024 года, достижению углеродной нейтральности к 2060 году Россией «будет способствовать повышение энергетической эффективности, развитие электротранспорта, внедрение современных решений в сельское и лесное хозяйства» [124]. В настоящее время в стране уже 85% энергобаланса приходится на чистую, низкоэмиссионную генерацию, обеспечиваемую, в первую очередь, газовой, атомной энергетикой, и энергией из возобновляемых источников.

Мы пойдём своим путем!

Энергетический переход и достижение поставленных экологических целей требуют существенных структурных изменений в энергетической сфере, от производства до финального этапа потребления энергии, в том числе и на этапах ее передачи и распределения. По этой причине научное сообщество и эксперты всего мира выдвигают и анализируют сразу несколько возможных стратегий, направлений и сценариев будущих изменений, чтобы оценить их техническую осуществимость с качественной и количественной точек зрения и все аргументы за и против.

На сессии ВЭФ-2024 «Будущее энергетического перехода: найти свое место» [126] эксперты единодушно констатировали, что российская «зеленая» повестка имеет место, но коренным образом ее восприятие и энергетическая стратегия в этой области должны отличаться и по факту отличаются от тех вариантов, которые предлагает западный мир.

Были выделены следующие проблемы, требующие осмысления и решения:

- у России огромные запасы гидроресурсов и недоиспользованный потенциал в этой сфере;
- следует учитывать изменение драйверов энергопотребления, выход на первое место проблемы безопасности, наряду с экологичностью и доступностью энергии;
- проблема справедливости энергоперехода и энергопотребления должна каждой страной решаться по-своему, и России нужна разумная долгосрочная стратегия, при этом, тактические решения проблем в моменте, учитывающие российские интересы и возможности.

Как было озвучено на сессии Татьяной Завьяловой, старшим вице-президентом по ESG, ПАО Сбербанк, для каждой страны переход к зеленой экономике будет справедлив по-своему. Европа, например, продемонстрировала в ситуации энергокризиса 2022–2023 годов как особый подход к гидроэнергетике, так и пересмотр концептуальных подходов к понятию «зеленой» энергии, в силу чего стала относить атомную энергию к числу зеленых источников.

При этом, России, скорее, нужно ориентироваться не на Запад, а принимать во внимание свои текущие потенции. Наши партнеры по БРИКС – Китай и Индия, – имея худшие позиции с точки зрения энергоресурсов (в т.ч. и угля) и итоговые ранги в рейтинге энергетической трилеммы (47 и 74 ранг, соответственно – табл. 2.4), тем не менее не торопятся достигать углеродной нейтральности: Индия такую цель ставит к

2070 году, Китай – к 2060 году. Как отмечали эксперты, Россия также может, выстраивая разумный энергетический микс, использовать свои угольные запасы и производить из них энергию с применением новых зеленых технологий.

Если оценить нынешнюю ситуацию, то можно констатировать, что Россия, по сравнению с Индией и Китаем, находится в лучшем положении по энергетическим ресурсам, т.к. есть газ, гидроресурсы, атомная энергия, и выбросы CO₂ меньше. Но важно правильно распорядиться этим преимуществом. России в настоящее время в связи с экономическим ростом требуется рост генерации энергии с гибкой стратегией сочетания всех имеющихся ресурсов: использование разных источников в разных регионах.

Ирина Гайда, заместитель директора проектного центра по энергопереходу и ESG-принципам, Сколковский институт науки и технологий (Сколтех) выделила в качестве основных направлений стратегического вектора развития российской энергетики такие направления как:

- развитие атомных станций;
- развитие и экспорт гидроэнергетики;
- строительство ветровых и геотермальных станций.

Григорий Назаров, генеральный директор АО «Росатом Возобновляемая энергия», отметил, что атомная промышленность – это та сфера, где Россия сохранила технологическое лидерство, имеет полный технологический пакет и может его тиражировать и наращивать производство.

Антон Порядин, партнёр ООО «Яков и Партнеры», подчеркнул, что энергетический переход будет продолжать влиять на долгосрочные изменения спроса и структуры российской энергетики, отметив, что спрос на электроэнергию в России будет расти, но не так быстро, как в развивающихся странах, Индии и Китае.

Он выделил четыре направления энергоперехода в России:

- технологический суверенитет на базе энергетической трилеммы;
- «озеленение» ископаемого топлива;
- развитие зрелых технологий низкоуглеродной генерации;
- ускоренная коммерциализация прорывных технологий будущего.

Кроме того, обсуждая проблемы энергоперехода в России, эксперты в качестве задач, которым мало уделяется внимания, но которые можно и нужно решать, выделили:

- обеспечение эффективности энергопотребления, включая оптимизацию энергопотребления в зданиях;
- использование отходящего тепла.

Таким образом, проведенное обсуждение энергоперехода и прогноз, представленный для России экспертным сообществом, демонстрирует, что России необходимо выстраивать свой сбалансированный сценарный подход развития энергетики, соотносясь с общими тенденциями достижения углеродной нейтральности и собственными интересами, опираясь на имеющийся ресурсный потенциал и используя потенциал новых «зеленых технологий».

Какая экосистема нам нужна?

Очевидно, что человечество не имеет на сегодняшний день единого целостного представления о том, какое хозяйственное устройство должно быть в будущем. Но принципы и подходы построения такой модели выступают предметом дискуссий представителей разных наук, начиная от политологов и футурологов, и, кончая, экономистами и энергетиками.

Какой мы хотим видеть экосистему будущего, обсуждали эксперты в рамках сессии ПМЭФ-2024 «Технологическая экосистема будущего: на благо человека и планеты» [126]. То, что на сегодня нет альтернативы системе развивающихся технологий, не подлежит сомнению. Поэтому, можно согласиться с позицией, высказанной Антоном Алихановым, министром промышленности и торговли Российской Федерации, что развитие требует правильного фундамента, который можно представить в виде равнобедренного треугольника, в котором должны быть равноправны технологии, природа и человек. В экосистеме будущего не должно быть перекосов и доминирования каких-либо элементов, или субъектов. Прогресс только одной из составляющих, например, технологического элемента, грозит попаданием в одну из ловушек цивилизации.

Какой же может быть здесь выход?

Как зафиксировано в Концепции технологического развития на период до 2030 года «экосистема технологического развития – совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и научно-образовательной деятельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают с использованием общего набора технологий, знаний или навыков совместно и на конкурентной основе инновационные продукты и сервисы, существенно влияющие на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки или способствуя формированию новых рынков» [122, с. 10]. Данный подход предполагает создание параллельно существующих разных экосистем. Иную позицию высказал Алексей Лихачев, генеральный директор Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». По его мнению, в будущем, скорее всего будет не ряд отдельных экосистем, а сформируется одна большая

экосистема, в которой можно вычлени́ть отдельные аспекты, в т.ч. технологический. Он выделил три грани, три измерения технологической составляющей: энергетическую, экологическую и гуманистическую, определяющие справедливость и создание равных условий развития для разных регионов планеты и народов.

Алексей Лихачев считает, что в настоящее время мы дошли до того, что любое новое развитие технологий на планете должно сдавать экзамен не на экономику, не на эффективность, с точки зрения создания цепочек поставки, а на то воздействие, которое оно производит в целом на планету, и, в частности, на конкретного человека. Он предложил два важных критерия для оценки развития технологий: во-первых, дружелюбность по отношению к конкретному человеку, в целом анализ конечного воздействия на экосистему, и, во-вторых, гуманитарное измерение. Антон Алиханов поддержал эту позицию, отметив, что при развитии технологий мы не должны противопоставлять экологию и перспективность технологий, вперед следует ставить вопрос гуманизма, определяя, зачем это человеку или человечеству?

Дайте мне точку опоры! ...

Проблема формирования будущей планетарной экосистемы упирается в ряд существующих ограничений. Важно понимать, что сегодня мир представляет собой множество субъектов с очень противоречивыми интересами и целями, которые балансируют на грани скатывания в глобальный мировой конфликт. Вариантом, позволяющим достигнуть устойчивости на новых принципах, по мнению большинства аналитиков, может быть многополярность планетарного развития. Зыбкость ситуации определяется еще и тем, что существующие мирохозяйственные связи разрушаются под воздействием санкционных войн со стороны США и ЕС. С этим столкнулись многие страны, и не только Россия.

Пока в мире наблюдается существенный технологический и социально-экономический разрыв в уровнях развития стран, вряд ли можно говорить о нахождении единого консенсуса во взглядах и путях построения будущей планетарной экосистемы. Например, предлагаемые в настоящее время краткосрочные выгоды от быстрого решения проблемы изменения климата незначительны для стран с низким и средним уровнем дохода, если они препятствуют экономическому росту и росту благосостояния. И даже страны с высокими доходами не способны достичь этих целей [131]. Параллельно с попытками разрешить эти конфликты на самом высоком уровне коалиции частных и государственных субъектов-единомышленников могут работать над увеличением стимулов к глобальным действиям по устойчивому развитию [130]. А для этого необхо-

димо создание общих нарративов и опыта совместного осуществления социо-эколого-экономических проектов на благо людей подобно тому, что демонстрирует проект строительства в Турции самой чистой и безопасной атомной электростанции Аккую близ Бююкеджели, провинции Мерсин, осуществляемый при участии «Росатома». Успешность этого проекта обуславливает дальнейшие перспективы сотрудничества нашей страны с турецкой стороной в реализации новых атомных проектов [119].

Развитие в атомной энергетике новых технологий с замкнутым топливным циклом, предусматривающих безотходное производство, отсутствие аварий и абсолютную дружелюбность к другим технологиям, позволяет рассматривать атомную энергию в числе наиболее перспективных для формирования экосистемы будущего. Российская атомная отрасль в настоящее время «втягивает» в себя лучшие технологические достижения по всему технологическому ландшафту, обогащая их, становится из потребителя поставщиком. Это происходит в цифровых, в квантовых, в фотонных технологиях. Многообразие энергетических решений в этой области позволяет строить не только атомные гиганты, но и обеспечивать реализацию проектов развития атомного флота для Арктики, энергоснабжение жителей крайнего Севера за счет малых атомных установок и пр.

Эксперты указывают на перспективность использования атомной энергетике в качестве одной из немногих возможных крупномасштабных мер по сокращению выбросов углекислого газа на планете. В пятом докладе Ассоциации «Глобальная энергия»: «10 прорывных идей в энергетике на следующие 10 лет» отмечается, что освоение технологий замкнутого ядерного топливного цикла и развитие двухкомпонентной атомной энергетике позволит отказаться от угля и природного газа к концу нынешнего столетия и обеспечит человечество надежным источником энергии с топливной базой на тысячи лет эксплуатации [129, с. 107]. Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время энергетическая политика многих государств существенно трансформируется, спрос на доступные и безопасные источники энергии будет расти, именно инновационные технологические решения в атомной энергетике позволят его обеспечить и преобразовать глобальную энергетическую систему в декарбонизированную экосистему будущего.

Запросы и вызовы развития российской энергетике

На сессии ВЭФ-2024 «Финансирование «современной» энергетике» [136] была высказана позиция, что российский энергетический сектор испытывает активное давление как со стороны мирового сообщества, сталкиваясь с вызовами энергоперехода, так и со стороны внутрен-

них потребителей, предъявляющих растущий спрос на своевременные, безопасные поставки «чистой» энергии.

Основным мировым трендом в энергетике становится концепция трех «д» (3D): декарбонизация, децентрализация, диджитализация, формирующая новый энергетический ландшафт, активно меняющая энергетические балансы стран, требующая внедрения новых технологических решений [127]. В настоящее время мы наблюдаем, как мировое сообщество выстраивает сценарные ветки энергоперехода по достижению этой цели на основе поиска инструментов решения климатической проблемы. Активная трансформация национальных энергетических систем исходит из необходимости «озеленения» энергопроизводства и энергопотребления, в связи с чем в мире ширится использование «зеленого» финансирования.

Трансформация существующей и формирование новой мировой финансовой системы идет в двух плоскостях: национальной и глобальной. Создаваемая новая экосистема мировых финансов базируется на признании единства 3-х факторов ESG [121]. В числе новых инструментов ответственного инвестирования и зеленых финансов используются климатические финансы, нацеленные на поддержку, в первую очередь, развивающихся стран. Возобновляемая энергетика и энергоэффективность выступают, как отмечалось на 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата в декабре 2023 года в Дубае, крупными областями использования климатического финансирования, реализуемого на основе проектного подхода мировыми акторами [120].

Нахождение баланса между традиционными и «альтернативными» источниками энергии каждая страна решает по-своему, исходя из своих интересов и имеющихся преимуществ в этой сфере. И нынешний этап развития российской экономики демонстрирует понимание в необходимости движения в общем тренде с учетом сохранения, модернизации и развития энергетической инфраструктуры с применением новых технологий, миксуя все возможные источники получения энергии. Таким образом, в стране активно внедряют инновационные технологии и диверсифицируются источники энергии – все это формирует модель «современной» энергетики.

Россия поставила задачу достижения углеродной нейтральности к 2060 году. К 2030 году страна намерена удвоить мощности возобновляемых источников энергии с 6 ГВт до 12 ГВт, при этом доля зеленой энергетики в стране вырастет до 39,7% (с 37,8% в 2023 г.) [125]. Удешевление технологий получения энергии солнца и ветра позволяет все больше расширять применение ВИЭ в различных регионах страны. И в настоящее

время у российских потребителей формируется новая философия: им становится важно какую энергию они потребляют, в связи с чем и растет потребление «зеленой» энергии. Осуществляя постепенный «разворот» в сторону ВИЭ, российская энергетика также упирается в задачу совмещения интересов потребителей в дешевой энергии во все больших объемах и инвесторов, ориентированных на отдачу от инвестиций в энергические проекты.

На сессии ВЭФ-2024 «Финансирование «современной» энергетики» эксперты отмечали, что нельзя достигать углеродной нейтральности любыми путями. Скорости перехода у разных стран разные, и инвестиционные возможности тоже разные. И наша страна должна формировать свою энергетическую стратегию опираясь и на имеющиеся ресурсы, и на перспективные технологические решения. И у России есть свои достижения в этом плане. Антон Ковалевский, генеральный директор ООО «Н2 Инвест», продемонстрировал мультимодальный контейнер, позволяющий осуществлять хранение и транспортировку жидкого водорода, превосходящий мировые аналоги в разы по своим характеристикам. При этом он отметил, что необходимым элементом для реализации экспорта российских технологий заинтересованным зарубежным контрагентам выступает разработка мер поддержки со стороны государства именно такого экспорта. Елена Мякотникова, член исполнительного комитета, директор по устойчивому развитию РУСАЛ, привела пример ответственного производства своей компании – «вывод на рынок в 2017 году низкоуглеродного алюминия бренда ALLOW, который позволяет потребителям существенно сократить «углеродный след» своей продукции. При его производстве в 2017 году осуществлялся выброс 4 т CO₂ на 1 т производимого алюминия, а в настоящее время выбрасывается всего 2,3 т CO₂, что в 6 раз ниже мировых аналогов», – отметила Е. Мякотникова.

Какие инструменты можем использовать?

Эксперты отмечали, что в нашей стране много уже сделано в плане разработки мер поддержки инвесторов и энергетиков в рамках реализации программ РЭА совместно с центром «Энеджинет». Так, Сергей Комышан, член правления, исполнительный директор, ООО «СИБУР» выделил инструменты, которые используются в настоящий момент в РФ для энергетических проектов: специальные налоговые режимы; инвестиционные кредиты; ускоренная амортизация; государственное страхование кредитов; субсидирование займов.

Самый популярный инструмент в настоящее время, дающий защиту от роста ключевой ставки ЦБ на протяжении всего срока кредитования – это Фабрика проектного финансирования, – подчеркнул Дмит-

рий Аксаков, вице-президент ВЭБ.РФ. Чтобы получить финансирование от ФПФ, проект должен иметь минимальный объем финансирования 3 млрд рублей и таких проектов по стране реализовано уже на сумму свыше 2 трлн рублей. В качестве положительного примера он привел также программу специального льготного финансирования ВЭБом проектов, реализуемых на Дальнем Востоке. Он указал, что сегодня система финансирования ВИЭ не совершенна как на мировом уровне, так и в России, и требуется ее донастройка. При этом Минэкономразвития разработал таксономию устойчивого финансирования при поддержке ВЭБа, и Газпромбанк является активным пользователем этой таксономии. Банк России хочет в ближайшее время эту таксономию применить к другой таксономии технологического суверенитета для регулирования зеленого финансирования проектов, включая проекты по ВИЭ. Введение этого инструмента даст коммерческим банкам возможности для льготного финансирования таких проектов.

Отмечая положительные примеры, эксперты указывали, что в плане проектного финансирования есть еще «узкие» места. Виталий Королев, заместитель руководителя Федеральной антимонопольной службы (ФАС России), подчеркивая необходимость развития энергетической системы Дальнего Востока, выделил задачу перспективного планирования перечня проектов на основе комбинации источников получения энергии с учетом тарифов. И в дополнение к имеющимся инструментам, таким как договора о предоставлении мощности, по его мнению, требуется вводить налоговые преференции и льготное финансирование для компаний-инвесторов для снижения их затрат при реализации проектов по модернизации или строительству локальных источников энергии. По его мнению, требуется комплексный подход: связку вопросов поставки электро-, теплоснабжения и роста эффективности нужно рассматривать в рамках реализации одного инвестиционного контракта. Пока такого механизма нет. Нужна на местах разработка программы локальной инженерной инфраструктуры, финансирование которой осуществлялось бы институтами развития. Он предложил создать структуру в виде проектного центра, который позволял бы такие проекты готовить, оценивать их эффективность и предлагать институтам развития. Таким образом, можно отметить, что в экспертном сообществе есть единство в понимании направлений и инструментов развития российского энергетического сектора, ведется активная работа по внедрению новых форм и инструментов реализации энергетических проектов и развития современной энергетики как на уровне регулятора, так и на уровне институтов развития.

2.5. Перспективы развития российско-иранско-турецких отношений в энергетической сфере в условиях санкционных ограничений

Тумарова Татьяна Гельцевна

кандидат экономических наук, профессор

кафедра мировой экономики

и международных экономических отношений

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: tumarova@finec.ru

Славецкая Нина Степановна

кандидат экономических наук, доцент

кафедра мировой экономики

и международных экономических отношений

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: nslavetskaya@mail.ru

Развитие российской экономики претерпевает существенные изменения, вызванные беспрецедентными санкциями в отношении РФ со стороны недружественных стран, формирования многополярного мира, активного развития новых технологий с использованием искусственного интеллекта, существующим неравновесием в политической и экономической ситуации в мире. В таких сложных геэкономических условиях РФ вынуждена быстро перестраивать собственные устоявшиеся внешнеэкономические связи и определять новые транспортные пути для осуществления поставок товаров, а также формировать новую платежно-расчетную систему взаимоотношений между странами, в первую очередь со странами БРИКС+. При этом важное значение имеет развитие базовых отраслей российской экономики, предприятия которых находятся в трудной экономической ситуации, к каким отраслям, безусловно, относится энергетическая отрасль.

Невозможность работы на рынке Западной Европы предопределяет необходимость искать новые пути поставок российских энергоресурсов, как в страны ЮВА, так и в страны глобального Юга. Взаимодействие с Турцией во многом позволяет России решать жизненно важные вопросы, связанные с формированием новых логистических маршрутов и преодоления санкционных ограничений. Интерес Турции к объединению БРИКС+ позволяет надеяться на долгие взаимовыгодные отношения между нашими странами.

Развитие российско-иранского энергетического сотрудничества

Важным партнером для РФ в реализации стратегии выхода к странам глобального Юга будет являться Иран, как партнер РФ по БРИКС+, а также как страна, которая испытывает на себе действие длительных экономических санкций, вплоть до полного изолирования от мировых потоков товаров и услуг. Между нашими странами Россией, Ираном и Турцией могут быть реализованы многие интересные для всех сторон проекты, несмотря на сложившиеся трудности в осуществлении международных отношений в этом регионе.

Удачное географическое положение Ирана с выходом через Персидский залив к мировым рынкам и к центрам спроса на энергоносители – Южной Азии, а также большой объём запасов природного газа в мире награждают большим потенциалом и амбициями, присущим ведущим игрокам газового рынка. Но для достижения этой цели важны не только импорт и транзит энергоресурсов, но и значительные инвестиции в инфраструктуру и доступ к технологиям, что стало существенным ограничением для развития Ирана после введения в 1979 году санкций.

С 2002 года до последнего времени наблюдается постоянное усиление санкционного давления на страну (в том числе через принятие соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН). Одобренная в июне 2010 года Советом Безопасности ООН вслед за объявленными США санкциями в отношении нефтегазового сектора Ирана Резолюция № 1929, а также исполнительное решение Совета ЕС по иностранным делам о новых санкциях в отношении Ирана, существенно сузили круг потенциальных инвесторов в иранскую инфраструктуру. После объявления США и Евросоюзом санкций в отношении нефтегазового сектора Ирана ряд ведущих мировых нефтегазовых компаний в 2011–2012 годах приостановил проекты обустройства иранских месторождений. С ноября 2015 г. до февраля 2017 года ряд санкций, связанных с закупкой иранской нефти, были сняты. Однако уже 3 февраля 2017 года было объявлено о новых санкциях со стороны США против Ирана. Хотя санкции США напрямую не направлены против экспорта иранского природного газа, косвенно они оказывают существенное влияние на развитие отрасли: затруднено строительство трансграничного газопровода Иран-Пакистан-Индия, газовой инфраструктуры, включая заводы по сжижению природного газа с участием Ирана.

Внутренний рынок Ирана быстро развивается и требует значительного количества энергетических ресурсов, поскольку природный газ заменил некоторые виды жидкого топлива, система газопроводов Ирана расширилась, и промышленный сектор расширился. Таким образом, рост

экономики позволяет говорить о необходимости наращивания производства газа для внутренних нужд республики, не говоря уже о возможностях внешних поставок иранского газа. Около 40% запасов природного газа Ирана приходится на совместное с Катаром крупнейшим в мире нефтегазовое месторождение (иранская часть носит название «Южный Парс»), общие запасы которого оцениваются в 28 трлн куб. метров газа и 7 млрд тонн нефти [137]. Внутренних инвестиционных ресурсов и мощностей, необходимых для разработки всех 29 фаз месторождения по освоению «Южного Парса», в стране недостаточно. В связи с этим Иран заинтересован в приглашении в проекты освоения месторождения иностранных компаний. Предполагалось, что иностранные инвесторы привлекут в иранскую газовую промышленность новые технологии и обеспечат ее ускоренное технологическое развитие.

В 1998 году на побережье Персидского залива в районе месторождения «Южный Парс» была создана специальная экономическая зона (СЭЗ) – «Энергетическая зона Парс»). Ее географическое расположение предполагает получение иностранным инвесторам ряда преимуществ, в частности, использование мощностей близлежащих иранских портов Персидского залива для экспорта произведенной продукции, прежде всего, в страны Персидского залива.

В 2019 году было введено в эксплуатацию восемь новых платформ на месторождении «Южный Парс». Чтобы запустить оставшиеся фазы месторождения Ирану требуется около 20 млрд долл. США, которые планировалось привлечь, используя новый тип нефтяных контрактов, внутренние ресурсы, а также рынки капитала [138].

В июле 2017 г. французская компания TotalEnergies подписала контракт с иранской стороной о разработке 11 фазы месторождения «Южный Парс» с долей в проекте составляла 50,1%. Под нажимом санкций США компания Total вышла из проекта, вслед за ней от участия в проекте отказалась китайская компания CNPC, а к концу 2019 года практически все иностранные компании завершили свое участие в иранских энергетических проектах [139]. В настоящее время все проекты на Южном Парсе реализуются иранскими подрядчиками. Также в число крупнейших месторождений газа ИРИ входят шельфовые Северный Парс (1,3 трлн куб. м), Киш (1,1 трлн куб. м), Табнак (0,8 трлн куб. м), Фороз (0,7 трлн куб. м) и континентальное Канган (0,7 трлн куб. м). В 2019 году было открыто новое газовое месторождение «Эрам» в провинции Фарс с извлекаемыми запасами 370 млрд куб. м [140]. Значительная часть ресурсов еще не освоена, так как Иран не обладает современными технологиями добычи углеводородов. Таким образом, Иран нуждается в привлечении как современ-

ных технологий, так и в крупных инвестициях в уже запущенные инвестиционные проекты от компаний дружественных стран.

На сегодняшний день Иран торгует газом по трансграничным трубопроводам со своими тремя соседями: Турцией, Арменией и Ираком. С 2022 года действовало бессрочное транзитное соглашение между Туркменистаном, Ираном и Азербайджаном, по которому ежегодно из Туркменистана в Азербайджан через территорию Ирана шли поставки в объеме от 1,5 до 2 млрд кубометров газа и часть этого объема оставалась в Иране. Эти поставки помогали Ирану обеспечивать потребность в природном газе своих северных провинций, однако в начале 2024 года поставки по соглашению были приостановлены, т.к. Туркменская и Азербайджанская стороны не смогли договориться о стоимости газа.

До 2017 года Иран импортировал газ из Туркменистана, чтобы обеспечить потребность в газе северных провинций страны, но спор по вопросу оплаты задолженности Ирана в адрес Туркменистана привел к прекращению поставок туркменского газа в Иран. В том же году был введен в эксплуатацию магистральный газопровод «Дамган – Нека», что помогло нарастить поставки в северные провинции из сконцентрированных на юге страны месторождений и снизить зависимость от импорта туркменского газа [143].

В 2021 году на Ирак и Турцию приходилось около 97% иранского экспорта природного газа. Так же Иран экспортирует небольшое количество природного газа в Армению в обмен на импорт электроэнергии [137]. Иран неоднократно заявлял о своих планах стать крупным экспортером природного газа и занять 10-процентную долю в международной торговле газом [141]. Помимо импорта и экспорта газа, Иран обладает высоким потенциалом для транзита газа по трубопроводам. Иран расположен в энергетическом эллипсе мира и может стать транзитным маршрутом для газопроводов на рынки Восточной Азии и Европы по суше и в другие государства по морю. В настоящее время в стране действуют 4 экспортных газотранспортных коридора: в Турцию, Ирак, Азербайджан и Армению [142]:

1. Газопроводы «Туркменистан – Иран».

Газопровод «Довлетабад – Серахс – Хангиран» обладает годовой мощностью в 12,5 млрд. куб. м природного газа и пролегает от туркменского месторождения природного газа в Довлетабаде до Хангиран в Иране. Газопровод «Корпедже – Курт-Куи» обладает годовой мощностью в 8 млрд. куб. м природного газа с месторождения Корпедже на западе Туркменистана в регион Курт-Куи на севере Ирана.

2. Газопровод «Иран – Турция» из Тебриза на Северо-Западе Ирана в Анкару, мощностью в 11 млрд куб. м в год и протяженность более 2,5 тыс. км.

3. Газопровод «Иран – Ирак» с пропускной способностью 1,5 млрд. куб. м в год.

4. Газопровод «Иран – Армения», протяженностью 140 км и пропускной способностью – 2,3 млрд. куб. м в год.

Газпром принял участие в строительстве этого газопровода и владеет 45% акций, 45% принадлежат правительству Армении и 10% – компании «Итера». Сегодня газопровод функционирует на бартерной основе «газ в обмен на электроэнергию» (за каждый импортированный 1 куб. м газа Армения поставляет Ирану 3,2 кВт/ч электроэнергии).

5. Газопровод «Иран – Азербайджан», пропускной способностью 15 млрд. куб. м.

6. Проект газопровода «Иран – Пакистан – Индия».

Существует проект газопровода «Мир», который должен был пролегать из Ирана по территории Пакистана в Индию с пропускной мощностью 40 млрд куб. м. В 1995 году Иран и Пакистан заключили предварительное соглашение о строительстве газопровода «Мир». К проекту в 1999 году присоединилась Индия. Несмотря на строительство иранского участка газопровода, работы были остановлены из-за давления со стороны США на Пакистан и Индию, которые пытались предотвратить усиление влияния Ирана в регионе и сохранить энергетическую зависимость Пакистана и Индии.

У Газпрома есть возможности для реализации совместных проектов на территории Ирана. Так, с 1997 года ПАО «Газпром» в рамках сервисного контракта с Национальной иранской нефтяной компанией участвовало в проекте обустройства 2-й и 3-й фаз месторождения «Южный Парс» в Иране общей стоимостью более 2 млрд долл. США. Доля ПАО «Газпром» в проекте составляла 30%.

Сотрудничество Газпрома с иранскими нефтегазовыми компаниями в период с 2017 по 2019 год осуществлялось на основании Меморандума о взаимопонимании между ПАО «Газпром» и Национальной Иранской Нефтяной Компанией (НИНК) по подготовке планов разработки по перспективным газовым месторождениям от 28 марта 2017 г. В связи с введением в 2018 году санкционных ограничений в отношении ИРИ со стороны США работы по всем направлениям сотрудничества были приостановлены.

Контракты с иранской стороной возобновились в 2022 году, и 19 июля 2022 года стороны подписали Меморандум о взаимопонимании

в отношении стратегического сотрудничества между ПАО «Газпром» и НИНК. В качестве возможных направлений сотрудничества в документе отмечены [143]:

1. Освоение месторождений углеводородов на территории ИРИ.
2. Действия по поддержанию добычи на месторождениях.
3. Строительство объектов магистральной газовой инфраструктуры.
4. Проекты по производству СПГ.
5. Своповые поставки природного газа.
6. Научно-техническое сотрудничество.

Однако, развития совместного сотрудничества с Ираном у РФ, пока не соответствует возможностям двух стран. Основными причинами являются:

1. Условия типового иранского нефтегазового контракта Iran Petroleum Contract (IPC), которые несут в себе определенные ограничения для ПАО «Газпром», т.к. контракт по своей природе является сервисным договором и фактически не предполагает возникновения у подрядчика материальных прав на продукцию (включая право собственности).

2. Санкции, в том числе связанные с ограниченными возможностями проведения международных расчетов с Ираном.

3. Ограничения инвестиционных возможностей Газпрома в связи с изменениями рыночной конъюнктуры с снижением доходов от экспорта природного газа в условиях большой капиталоемкости потенциальных проектов строительства инфраструктуры на территории ИРИ.

Тем не менее сотрудничество между Ираном и Газпромом имеют большие перспективы и обе стороны заинтересованы в поиске взаимовыгодных условий такого сотрудничества, что позволит преодолеть возникающие трудности.

Внутренний рынок Ирана достаточно объёмен. Однако, несмотря на огромные запасы, Иран импортировал природный газ в северные провинции в том числе по контракту с Туркменистаном, поставки по которому прекратились в 2017 году, а также в рамках транзитного трехстороннего соглашения между Туркменистаном, Азербайджаном и Ираном, поставки по которому были приостановлены в 2024 году. В связи с этим у Ирана может возникнуть интерес к импорту российского газа для удовлетворения спроса северных провинций и замещения выбывших Туркменских объемов. На текущий момент по газопроводам, пролегающим по территориям Туркменистана, Азербайджана и Армении потенциально могли бы осуществляться транзитные и/или своповые поставки природного газа из России в ИРИ по существующей и действующей инфраструктуре.

Для России возможность сбыта газа в Иран также является крайне актуальной, в связи с существенным сокращением поставок на рынок Европы в течение 2022–2024 годов, а также для достижения следующих целей:

1. Обеспечение реализации объемов российского газа, выбывших с европейского направления.
2. Обеспечение выхода российского газа на новые внешние рынки.
3. Получение валютных доходов.
4. Укрепление стратегического сотрудничества с Ираном.
5. Снабжение внутреннего спроса Ирана за счет экспорта газа из России.

Газпром заинтересован в участии в строительстве инфраструктурных проектов и в разработке месторождений, т.к. потенциально это может открыть доступ к экспорту газа на новые для России рынки. Однако для прямых инвестиций Газпром в разработку месторождений ИРИ существуют значительные препятствия.

Во-первых, это типовая форма участия в проектах – ИРС, которая несет в себе ряд ограничений для ПАО «Газпром», так как контракт является сервисным договором и при его заключении Газпром становится подрядчиком и не приобретает права на реализацию добываемой продукции, а только получает вознаграждение как оператор за добытые полезные ископаемые. Способом преодоления этого фактора может быть схема, при которой при экспорте газа в Иран, часть объемов резервируется под будущий экспорт из Ирана посредством свопа. То есть российский газ остается в Иране для будущего внутреннего потребления в том числе в северных провинциях страны, и аналогичный объем газа Иран передает в собственность Газпрома на юге страны для последующего экспорта. Для реализации этой схемы помимо ИРС необходимо будет заключить своповое соглашение между Иранской газовой компанией и Газпромом.

Во-вторых, в связи с санкциями иранские банки отключены от системы SWIFT, в связи с чем возникают трудности при международных расчетах.

В-третьих, в связи с сокращением поставок на европейском направлении последующим снижением валютной выручки Газпромом, размер потенциальных инвестиций в капиталоемкие проекты Ирана существенно ограничен.

Для преодоления этих факторов предлагается обеспечивать средства для инвестиций в разработку месторождений и строительство сбытовой инфраструктуры за счет поставок российского газа, без вывода денег в РФ. Таким образом, возможный вариант взаимодействия состоит в

следующем: Газпром экспортирует природный газ по действующей инфраструктуре по газопроводам через Туркменистан, Армению и Азербайджан. Стоимость части объёма, потребляемого в Иране российского газа, инвестируется в разработку месторождений и строительство инфраструктуры. Это может быть газопровод в Пакистан и Индию и/или завод по сжижению природного газа. Оставшийся объем резервируется в Иране для внутреннего потребления и аналогичный объем природного газа переходит во владение Газпрома на юге страны для дальнейшей его реализации на внешние рынки и получения прибыли в ликвидной валюте за счет поставок газа Газпромом в третьи страны.

Развитие российско-турецкого энергетического сотрудничества

Также важным направлением в развитии России в условиях санкционных ограничений являются совместные проекты с Турцией, которая так же рассматривает возможность вступления в БРИКС+ как одно из возможных направлений своего движения вперед в новом формирующемся многополярном мире. Значительную роль во взаимодействии между двумя странами отводится взаимодействию в энергетической сфере. Помимо строительства атомной электростанции определенные надежды обе страны связывают с возможным формированием в Турции газового хаба.

На сегодняшний день Россию и Турцию связывают два мощных безтранзитных газопровода, долгосрочные контракты и обеспечивающие эффективное взаимодействие стабильные партнерские отношения. Поставки российского газа в Турцию начались более 35 лет назад по Трансбалканскому газопроводу, который проходит транзитом по территории четырех стран: Болгарии, Молдавии, Румынии и Украины. Благодаря поставкам российского газа промышленность Турции стала стремительно развиваться, послужив мощным стимулом для газификации страны. Формирующийся дефицит поставляемых объемов газа определил потребность в создании нового маршрута. В соответствии с межправительственным соглашением о поставках российского газа в Турцию через акваторию Черного моря в 1997 году был заключен контракт с турецкой государственной компанией «БОТАШ» (Botas Petroleum Pipeline Corporation) на поставку в течение 25 лет 365 млрд м³ газа. Меморандум о взаимопонимании в рамках реализации проекта «Голубой поток» был подписан в феврале 1999 года с итальянской компанией ENI, а в ноябре того же года в Нидерландах была зарегистрирована российско-итальянская Blue Stream Pipeline Company B.V. И уже в 2003 году был начат экспорт по газопроводу «Голубой поток» проектной мощностью 16 млрд м³ газа в год. На момент запуска единственным покупателем газа в Турции являлась компания «БОТАШ».

10 октября 2016 года в Стамбуле в рамках Мирового энергетического конгресса Россия подписала с Турцией межправительственное соглашение для строительства магистрального газопровода «Турецкий поток». Работы были завершены к концу 2019 года, а 2020 год ознаменовал начало поставок. Морской газопровод состоит из двух ниток, каждая пропускной мощностью 15,75 млрд м³ газа в год, далее одна нитка сухопутной части соединяется у города Люлебургаз с существующей газотранспортной системой Турции для обеспечения внутреннего рынка, а вторая нитка проходит до своей конечной точки на границе Турции и ЕС для обеспечения транзита в страны Южной и Юго-Восточной Европы. При этом первоначальный проект предполагал строительство 4-ниточного магистрального газопровода пропускной мощностью порядка 60 млрд м³ газа в год, что в настоящее время позволяет говорить о перспективных возможностях расширения объемов поставки российского газа путем создания дополнительных мощностей.

«Если Турция и наши потенциальные покупатели заинтересуются, мы могли бы рассмотреть возможность строительства еще одного газопровода и создания газового хаба в Турции для продажи в третьи страны, особенно в Европу», предложил президент России В.В. Путин [144]. И теперь уже география меняет глобальную политику, финансы и стратегические альянсы. Геостратегическое расположение, Босфор и связь с Евразией играют решающую геополитическую роль, и сейчас Турция может оказать решающее значение для энергетической безопасности Европы.

В недавнем прошлом правительства и энергетические компании рассматривали Турцию как альтернативу существующим маршрутам транзита природного газа между востоком и западом. Проект газопровода Nabucco, призванный уменьшить зависимость Европы от российского газа, состоял из консорциума шести корпораций по инициативе австрийской компании OMV. Проект получил политическую и финансовую поддержку со стороны Европейской комиссии (ЕК), при этом предполагалось, что природный газ будет поставляться из Каспийского региона через Турцию в Центральную Европу в узел Баумгартен в Австрии. Однако договорные соглашения по сделке так и не были реализованы. Иран также изначально планировался в качестве альтернативного поставщика, однако ситуация изменилась из-за санкций Совета Безопасности ООН в отношении Ирана начиная с 2008 года и по настоящее время.

После многих лет обсуждений и большого количества споров между Брюсселем и Веной вокруг проекта Nabucco в 2014 году партнеры OMV вынуждены были от него отказаться. Ввиду бойкота газопровода «Северный поток-2» со стороны ЕС, OMV столкнулась с дальнейшими

неудачами, поскольку контракты с пунктами «бери или плати» были составлены таким образом, что за российский природный газ необходимо было платить, даже в отсутствие физической поставки.

В то время как ЕС хочет избегать российских энергоресурсов по политическим причинам, Турция, Индия и Китай превращаются в ключевых покупателей. В 2014 году Турция уже получила преимущество от проекта «Южный поток», который стал «Турецким потоком». В конечном итоге Анкара может выиграть, поскольку в настоящее время ЕС покупает российский природный газ через Турцию. Этот энергетический маршрут будет расширяться еще больше после того, как будет создан российский газовый узел в Турции. Таким образом, Турция становится гарантом энергетической безопасности ЕС. В течение нескольких лет Анкара связывала свою предполагаемую роль узла для БТД и проекта Nabucco со своими амбициями по вступлению в ЕС. Возможно, Турция намного быстрее станет членом ШОС и, несмотря на членство в НАТО, частью сотрудничества в области безопасности с Россией и Китаем. В то время как ЕС больше, чем когда-либо, зависит от доброй воли тех, кому ранее препятствовал, и Турция, и Россия не являются здесь исключением.

После введения ЕС и США ограничительных мер в отношении Банка России и исключения возможности использования им накопленных международных резервов, а также с учетом действующего механизма оплаты за поставки российского природного газа в рублях, одной из задач, требующих решения в рамках организации центра торговли, станет выбор валюты проведения платежей. По всей видимости, скомпрометировавшие себя валюты недружественных стран, долл. США и евро, не будут рассматриваться в качестве валюты расчетов на вновь создаваемом газовом хабе. Кроме того, до настоящего времени в открытых источниках не представлена информация о выборе предпочтительной платежной системы либо институте, готовом взять на себя процесс организации расчетов, что с определенной долей вероятности позволяет предположить необходимость создания и закрепления такой системы на уровне межправительственных соглашений.

Одним из очевидных вопросов реализации проекта создания нового газового хаба является отсутствие на текущий момент гарантии участия в нем европейских покупателей. Переговоры по проекту сейчас ведутся между Россией и Турцией, но существует необходимость привлечения к диалогу и европейских компаний. Ведь для строительства новых газотранспортных мощностей России совместно с Турцией потребуются несколько лет и значительные инвестиции в размере нескольких миллиардов долларов. Европейские политики и некоторые европейские компании

заявляли на протяжении 2022 года, что через несколько лет окончательно откажутся от приобретения российского газа, – неважно, будут ли найдены альтернативные поставщики голубого топлива, либо в соответствии с планом REPowerEU будет просто сокращено потребление газа за счет осознанного потребления или сворачивания промышленности. Без гарантированного спроса на российский газ развивать инфраструктуру к турецкому хабу может быть достаточно рискованно.

Гарантией возврата инвестиций в данном случае могут послужить долгосрочные контракты, когда покупатели заранее, независимо от того, осуществляют ли они отбор газа или нет, оплачивают производственные мощности, что дает возможность их создавать и эксплуатировать в течение срока действия контракта. Однако таких гарантий в настоящее время нет. При этом есть возможные альтернативы, как, например, направление сопоставимых инвестиций в программу газификации в целях размещения дополнительных объемов газа на внутреннем рынке. Однако такие продажи будут значительно менее рентабельны, но при этом не будут зависеть от внешнеполитических отношений между Россией, Турцией и Европой.

Турция, в нынешней ситуации имеющая ограниченные запасы нефти и газа, сильно зависит от импорта газа из России, Азербайджана и Ирана, а также от импорта СПГ из Катара, США, Нигерии и Алжира. Однако, по словам Фатиха Донмеза, министра энергетики и природных ресурсов Турции, на сегодняшний день Анкарой и Болгарией ведется обсуждение вопроса о возможности поставок газа в Молдавию, Румынию и Северную Македонию, а также готовится к подписанию контракт с Оманом по закупке газа в размере 1,4 млрд м³ газа в год сроком на десять лет. Кроме того, Турция стремится расширить свой статус в возглавляемой Китаем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и, вероятно, вскоре станет десятым членом этой важной региональной организации.

Подводя итог можно констатировать, что перспективы сотрудничества РФ, Ирана и Турции в газовой отрасли значительны, отвечают национальным интересам стран, взаимовыгодны и могут быть осуществлены в ближайшем обозримом будущем. Совместное решение вопросов, связанных с преодолением санкционного давления на РФ и Иран, будет способствовать развитию многополярного мира несмотря на сложную обстановку на Ближнем Востоке в настоящее время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Петров Максим Александрович

кандидат социологических наук, доцент

кафедра социологии и управления персоналом

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: petrov_maxim@rambler.ru

Проведённое в монографии исследование позволило проанализировать трансформацию российской экономики в условиях беспрецедентных по масштабу и глубине международных ограничений, а также выявить ключевые механизмы ускоренной адаптации и долгосрочные перспективы развития. Совокупность полученных выводов свидетельствует о том, что российская экономика вступила в качественно новый этап своего функционирования, характеризующийся одновременным усилением внутренних источников роста, структурной перестройкой и переориентацией внешнеэкономических связей.

Международные ограничения, введённые в отношении Российской Федерации, оказали комплексное воздействие на все уровни экономической системы – от макроэкономической динамики и финансовых рынков до отраслевой структуры, корпоративного управления и поведения домохозяйств. Первоначальные ожидания глубокого и затяжного спада, сопровождающегося дезинтеграцией производственных цепочек и утратой ключевых технологических компетенций, в значительной степени не оправдались. Напротив, уже в краткосрочной перспективе проявились адаптационные механизмы, обеспечившие относительную макроэкономическую стабильность и восстановление экономической активности.

Одним из центральных выводов исследования является тезис о высокой адаптивности российской экономической системы. Эта адаптивность базируется на сочетании институциональных, финансово-бюджетных и структурных факторов. Гибкая макроэкономическая политика, включающая оперативную корректировку денежно-кредитных и бюджетных инструментов, сыграла ключевую роль в сглаживании первоначальных шоков. Поддержание устойчивости финансовой системы, стабилизация валютного рынка и переориентация фискальных приоритетов на поддержку ключевых отраслей и социальных обязательств позволили сохранить доверие экономических агентов и предотвратить системные риски. Изменения во внешнеэкономической сфере стали одним из наибо-

лее заметных последствий международных ограничений. Резкое сокращение экономических связей с рядом традиционных партнёров ускорило процессы геоэкономической переориентации. Внешняя торговля России всё в большей степени смещается в сторону стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. При этом речь идёт не только о диверсификации рынков сбыта и источников импорта, но и о формировании новых логистических маршрутов, финансовых механизмов расчётов и форм кооперации. Данный процесс сопровождается трансформацией экспортной модели – от преимущественно сырьевой ориентации к более сложной структуре, включающей продукцию с высокой добавленной стоимостью и услуги.

Существенные изменения претерпела отраслевая структура экономики. Международные ограничения выступили катализатором ускоренного развития импортозамещения, особенно в стратегически значимых секторах – промышленности, агропромышленном комплексе, информационных технологиях, транспорте и энергетике. При этом в ходе исследования было показано, что импортозамещение не сводится к простому воспроизведению ранее импортируемых товаров, а предполагает формирование собственных технологических и производственных решений, адаптированных к внутреннему спросу и новым условиям внешней конкуренции. Особое внимание в монографии уделено роли государства как ключевого субъекта экономической трансформации. В условиях ограниченного доступа к внешним источникам капитала, технологиям и рынкам государство усилило своё присутствие в экономике, выступая одновременно регулятором, инвестором и координатором структурных изменений. Реализация масштабных государственных программ, направленных на поддержку промышленности, инфраструктурное развитие и стимулирование инновационной активности, стала важным фактором ускоренной адаптации. Вместе с тем усиление роли государства актуализирует вопросы повышения эффективности государственного управления, оптимизации механизмов поддержки и предотвращения институциональных дисбалансов.

Финансовая система России продемонстрировала высокий уровень устойчивости в условиях внешнего давления. Перестройка платёжной инфраструктуры, развитие национальных финансовых инструментов и альтернативных систем расчётов, а также рост роли национальной валюты во внутреннем и внешнем обороте способствовали снижению уязвимости перед внешними шоками. Одновременно усилилось значение внутренних источников финансирования инвестиций, что подчёркивает

необходимость дальнейшего развития рынка капитала, механизмов долгосрочного кредитования и института частных инвестиций.

Социально-экономические аспекты адаптации также занимают важное место в структуре выводов. Сохранение занятости, поддержка реальных доходов населения и снижение социальной напряжённости стали приоритетами экономической политики. Несмотря на рост инфляционного давления и изменение структуры потребления, удалось избежать резкого ухудшения социально-экономического положения большинства домохозяйств. В долгосрочной перспективе ключевым вызовом остаётся повышение качества человеческого капитала, развитие системы образования и науки, а также формирование условий для удержания и привлечения квалифицированных кадров. В контексте долгосрочных перспектив развития российской экономики особое значение приобретает структурная модернизация. Международные ограничения выявили накопленные диспропорции и технологические зависимости, которые в условиях открытой экономики сглаживались за счёт импорта. В новых реалиях структурная перестройка становится не просто желательным, а необходимым условием устойчивого роста. Это предполагает переход к модели развития, основанной на внутреннем спросе, инновациях, технологическом суверенитете и расширении производственных цепочек внутри страны и в рамках дружественных экономических пространств.

В монографии обоснован вывод о том, что ускоренная адаптация российской экономики носит не временный, а системный характер. Формируются новые институциональные и экономические контуры, которые будут определять траекторию развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Вместе с тем сохраняется высокая степень неопределённости, связанная с динамикой международной обстановки, возможным ужесточением или трансформацией ограничительных мер, а также внутренними структурными вызовами.

Перспективы развития российской экономики во многом будут зависеть от способности конвертировать текущие адаптационные достижения в устойчивые источники роста. К числу ключевых направлений относятся: углубление технологической самостоятельности, развитие кооперации с дружественными странами, повышение производительности труда, совершенствование институциональной среды и стимулирование предпринимательской активности. Важным условием является сохранение макроэкономической стабильности при одновременном расширении инвестиционной активности и поддержке структурных преобразований.

В заключение следует подчеркнуть, что международные ограничения стали серьёзным испытанием для российской экономики, однако одновременно выступили стимулом для ускоренных изменений и переосмысления модели развития. Полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что российская экономика не только адаптировалась к новым условиям, но и заложила основы для формирования более устойчивой и самостоятельной экономической системы. Дальнейшее развитие будет определяться эффективностью реализуемых структурных реформ, качеством экономической политики и способностью интегрировать национальные интересы в меняющуюся глобальную экономическую архитектуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации. – М.: Минэкономразвития России, 2024. – 97 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mert-tuva.ru/wp-content/uploads/2023/10/prognoz-merf-na-2024-2026-gg.pdf>
2. Основные направления денежно-кредитной политики на 2023–2025 годы // Центральный банк Российской Федерации. – М.: Банк России, 2023. – 72 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkr/on_2023_2025/
3. Национальные счета и макроэкономические показатели // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М., 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm
4. Бабичев М.А. Ключевые тенденции в экономике России в 2022-2024 годах // Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления. 2024. №. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-tendentsii-v-ekonomike-rossii-v-2022-2024-godah> (дата обращения: 27.01.2025).
5. Интеллектуализация социально-экономических систем и императивы устойчивого развития цифровой экономики / А.Э. Мосияш, М.А. Петров, В.А. Спивак, Н.М. Фомичева // Императивы устойчивого развития социально-экономических систем в цифровой экономике. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 101-107. – EDN JTOQOE
6. Бодрунов С.Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Journal of New Economy. 2019. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/noonomika-kontseptualnye-osnovy-novoy-paradigmy-razvitiya> (дата обращения: 27.01.2025).
7. Проблемы и перспективы формирования цифровой инфраструктуры в агропромышленном комплексе России / И.Н. Александров, В.Н. Дорошко, А.В. Исаков [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 11, № 12(141). – С. 10-17. – DOI 10.36871/ek.ур.p.r.2023.12.11.002. – EDN BRTARN
8. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту [Текст]: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Н.В. Акиндинова, Д.А. Авдеева, В.А. Бессонов и др.; под ред. Н. В. Акин-

19. Федеральный бюджет Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024–2025 годов в условиях частично мобилизационной экономики / И.В. Караваева, С.В. Казанцев, М.Ю. Лев [и др.] // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 11-50. – DOI 10.18334/ecsec.6.1.117468. – EDN CNQVVM

20. World Bank. Russian Economic Report No. 49: Recovery and Renewal. – Washington D.C.: World Bank Group, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/255441621980279428/pdf/Russia-Economic-Report-Russia-s-Economic-Recovery-Gathers-Pace-Special-Focus-on-Cost-Effective-Safety-Nets.pdf>

21. United Nations. World Economic Situation and Prospects 2025. – New York: United Nations, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://policy.desa.un.org/publications/world-economic-situation-and-prospects-2025>

22. May В. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 г. // Российская экономика. Тенденции и перспективы. 2016. №38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-1-uroki-stabilizatsii-i-perspektivy-rosta-ekonomicheskaya-politika-rossii-v-2016-g> (дата обращения: 27.01.2026).

23. Кузнецова О.В. Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. №16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ekonomiki-rossiyskih-regionov-i-uroven-ih-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 27.01.2025).

24. OECD. Economic Outlook, Volume 2024, Issue 2. – Paris: OECD Publishing, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2024-issue-2_d8814e8b-en.html

25. Сулейманкадиева, А.Э. Управление инновациями и интеллектуальным капиталом компании / А.Э. Сулейманкадиева, М.А. Петров, О.Ю. Сыроватская. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В.И. Ульянова (Ленина), 2021. – 138 с. – ISBN 978-5-7629-2934-9. – EDN VHIJATF

26. Пастухова, Е.А. Адаптация экономической системы к изменениям среды / Е.А. Пастухова // Современные наукоемкие технологии. – 2006. – № 5. – С. 77-80. – EDN JRGPFH

27. IMF. World Economic Outlook: Resilience Amid Fragmentation. – Washington D.C.: International Monetary Fund, 2024. [Электронный ре-

сурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024>

28. Петров, А.Н. Стратегия импортозамещения и ее роль в управлении российскими компаниями топливно-энергетического комплекса / А.Н. Петров, А.Э. Сулейманкадиева, М.А. Петров // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 14–15 декабря 2020 года. Том Выпуск 16. Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – С. 417–421. – EDN MLASWQ

29. Глазьев С.Ю. О вызовах экономическому развитию России и ЕАЭС в условиях структурных изменений Мир-Системы // Век глобализации. – 2024. – № 4. С. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.01

30. Квартальный прогноз ВВП. Выпуск № 68 // Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-68/>

31. Петрова М.О. Адаптивные стратегии бизнеса в условиях экономической нестабильности // Вестник евразийской науки. – 2025 – Т.17 – №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/109FAVN125.pdf>.

32. Развитие человеческого капитала в условиях перехода общества к новому технологическому укладу / А.Э. Сулейманкадиева, М.А. Петров, И.Н. Александров, О.А. Попазова // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 1557–1572. – DOI 10.18334/vines.11.4.114013. – EDN OJVFMH

33. Экономика и управление интеллектуальным капиталом: Коллективная монография / А.Э. Сулейманкадиева, И.А. Садырин, О.Ю. Сыроватская [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – 183 с.

34. Tample Prasanna, Hitt lorin, Rock Daniel, Brynjolfson Erik, 2020. Digital capital and superstar firms. Working paper 28285. DOI: 10.3386/w28285 NATIONAL BUREAU OF ECONOMIC RESEARCH 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 december 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28285/w28285.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

35. Цифровые платформы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/> (дата обращения: 11.08.2024).

36. Оверби, Х. Цифровая экономика: как информационно-коммуникационные технологии влияют на рынки, бизнес и инновации: моно-

графия / Х. Оверби, Я. А. Одестад; перевод с англ. И. М. Агеевой и Н. В. Шиловой; под науч. ред. М. И. Левина. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 288 с.

37. Чен Эньфу. Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху: Монография / Чен Эньфу; науч. ред. издания на русском языке С.Д. Бодрунов. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2023. – 462 с.

38. ФАС: Wildberries и Ozon занимают 80% рынка маркетплейсов // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/01/24/1016539-fas-wildberries-ozon-80-rinka> (дата обращения: 2.02.2024).

39. Мошелла Д. Путеводитель по цифровому будущему: отрасли, организации и профессии / пер. с англ.: [Л. Русу]. – Москва: Альпина Паблишер, 2020. – 214 с.

40. Королев О.Л. Индивидуализация производства и потребления в цифровой экономике // Философия хозяйства. – 2022. – №2. – С. 112–123.

41. Вдохновляющих бизнес-идей для 3D-принтеров на 2024 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/проху_u/en-ru.ru.b39340b0-66c33ef4-77cead95-74722d776562/https/www.shopify.com/ie/blog/3d-printer-business-ideas (дата обращения: 18.08.2024).

42. Размер мирового рынка, прогноз и основные тенденции на 2025-2037 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.researchnester.com/ru/reports/3d-printing-market/6109> (дата обращения: 14.02.2025).

43. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнаревой; под научной ред. С. Щуктной. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – С. 125–126.

44. Интернет вещей. Развитие технологий и оценка возможностей перехода на отечественные решения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ict.moscow/research/internet-veshchei-razvitie-tekhnologii-i-otsenka-vozmozhnostei-perekhoda-na-otechestvennye-resheniia/> (дата обращения: 2.08.2024)

45. Дроздович, Л.И. Изменения современных глобальных цепочек создания стоимости / Л.И. Дроздович, А.В. Ивахова // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2023. – Вып. 18. – С. 160–168.

46. Ming Ye, Bo Meng, Shang-jin We. Measuring Smile Curves in Global Value Chains. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/obes.12364> (дата обращения: 12.02.2024).

47. Institute of Developing Economies. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rigvc.uibe.edu.cn/docs/20160329210052329340> (дата обращения: 15.01.2025).

48. Будущее = настоящее: тенденции роботизации в 2025 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interconexpo.ru/tpost/dttaftf521-buduschee-nastoyashee-tendentsii-roboti> (дата обращения: 15.01.2025).

49. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. – СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.

50. Бuzгалин А.В., Булавка-Бuzгалина Л.А., Колганов А.И. Маркс online: Будущее марксизма и марксизм будущего. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2020. – 338 с.

51. Бодрунов С., Десаи Р. и Фриман А. По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия / Монография – СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 15, 272, 279.

52. Топ-10 стран по уровню креативной экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Zk9JqprCqxiLzU1> (дата обращения: 2.02.2025).

53. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с английского, под ред. В. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.

54. Боркова Е.А. Теоретико-методические аспекты обеспечения эколого-экономической безопасности и устойчивое развитие (на примере арктических территорий) / Е.А. Боркова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. №3-2 (141). С. 67–72.

55. Плотников А.В. О достижении технологического суверенитета в контексте обеспечения экономической безопасности России в условиях санкций / А.В. Плотников, В.А. Плотников // Экономика и управление. 2024. Т. 30. №8. – С. 987–998.

56. Еловская М.А. Предпосылки использования цифровых инструментов при ведении бизнеса / М.А. Еловская // В сборнике: Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике. Материалы IV Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2022. – С. 118–121.

57. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.11.2024).

58. Цифровая трансформация российских компаний 2023. Naumen Research [Электронный ресурс]. Режим доступа file:///C:/Users/Folio/Downloads/Naumen_Research_Digital_Transformation_2023.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

59. Ватлина Л.В. Обеспечение экономической безопасности евразийских стран в условиях турбулентности // В сборнике: Конкуренция хозяйственных систем евразийского и западноевропейского типа. Сборник научных статей по итогам VIII международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2023. – С. 117–122.

60. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. – М.: РАНХиГС, 2021. – 184 с.

61. О производстве и использовании валового внутреннего продукта в 2023 году. Данные Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/52_05-04-2024.html (дата обращения: 10.11.2024).

62. Цифровизация – один из ключевых инструментов развития строительной отрасли. Минстрой России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/press/tsifrovizatsiya-odin-iz-klyuchevykh-instrumentov-razvitiya-stroitelnoy-otrasli/> (дата обращения: 06.10.2024).

63. Цифровой рудник. РСТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rct-global.com/ru/2020/10/digitisation-in> (дата обращения: 06.10.2024).

64. Долгая дорога к устойчивости. РБК+ (27 мая 2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/60a627c17a8aa962533999f3> (дата обращения: 11.11.2024).

65. Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности / Е.А. Боркова, Л.В. Ватлина, А.Х. Курбанов, В.А. Плотников; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – Санкт-Петербург: Издательство "Инфо-да", 2022. – 248 с. – ISBN 978-5-94652-707-1. – EDN ОННРФЕ

66. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and beyond. Sustainable Development Report 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://journal.ecostandard.ru/upload/iblock/0c6/8x39wvrnu0myzsyjtyzsz5r27x2jmdi hn/2022_sustainable_development_report.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

67. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федера-

ции от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ).

68. Путин назвал смысл госуправления // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/09/25/putin-nazval-smysl-gosupravleniia.html> (дата обращения: 05.11.2024).

69. Боркова Е.А. Санкции против России и их влияние на глобальные экономические последствия / А.А. Иванова, Д.Д. Зеленина // В сборнике: Актуальные проблемы развития социально-экономических систем: теория и практика. Сборник научных статей 12-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2022. С. 68–71.

70. Управление программами и проектами на региональном уровне. НПО Криста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.krista.ru/02/05/upravlenie-programmami-i-proektami-na-regionalnom-urovne/> (дата обращения: 11.11.2024).

71. Электронный бюджет. Единый портал бюджетной системы РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://budget.gov.ru0> (дата обращения: 14.11.2024).

72. Эпидемия коронавируса: реагирование национальных систем здравоохранения. Дайджест подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества СП РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-health-fin.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

73. Национальные проекты. Официальный сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 03.11.2024).

74. Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне (материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) // Аналитический вестник. №14 (728) Часть 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/eoqAP6En2AenIjBWVRsAny4HaBL7nqDT.pdf> (дата обращения: 03.11.2024).

75. Национальное здоровье – главный приоритет // Журнал Здравоохранение России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zdorovayarossia.ru/actual/natsionalnoe-zdorove-glavnyu-prioritet/> (дата обращения: 15.11.2024).

76. Боркова Е.А. Моделирование социо-эколого-экономических взаимосвязей как способ оценки устойчивого развития региона // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. №3 (53). – С. 24–30.

77. Ватлина Л.В. Культура цифровой трансформации предоставления государственных услуг // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. №1 (133). – С. 73–78.

78. Еловская М.А. Предпосылки использования цифровых инструментов при ведении бизнеса // В сборнике: Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике. Материалы IV Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 118–121.

79. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений учебник, для подготовки магистров, обучающихся по специальностям "Бухгалтерский учет, анализ и аудит", "Финансы и кредит", "Мировая экономика" / О.В. Ефимова. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Омега-Л, 2013. – 348 с.

80. Шерemet, А.Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практическое пособие / А.Д. Шерemet, Е.В. Негашев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 208 с.

81. Крейнина, М.Н. Финансовый менеджмент: Учебное пособие / М.Н. Крейнина. – Москва: Дело и Сервис, 1998. – 304 с.

82. Комплексный экономический анализ предприятия [Текст] / [А.П. Калинина и др.]; под ред. Н.В. Войтоловского, А.П. Калининой, И.И. Мазуровой. – Москва [и др.]: Питер, 2009. – 569 с.

83. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В.В. Ковалев. – Москва: Финансы и статистика, 2006. – 559 с.

84. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. – 6-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 378 с.

85. Алексеева М.М. Планирование деятельности фирмы [Учеб.-метод. пособие] / М.М. Алексеева; Фин. акад. при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Финансы и статистика, 1998. – 246 с.

86. Императивы устойчивого развития социально-экономических систем в цифровой экономике / А.Э. Мосияш, Т.А. Селищева, Е.А. Боркова [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – 196 с. – ISBN 978-5-7310-6294-7. – EDN NVSPXD

87. Поскочинова, О.Г. Роль прорывных инноваций при переходе к новому типу социально-экономического развития / О.Г. Поскочинова, М.А. Петров // Экономические науки. – 2024. – № 233. – С. 72-79. – DOI 10.14451/1.233.72. – EDN IJTYQV

88. Структурные изменения в экономике России в 2022–2024 годах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://acra-ratings.ru/research/2812/?ysclid=mkvijzrji679099728> (дата обращения: 11.01.2025).

89. Инвестиции в РФ: статистика за 2024 и начало 2025 годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dv-consulting.ru/statistika-investicii-v-rf/?ysclid=mkvjvhrmxs161022945> (дата обращения: 11.01.2025).

90. Табах А, Подругина А. Рынок труда: охлаждение или системная трансформация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/labor_market_2025/?ysclid=mkvl2xggnb389712525 (дата обращения: 11.01.2025).

91. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / О.В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (0,35 Мбайт). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 64 с. – ISBN 978-5-7598-4067-1 (e-book) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/940903153.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

92. Сулейманкадиева, А.Э. Управление знаниями и непрерывное развитие персонала: учебное пособие / А.Э. Сулейманкадиева, М.А. Петров, М.А. Гриднева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – 128 с. – ISBN 978-5-7310-6059-2. – EDN JTEVFR

93. Сулейманкадиева, А.Э. Менеджмент интеллектуальной компании / А.Э. Сулейманкадиева, М.А. Петров, Т.А. Попкова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – 146 с. – ISBN 978-5-7310-4920-7. – EDN IFMНBF

94. Бессонова Е., Иванова Н., Москалева А. Динамика доходов российских домохозяйств в 2022–2024 годах. Аналитическая записка // Центральный банк Российской Федерации, ноябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/185192/analytic_note_20251120_dir.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

95. Методологические аспекты оценки интеллектуального капитала глобальной компании в условиях современных технологических трансформаций / А.Э. Сулейманкадиева, Е.А. Ткаченко, М.А. Петров [и др.] // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм: Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020, Москва, 02–04 декабря 2020 года / Под общей редакцией С.Д. Бодрунова. Том 2. – Москва: Ассоциация "Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований "Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте", 2021. – С. 92-103. – EDN JONКСU

96. Methodological aspects of intellectual capital valuation of a global company in modern conditions / A.E. Suleimankadieva, E.A. Tkachenko, M. A. Petrov [et al.] // Proceedings of the International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management and Organisational Learning, ICICKM: 17, Toronto, ON, 15–16 октября 2020 года. – Toronto, ON, 2020. – P. 346-353. – DOI 10.34190/IKM.20.061. – EDN VKTGGR

97. Динамика численности населения России с 1960 по 2024 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.finiversity.ru/data/country/RU/population/> (дата обращения: 11.01.2025).

98. Петров, М.А. Концептуальные основы управления знаниями и систем управления знаниями / М.А. Петров, М.И. Пивоварова // Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сборник научных трудов. Том Выпуск 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 68-77. – EDN YXMYNE

99. Экономика и управление интеллектуальным капиталом: Коллективная монография / А.Э. Сулейманкадиева, И.А. Садырин, О.Ю. Сыроватская [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – 183 с. – ISBN 978-5-7310-4970-2. – EDN RGXUEN

100. Волох, В.А. Миграционная политика: теоретико-методологические и концептуальные подходы / В.А. Волох // Вопросы политологии. – 2012. – № 1(5). – С. 48-59. – EDN PCYTVX

101. Рыбаков Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 218 с.

102. Кононов Л.А. Аналитические обзоры Института научных исследований и информации Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Миграционная политика России: проблемы и пути их решения / Л.А. Кононов. – 2010. – 34 с.

103. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/kaufman/kaufman.html>. (дата обращения: 22.06.2024).

104. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука, 1987. – 200 с.

105. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с.

106. Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем: [материалы Международной конференции, 25-26 марта 2021 г.] /

Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте; под общей редакцией Бодрунова С.Д. – Санкт-Петербург: ИНИР им. С. Ю. Витте, Центркаталог, 2021. – 542 с.

107. Якшибаева, Г.В. Трудовой потенциал инновационной экономики: монография / Г.В. Якшибаева; Г.В. Якшибаева; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Уфимский гос. авиационный технический ун-т". – Уфа: УГАТУ, 2012. – 275 с. – ISBN 978-5-4221-0269-3. – EDN QVHOER.

108. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

109. Коротаева, Н.В. Электронные деньги: сущность, функции и роль в экономике / Н.В. Коротаева // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 12(34). – С. 137-141. – EDN PCGZPB

110. Эволюция электронных денег. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://studwood.ru/699523/ekonomika/evolyutsiya_elektronnyh_deneg (дата обращения 03.03.2023 г.).

111. Кисляк, Д.Г. Электронные деньги в системах электронного бизнеса / Д.Г. Кисляк // Экономика, право и проблемы управления. – 2012. – № 2. – С. 72-79. – EDN PYFIMJ

112. Рейтинг платежных систем в России за 1 кв. 2023 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://aflife.ru/platezhnye-sistemy/rejting-platezhnyh-sistem> (дата обращения 04.04.2023 г.).

113. Янов, В. В. Деньги, кредит, банки: учебное пособие для вузов по направлению подготовки "Экономика" (квалификация (степень) "бакалавр") / В.В. Янов, И.Ю. Бубнова. – Москва: Компания КноРус, 2014. – 424 с. – (Бакалавриат). – ISBN 978-5-406-03235-0. – EDN VAFOTP

114. Курбатов А.Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству Российской Федерации // Хозяйство и право. – 2007. – №9. – С. 68–84.

115. Что такое цифровой рубль и для чего он нужен. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/guide/digital-currency/?ysclid=ln5qjska85132082562> (дата обращения 03.10.2023 г.).

116. Третий – лишний? Как работает цифровой рубль и зачем он нужен российской экономике. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/24/cifrovoj-rubl-chto-eto-kak-rabotaet-gde-kupit.html?ysclid=ln5qi6t77j11493546> (дата обращения 03.10.2023 г.).

117. Современные проблемы менеджмента и развития государственного и муниципального управления / Е.А. Горбашко, Н.Р. Камы-

нина, И.Г. Головцова [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – 159 с. – ISBN 978-5-7310-6099-8. – EDN BLLGХК

118. Егоров, В.Г. Глобальные направления развития мировой цивилизации / В.Г. Егоров, В.В. Штоль // Обозреватель. – 2023. – № 2(397). – С. 5-24. – DOI 10.48137/2074-2975_2023_2_5. – EDN ARBWXA

119. Депутат Завальный: Турция с вероятностью 90% отдаст РФ второй проект АЭС в Синопе // Парламентская газета. 14.06.2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/deputat-zavalnyu-turciya-s-veroyatnostyu-90-otdast-rf-proekt-aes-v-sinope.html?ysclid=mkwyff1qmy557718609> (дата обращения: 16.06.2024).

120. Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-oon-ob-izmenenii-klimata/> (дата обращения: 10.09.2024).

121. Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного финансирования // Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. – М., 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf. (дата обращения: 10.09.2024).

122. Концепция технологического развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

123. Миэринь Л.А. Мегатренды глобального развития как вызовы для России // Современные вызовы и реалии экономического развития России: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2024. – 575 с. – С. 74-77.

124. Мишустин назвал приоритетные меры по достижению декарбонизации в России и в мире // Ведомости. 13 ноября 2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/news/2024/11/13/1074760-mishustin-nazval-prioritetnie-meri-po-dostizheniyu-dekarbonizatsii-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения: 16.06.2024).

125. МЭР заявило, что Россия к 2030 году удвоит мощности возобновляемых источников энергии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19501573> (дата обращения: 10.09.2024).

126. Технологическая экосистема будущего: на благо человека и планеты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roscongress.org/sessions/spief-2024-delovaya-programma-tekhnologicheskaya-ekosistema->

budushchego-na-bлаго-cheloveka-i-planety/discussion/ (дата обращения: 16.06.2024).

127. Цифровая экономика и новый энергетический ландшафт: Монография / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН, профессора Е.А. Телегиной. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2020. – 297 с.

128. Чистые технологии для устойчивого будущего Евразии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/special-reports/chistye-tekhnologii-dlya-ustoychivogo-budushchego-evrazii/> (дата обращения: 16.06.2024).

129. 10 прорывных идей в энергетике на следующие 10 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalenergyprize.org/ru/regional-to-global/10ideas/> (дата обращения: 16.06.2024).

130. Evolution of the polycrisis: Anthropocene traps that challenge global sustainability [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rstb.2022.0261> (дата обращения: 16.06.2024).

131. Green F, Healy N. How inequality fuels climate change: the climate case for a Green New Deal. One Earth. 2022. №5, p.635–649.

132. TRILEMMA INDEX 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldenergy.org/assets/downloads/World_Energy_Trilemma_Index_2022.pdf?v=1669839605 (дата обращения 01. 09.2024).

133. TRILEMMA INDEX 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.worldenergy.org/publications/entry/world-energy-trilemma-report-2024>.

134. Energy Trilemma Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trilemma.worldenergy.org> (дата обращения 01. 09.2024).

135. BP Energy Outlook: 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2024.pdf> (дата обращения 01. 09.2024).

136. Финансирование «современной» энергетики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://forumvostok.ru/news/finansirovanie-«sovremennoj»-energetiki/> (дата обращения 01. 09.2024).

137. EIA – Energy Information Administration. 2019. Iran International Energy Data and Analysis: 1–9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Iran/pdf/iran_exe.pdf. (дата обращения 05.09.2024).

138. South Pars phases require investment worth \$20B // Новостной портал AZERNEWS [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.azernews.az/region/91622.html> (дата обращения 05.09.2024).

139. Total Stops Iran Gas Project as Risk from Sanctions Too High // Информационное агентство Bloomberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-05-16/total-stops-iran-investments-as-risk-from-sanctions-too-high> (дата обращения 05.09.2024).

140. Южный Парс, (North/South Pars) – крупнейшее нефтегазовое месторождение(НГМ) // Новостной портал NEftegaz.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/141765-yuzhnyu-pars-north-south-pars-krupneyshee-neftegazovoe-mestorozhdenie-ngm/> (дата обращения 05.09.2024).

141. Jalilvand, D. R. 2013. Iran's Gas Exports: Can Past Failure Become Future Success? Oxford institute for energy studies 78: 1–43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordenergy.org/wp-content/uploads/2013/06/NG-78.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

142. Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/1037/ (дата обращения 05.09.2024).

143. Газпром официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/press/news/2022/july/article554979/> (дата обращения 05.09.2024).

144. Путин предложил Эрдогану создать газовый хаб в Турции. Нужен ли он Европе // РБК: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/14/10/2022/6347f9d49a7947dfbedaa0f4> (дата обращения 05.09.2024).

145. Теория и практика развития биоэкономики: инновации, цифровизация, трансформация... / И.А. Максимцев, А.Э. Сулейманкадиева, Н.М. Фомичева [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – 154 с. – ISBN 978-5-7310-4770-8. – EDN ORVPRK

146. Suleimankadieva, A.E. Strategic prospects for the development of human capital in the context of singularity and intellectualization of the Russian economy / A.E. Suleimankadieva, M. Petrov, O. Popazova // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, St. Petersburg, 21–22 ноября 2019 года. – St. Petersburg, 2020. – P. 012092. – DOI 10.1088/1757-899X/940/1/012092. – EDN SFHHWD

147. Methodological aspects of intellectual capital valuation of a global company in modern conditions / A. E. Suleimankadieva, E. A. Tkachenko, M. A. Petrov [et al.] // Proceedings of the International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management and Organisational Learning, ICICKM: 17,

Toronto, ON, 15–16 октября 2020 года. – Toronto, ON, 2020. – P. 346-353. – DOI 10.34190/IKM.20.061. – EDN VKTGGP

148. Вельмисова, Д.В. Проблема управления качеством человеческого капитала в условиях цифровизации общественных отношений / Д.В. Вельмисова, М.А. Петров // Актуальные вопросы развития современной науки: теория и практика: Сборник материалов научной сессии профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2022 г, Санкт-Петербург, 01 апреля – 01 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2024. – С. 18-20. – EDN VOBZKA

149. Сценарии развития малого бизнеса в России в условиях неопределенности / И. Н. Александров, В. Н. Дорошко, А. В. Исаков [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 11, № 11(152). – С. 31-36. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.11.11.004. – EDN QDOSUI

150. Suleimankadieva, A. Education system transformation in the digital economy / A. Suleimankadieva, M. Petrov, C. Prozorovskaya // Challenges, Trends and Inspirations within the labor market 2021: Proceedings of scientific papers from the international scientific conference, Trenčín, 11 ноября 2021 года / Alexander Dubček University in Trenčín. – Trenčín: Faculty of Healthcare, Alexander Dubcek University of Trencin, 2022. – P. 355-361. – EDN FRBRGQ

Научное издание

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ:
УСКОРЕННАЯ АДАПТАЦИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Коллективная монография

Верстка Л.А. Солдатовой

Подписано в печать 22.10.2025. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ 1096.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ